

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

12

1942

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
СССР

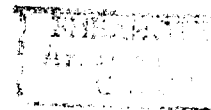
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

*Ответственный редактор
Ем. Ярославский*

К Н И Г А

12

112

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1942

СТАТЬИ

РАЗГРОМ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ

Полковой комиссар Б. Тельпуховский

1

Стратегический план германского командования в начале войны против СССР заключался в том, чтобы, используя преимущество внезапного, вероломного нападения, глубокими прорывами нанести удары на Ленинград, Москву и Ростов, разорвать советский фронт на части, лишить разрозненные части Красной Армии единого руководства, окружить и разбить их, захватить важнейшие жизненные центры страны.

Согласно этому плану, центральная группировка немецких войск должна была совершить глубокий прорыв на Москву. Путь этой ударной группировки намечался на Минск, Смоленск и Москву. Немецкое командование, исходя, очевидно, из опыта войны во Франции, где германские мотомехсилы в 1940 г. образовали глубокий прорыв в направлении Седан—Амьен—Аббевиль, пройдя в 4—5 дней расстояние около 300 км, определило в первоначальной директиве своим полчищам срок захвата Москвы в три недели.

Гитлеровцы надеялись, что в нашем тылу выступит «пятая колонна», что после первого же серьезного удара и первых неудач Красной Армии возникнут острые конфликты между рабочими и крестьянами и между национальностями СССР, начнутся восстания и Советский Союз распадется на части. Гитлеровцы недооценили силы и мощь нашей страны, ее Красной Армии и Военно-Морского Флота и переоценили свою силу.

Победа социализма в нашей стране, ликвидация эксплуататорских классов обеспечили невиданное в истории морально-политическое единство народов нашей страны, расцвет дружбы народов СССР, мощный патриотизм и беззаветную любовь советских граждан к своей родине.

С первых же дней войны немцы сразу почувствовали, насколько отличается советско-германский фронт от того, с чем им приходилось иметь дело на Западе. Сразу же сказалась сила могучего сопротивления Красной Армии и всего советского народа.

К концу первого месяца войны на центральном направлении немцам удалось ценою больших потерь достигнуть района Смоленска. Здесь они были задержаны на месяц могучим сопротивлением наших войск. Бой за Смоленск приняли ожесточенный характер.

Затем начались ожесточенные бои восточнее Смоленска, на подступах к Вязьме. И здесь наступление центральной германской группировки войск было остановлено на длительный срок — до октября. Быстрое продвижение немецких войск захлебнулось так же и под Ельней, где части Красной Армии нанесли немцам ощутительный удар.

Попад в затруднительное положение, германское командование начало перегруппировку своих войск. Подтянув новые резервы, оно сосредоточило огромные людские силы, большое количество военной техники и боеприпасов для генерального наступления на Москву.

Осенью 1941 г. немецкое командование предприняло две попытки наступления на Москву. 2 октября германские армии по приказу Гитлера начали первый поход на Москву. Столица советского государства являлась для немецко-фашистских захватчиков вождеденной целью по соображениям как чисто военного, так и политического порядка. Взятием Москвы Гитлер и его окружение надеялись создать во всем мире впечатление полной и окончательной победы над СССР и его армией. Захватом Москвы Гитлер и его окружение надеялись нейтрализовать и задуть растущее недовольство немецкого населения, его страх перед неизбежной ответственностью за те злодеяния, которые принесли гитлеровцы народам мира.

Вот почему походу на Москву, начатому в октябре, Гитлер придавал исключительно большое значение. В приказе войскам Восточного фронта от 2 октября он писал: «Сегодня начинается последнее большое, решающее сражение этого года». Немецко-фашистские захватчики не сомневались в успехе.

Немецкие бронетанковые войска, превосходившие численностью части Красной Армии, бешено рвались к Москве. Они настолько были уверены в своей победе, что 10 октября главный квартирмейстер немецкой армии отдал приказ, где и как размещать войска в Москве и под Москвой. На 12 октября Геббельс приказал всем берлинским газетам оставить место для «экстренного сообщения».

Однако захвата Москвы немцам осуществить не удалось. Немецко-фашистские захватчики на далеких подступах к Москве встретили сокрушительный отпор. «Последнее решающее сражение этого года», на которое Гитлер и его окружение возлагали большие надежды, провалилось. Гитлеровские полчища в своем «последнем» наступлении выдохлись и захлебнулись.

Героические бойцы Красной Армии грудью встретили бешеный натиск врага, защищая каждую пядь земли, на дальних подступах к Москве изматывая и обескровливая противника.

19 октября в Москве было объявлено постановление Государственного Комитета Оборона о защите столицы. Город был объявлен на осадном положении. Были намечены два рубежа, на которых организуется оборона. На дальних рубежах, в 100—120 километрах западнее Москвы, оборона была возложена на командующего Западным фронтом генерала армии тов. Жукова, а на ближних подступах к Москве — на начальника гарнизона города Москвы генерал-лейтенанта Артемьева. Трудящиеся Москвы призывались к героической обороне и беспощадной расправе с провокаторами, шпионами и всеми, кто мешает отпору врагу.

«Государственный Комитет Оборона, — гласит постановление, подписанное Сталиным, — призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие».

Москвичи, а с ними и весь советский народ горячо откликнулись на этот призыв.

Миллионы советских патриотов во всех концах необъятной страны готовились отдать свою жизнь за родную Москву, за отчизну, за честь и свободу народа, за независимость своего цветущего государства. К рубежам, где развертывалась историческая битва, шли новые, свежие пополнения, о которых говорил великий Сталин в своем докладе 6 ноября 1941 г. Дальние и ближние подступы к Москве укреплялись: возводились противотанковые сооружения, сооружались надолбы, бетонированные огневые точки, строились проволочные заграждения, делались лесные завалы. Улицы Москвы покрылись баррикадами.

Многие москвичи — рабочие, служащие, ученые, студенты — добровольно пошли в ряды рабочих батальонов, другие — строить оборон-

тельные сооружения. В рекордные сроки было завершено строительство оборонных сооружений вокруг Москвы. В короткие сроки было проведено укомплектование рабочих батальонов, которые стали рядом с бойцами регулярных частей.

На всех заводах и фабриках кипела напряженная работа. На место уходящих на фронт приходили женщины, молодежь и старики. Приходили люди, которые до этого никогда не работали на производстве, и становились к станкам, в короткие сроки овладевая новыми для них специальностями.

В немецком тылу развернулось мощное партизанское движение. Десятки партизанских отрядов, возглавляемых руководящими партийными и советскими работниками Московской области, наносили удары по коммуникациям немецких войск. Партизаны Подмосковья истребляли тысячи немцев, уничтожали их технику, создавали им невыносимые условия.

Вся страна, весь народ поднялся на защиту Москвы. Все, что завоевал наш народ своей долгой и упорной борьбой, трудами многих поколений, все, что он создал за 24 года советской власти, — все это в глазах советского народа воплощено в Москве. Москва — это не только столица, это родина-мать. В Москве великий Сталин. Сталин — это символ нашей победы. С именем Сталина связано счастье нашего народа.

II

В эти тревожные дни страна услышала уверенный голос товарища Сталина, его вдохновенные слова, обращенные к Красной Армии, партизанам и партизанкам: «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!»

Речь вождя, парад Красной Армии на Красной площади вдохнули новые силы, вызвали величайший подъем в рядах защитников Москвы. Улицы и предместья столицы загрохотали воинские части. По заснеженным дорогам подтягивались к фронту новые резервы, орудия, танки, механизированные части, отряды лыжников, автоматчиков, подходили конногвардейские части, подтягивалась пехота. Все разнообразие современных технических средств борьбы было представлено под Москвой. С воздуха наша авиация громила опорные пункты, боевые порядки и резервы врага. В тыл врага и на переезды путей отхода выбрасывались парашютные десанты; по рельефовым путям пускались бронепоезда; в белых маскировочных халатах методически продвигалась вперед советская пехота; ей расчищала дорогу наша артиллерия. И далеко в морозном воздухе громко звучала бодрая песня-клятва советских воинов:

«Мы не дрогнем в бою за столицу свою.

Нам родная Москва дорога.

Нерушимой стеной,

Обороной стальной

Разгромим, уничтожим врага!»

Раненый зверь, взбешенный своими неудачами, рвался вперед. Гитлеровцы в бессильной ярости и злобе на 147-й день войны, 15—16 ноября 1941 г., предприняли второе «генеральное наступление» на Москву. В своем приказе по немецкой армии Гитлер потребовал «разделаться с Москвой во что бы то ни стало, любой ценой». Для этой цели немцы стянули под Москву треть войск своей действующей армии: 13 танковых,

5 моторизованных и 33 пехотных дивизии. В общей сложности на операционных направлениях, имевших целью захват Москвы, Гитлер бросил в наступление 47—51 дивизию. В первой линии боевых порядков у немцев находилось 40 дивизий, а остальные составляли резерв. Для того чтобы представить мощь этих сил, достаточно сравнить их с теми силами, которые весной 1940 г. были брошены Гитлером против Франции: Гитлер бросил против Франции от моря до Седана 10—11 бронетанковых дивизий, которые разгромили всю французскую армию. Против Москвы же было брошено 13 бронетанковых дивизий.

Приказы Гитлера, истощные речи Геббельса непрерывно подхлестывали немецкие войска. Гитлер заставлял своих солдат идти вперед, щедро раздавая лживые заверения в том, что война кончится скоро, буквально на-днях. Чтобы добиться ее окончания, Гитлер предлагал своим солдатам сделать только один «маленький» скачок — взять Москву. В награду были обещаны поместья по 100 гектаров на каждого и русские рабы.

Под Москвой развернулось самое грандиозное сражение, какое только знает мировая история. В бой было введено такое количество живой силы и техники, о каком человечество до сих пор не имело представления.

Оперативный план германского командования заключался в широком охвате Москвы, в окружении столицы, частей Красной Армии, защищающих Москву, перерыве их коммуникаций, связи с тылом, после чего намечался штурм города.

Ноябрьское наступление развернулось на фронте от Клина до Тулы по прямой, около 250 километров. Гитлеровцы решили обойти Москву с севера — через Волоколамск, Клин, а с юга — через Тулу и дальше продвигаться на Каширу, Рязань, с тем чтобы отрезать столицу от востока, откуда слешно шли резервы на помощь войскам, защищающим Москву. Немецкое командование стремилось взять Москву «в клещи». Гитлер решил на этот раз не разбрасывать свои силы, а сосредоточить свои резервы для осуществления лишь одной цели — окружения и взятия Москвы. Интересна мотивировка нового наступления, данная в приказе Гитлера: «Учитывая важность назревающих событий, особенно зиму, плохое материальное обеспечение армии, приказываю в ближайшее время любой ценой разделаться со столицей — Москвой».

Главные удары немецкое командование решило наносить на флангах. При этом предусматривался активный нажим и на центр. На севере (Клинское — Солнечногорско-Дмитровское направление) 3-я и 4-я танковые группы генералов Гоота и Хюшнера в составе семи танковых и двух моторизованных дивизий имели задачу занять Клин, Солнечногорск, Рогачев, Яхрому, Дмитров, а затем ударить на Москву. На юге (Тульско-Каширско-Рязанское направление) 2-я танковая армия генерала Гудериана в составе четырех танковых, двух моторизованных и одной пехотной дивизий имела задачу занять Тулу, Каширу, Рязань и Коломну, а затем ударить на Москву с тыла. Против центра действовали основная масса пехоты и 19-я и 20-я танковые дивизии противника.

Над столицей нависла смертельная опасность. Немецко-фашистские захватчики были уверены в близкой победе, о чем неоднократно заявляло германское информационное бюро. Так, например, 18 ноября сообщалось:

«Военные операции вступили в свою заключительную фазу. Падение Ленинграда и Москвы и занятие других объектов являются в большей мере вопросами времени и метеорологических условий, нежели вопросом преодоления военного сопротивления».

Даже после того, как наши войска разбили армейскую группировку Клейста и освободили Ростов на Дону и немцы понесли чудовищные потери под Москвой, германское информационное бюро чванливо сооб-

шало: «Германское командование будет рассматривать Москву как свою основную цель даже в том случае, если Сталин попытается перенести центр тяжести военных операций в другое место. Германские круги заявляют, что германское наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что уже можно рассмотреть внутреннюю часть города Москвы через хороший бинокль».

Суровые дни переживала Москва в ноябре 1941 года. Подковой, обращенной концами на восток, стояли тогда немецкие полчища, которые стремились опоясать Москву. Подкова сжималась. 20 ноября немцы захватили Клин. К 29 ноября ими были заняты Рогачев и Яхрома. Между Яхромой и Дмитровом одному немецкому батальону с танками удалось прорваться через канал Волга — Москва. На северном фланге создалось угрожающее положение.

В тяжелом положении находился и южный фланг обороны. Правда, длительная оборона Тулы, которую немцам так и не удалось взять, сыграла исключительно большую роль: Тула была опорным пунктом, который сковывал продвижение немцев. Но они обошли Тулу с юго-востока и с севера, заняли Сталиногорск, Михайлов и Венев. Полчища немецко-фашистских захватчиков рвались на Рязань и Каширу.

На центральном участке немцы также подошли близко к Москве: они захватили Истру, наступали на Звенигород, Кубинку, делали попытку прорваться от Наро-Фоминска на Апрелевку и Голицыно.

Уже в западных и югозападных пригородах Москвы были слышны отголоски артиллерийской канонады. Зарвавшимся немецко-фашистским захватчикам казалось, что достаточно сделать еще один натиск — и они будут в Москве. Немецкое командование уже лелеяло мечты, что с захватом столицы и наступлением зимы они найдут себе в Москве теплые квартиры, где будет отогреваться и обжираться их вшивое воинство.

Однако не суждено было сбыться фантастическим мечтам озверелой банды гитлеровских разбойников.

III

В те суровые дни народ еще крепче сплотился вокруг большевистской партии и вокруг любимого вождя народов товарища Сталина.

Это он, товарищ Сталин, в Москве в эти суровые дни ковал победу над ненавистным врагом. Под его руководством разрабатывался оперативный план разгрома немцев. Товарищ Сталин вникал во все детали обороны Москвы, начиная с больших организационных вопросов и кончая вопросами быта бойцов и командиров. По его инициативе были созданы ударные армии, установлена система их комплектования и вооружения. Сталинская рука чувствовалась во всех звеньях и частях наших войск. Сталинский стратегический план разгрома немцев под Москвой был рассчитан на создание стратегических резервов, которыми можно было бы не только парировать удары немецких войск, но и перейти в контрнаступление, на организацию прочной и активной обороны, на изматывание, истощение противника в частых боях, имеющих местное значение, на переход к контрнаступлению тогда, когда будут созданы для этого условия.

С 15 ноября по 5 декабря 1941 г. части Красной Армии вели ожесточенные оборонительные бои с немецкими войсками. Немцы в ходе боев были вынуждены бросать в бой свои свободные резервы, и к концу ноября они их уже израсходовали.

Верховное командование Красной Армии с большим успехом и искусством использовало сильные стороны положения Красной Армии и слабые стороны противника. В первый период войны, когда немцы имели военное преимущество в результате вероломного и внезапного нападения, Красная Армия действовала в плане активной обороны, обес-

кровливая врага, уничтожая его технику, живую силу и замедляя темпы его продвижения, с тем чтобы выиграть время. В ходе войны Красная Армия накапливала новые силы, пополнялась людьми, техникой, готовилась к выполнению нового стратегического плана — плана контрнаступления на противника. В боях с немецкими захватчиками выковывались кадры умелых, опытных, стойких защитников родины, которым предстояло стать грозой для врага.

В сталинской школе военного руководства, под огнем неприятеля выросли советские генералы, командиры Красной Армии, такие, как Жуков, Рокоссовский, Еременко, Курочкин, Катуков и многие другие.

В нужный момент советское командование двинуло в бой свои резервы и нанесло зарвавшемуся врагу мощный удар на ряде решающих участков фронта.

В основу плана контрнаступления Красной Армии под Москвой была положена четкая оперативная задача — разгром «клещей» немцев с одновременным сильным нажимом на центр. Этот оперативный замысел осуществился блестяще.

Верховный главнокомандующий вооруженных сил СССР товарищ Сталин непосредственно руководил ходом выполнения оперативного плана, повседневно давал указания командующим армиями. Вот что писал об этом генерал-лейтенант Рокоссовский в своей статье «Ни минуты передышки отступающему врагу»:

«Сталинский план советского контрнаступления в Подмосквья успешно выполняется. Твердо и неуклонно вел нас к этой цели наш Верховный Главнокомандующий. Не раз и не два он находил время для того, чтобы непосредственно снестись с частями, действующими на нашем участке.

Это было в критические дни, когда мы отходили под напором превосходящих сил неприятеля. Неожиданно меня вызвали к телефону. Я услышал: «Говорит Сталин. Доложите обстановку». Подробно, стараясь не упустить ни одной мелочи, я обрисовал положение на нашем участке фронта. В ответ раздался спокойный голос: «Держитесь крепче. Мы вам поможем».

Буквально на следующий день мы ощутили все реальное значение этих слов. Меры, принятые Сталиным, позволили нам прекратить отход и, в конечном счете, перейти в контрнаступление»¹.

Генерал-майор Власов рассказал, что «ликвидацией Солнечногорского нарыва лично руководил Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин. Замысел Солнечногорской операции был разработан им. Мы неоднократно получали указания от товарища Сталина о том, чтобы действовать на окружение противника, уничтожение его живой силы и техники. Сталинский замысел был нами выполнен, и это обеспечило успех нашей операции».

Немцы нигде не могли пробить брешь в сталинской обороне Москвы. Немецкие «клинья» попали в оперативные «мешки». В дело были пущены наши оперативные резервы, которые нанесли сокрушительные удары по немецким войскам.

Исключительно большую роль в битве за Москву сыграла наша авиация. «26 ноября прошлого года перед началом нашего наступления, — пишет генерал-лейтенант авиации И. Петров, — вызвал меня товарищ Сталин. Речь шла о том, каким образом обеспечить с воздуха прорыв нашими войсками укрепленной полосы немцев на севере от Москвы. Вспомнив операцию по разгрому группы Гудериана летом прошлого года, товарищ Сталин сказал: «Помните Брянск? Сейчас надо действовать так же, чтобы разгромить врага, надо бить его непрерывно

¹ «Красная звезда» от 19 декабря 1941 года.

нем и ночью, волна за волной, не давая ему опомниться, уничтожая его опорные пункты, лишив его возможности подводить резервы. Вся наша боевая работа должна проходить в теснейшем взаимодействии с наземными войсками».

Указание товарища Сталина тогда было передано личному составу действующих на этом участке фронта авиационных частей. Летчики претворили сталинский наказ в жизнь».

До 6 декабря части Красной Армии вели ожесточенные оборонительные бои, сдерживая наступление ударных фланговых группировок и отражая вспомогательные удары на Истринском, Звенигородском и Наро-Фоминском направлениях. В ходе этих боев германские войска понесли большие потери. С 16 ноября по 6 декабря, по далеко не полным данным, нашими войсками было уничтожено и захвачено, не считая действий авиации: танков — 777, автомашин — 534, орудий — 178, минометов — 119, пулеметов — 224; потери противника убитыми — 55 170 человек. В действующих частях немецких войск осталось личного состава не больше 50%.

6 декабря 1941 г., выполняя сталинский приказ о разгроме врага, войска Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, под командованием генерала армии Г. К. Жукова нанесли германской армии крупное поражение. К исходу 11 декабря 1941 г. части Западного фронта занимали следующее положение. На северном фланге войска генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко стремительным ударом, сбивая 1-ю танковую, 14-ю и 36-ю мотопехотные дивизии противника, освободили от немцев Рогачев и окружили Клин; войска генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова освободили от немцев Яхрому и, стремительно преследуя отступающие 6-ю и 7-ю танковые и 23-ю пехотную дивизии противника, вышли югозападнее Клина, создавая угрозу немцам, засевшим в Солнечногорске; еще левее войска генерал-майора А. А. Власова, преследуя 2-ю танковую и 106-ю пехотную дивизии противника, освободили город Солнечногорск.

На Южном фронте войска генерал-лейтенанта Голикова, вышедшие во фланг всей правофланговой группировке Гудериана, заставили ее откатиться назад — были освобождены города Михайлов и Епифань.

Части генерал-лейтенанта И. В. Болдина и гвардейский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта П. А. Белова разгромили 3-ю, 4-ю и 17-ю танковые дивизии, 29-ю мотомехпехотную, 177-ю пехотную дивизии и полк СС «Великая Германия».

Итак, южная группировка противника, которая имела своей задачей окружить Москву с юга, последовательными ударами Красной Армии была разгромлена, и остатки разбитых войск вынуждены были отойти на запад. Гвардейский кавалерийский корпус Белова сыграл большую роль в разгроме немецкого правого фланга. Недаром такое большое внимание коннице уделял товарищ Сталин еще в начале войны.

Генерал-полковник О. Городовиков в статье «Советская конница — гроза немецких захватчиков» писал: «Еще в начале войны меня как-то вызвал к себе товарищ Сталин. — Помните, — сказал он, — как в 20-м году вы ходили в рейд на Каховку? — Я ответил, что хорошо помню. Речь шла о походе 2-й Конной армии в Северную Таврию, в тыл Врангелю. — Так вот, — продолжал товарищ Сталин, — надо сейчас организовать конные группы и идти в тыл, бить немцев с тыла.

Товарищ Сталин дал подробные указания, как действовать, какие задачи должны решать кавалерийские части, идущие во вражеский тыл»¹.

¹ «Красная звезда» от 22 февраля 1942 года

Советская конница, возвращенная великим Сталиным, на полях отечественной освободительной войны покрыла свои знамена славой.

Генерал-майор П. А. Белов рассказал, что в ходе боев под Москвой его вызвал к телефону товарищ Сталин. «После ряда вопросов,— говорит Белов,— товарищ Сталин предложил мне представить кавалерийские дивизии к преобразованию в гвардейские и отметил их успешные действия на Украине и под Москвой».

Одновременно с боями на южном и северном флангах шли ожесточенные бои и на центральном участке фронта. Здесь армии генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского и Л. А. Говорова нанесли немцам тяжелые удары и отбросили их от подступов к Москве. Был освобожден город Истра.

Так в течение нескольких дней произошел коренной перелом в оперативно-тактической обстановке. Немцы, бросая материальную часть, думали лишь о том, как остановить паническое бегство войск, как сохранить их остатки. Немецкие «клевцы» развалились. Наши войска успешно продвигались вперед на запад, нанося немцам удар за ударом. Историческая битва за Москву, разгром немцев под Ростовом на Дону и у Тихвина основательно надломили хребет немецкой армии.

Товарищ Сталин говорит, что «успешные действия Красной Армии в районе Ростова, Тулы, Калуги, под Москвой, под Тихвином и Ленинградом — вскрыли два знаменательных факта. Они показали, во-первых, что Красная Армия и ее боевые кадры выросли в серьезную силу, способную не только устоять против напора немецко-фашистских войск, но и разбить их в открытом бою и погнать их назад. Они показали, во-вторых, что немецко-фашистские войска при всей их стойкости имеют такие серьезные органические недостатки, которые при некоторых благоприятных действиях для Красной Армии могут привести к поражению немецких войск».

С 6 декабря по 15 января немецкие захватчики понесли чрезвычайно большие потери (главным образом под Москвой): они потеряли около 300 тыс. солдат и офицеров убитыми. Частями Красной Армии за это же время захвачено: 4801 орудие, 3071 миномет, до 8 тыс. пулеметов, до 15 тыс. автоматов, свыше 900 тыс. винтовок, 2766 танков, более 300 бронемашин, 33 640 автомашин, 102 радиостанции, около 6 тыс. мотоциклов, несколько тысяч велосипедов, повозок, лошадей, свыше 2 млн. снарядов, более 30 млн. винтовочных патронов, свыше 200 тыс. мин и много других видов военного имущества. За это же время уничтожено более 1100 немецких самолетов. Кроме того нашим огнем было повреждено большое количество вооружения.

В исторической битве за Москву наши бойцы, командиры, комиссары и политработники проявили чудеса храбрости и героизма. Смертью храбрых пали генерал-майор Панфилов и дивизионный комиссар Лестев — начальник политуправления Западного фронта.

Среди героев — защитников Москвы — были и знаменитые 28 панфиловцев, отстоявших рубеж, на который двинулось 54 танка противника. Гвардейцев было вначале 29, но один из них был убит самими же гвардейцами за то, что оказался трусом и хотел сдаться немцам в плен. Среди 28 советских людей были русские, украинцы и казахи. В героическом эпизоде с 28 панфиловцами отражаются мужество и стойкость бойцов Красной Армии, а также братская дружба народов нашей страны. После того как герои подбили 18 вражеских танков, а остальные продолжали рваться вперед, бойцы не отступили. Они твердо решили защищать Москву, умереть, но выполнить задачу. И они свою задачу выполняли.

Наряду с героями-панфиловцами многие другие бойцы проявили образцы мужества, храбрости и героизма в боях за Москву.

Историческая битва за Москву в октябре—декабре 1941 г. навсегда войдет в анналы истории военного искусства как крупнейшее сражение в мировой истории, как ярчайшая страница героической борьбы советского народа за свою государственную независимость, за честь своего отечества.

Обжегшись в прошлом году на лобовом ударе по Москве, летом текущего года немцы намеревались взять Москву обходным движением и тем кончить войну на Востоке. Товарищ Сталин в своем докладе, посвященном 25-й годовщине Октябрьской социалистической революции, говорит, что главная цель врага «состояла в том, чтобы обойти Москву с востока, отрезать ее от волжского и уральского тыла и потом ударить на Москву». Однако и эти расчеты немцев также не оправдались. Героической борьбой Красной Армии сорван стратегический план немецкого командования по захвату Москвы. «Тактические успехи летнего наступления немцев оказались незавершенными ввиду явной нереальности их стратегических планов» (Сталин).

ТУРЦИЯ ПОД ГНЕТОМ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1918)

А. Миллер

Вступление Турции в первую мировую войну на стороне Германии принесло турецкому народу такие тяжкие бедствия, каких он никогда не испытывал на протяжении всей своей истории. Этот акт политического безумия, совершенный небольшой группой безответственных турецких авантюристов, не имел оправдания даже с точки зрения правящих кругов Турции. Официозная публикация оттоманского генерального штаба вынуждена была по окончании войны признать, что Турции следовало бы сохранить нейтралитет. «По существу, — гласила публикация, — мы испытывали настоятельную необходимость в мире и спокойствии»¹. Нездаром младотурецкие правители, виновные в вовлечении Турции в войну, заслужили всеобщую ненависть в стране. До сих пор имя главного виновника превращения Турции в германского вассала — Энвер-паши — вызывает среди подлинных турецких патриотов чувство негодования. Ценное признание сделал впоследствии один австрийский дипломат. Этот представитель бывшей союзницы Турции пришел к выводу, что нейтралитет мог бы принести туркам гораздо больше выгод, чем участие в войне, если бы даже война закончилась победой Германии, и что «крупной исторической ошибкой младотурок явилось присоединение в 1914 г., без настоящей необходимости и с опрометчивой поспешностью, к центральным державам»².

Причины, по которым оказалось возможным подчинение Турции германскому империализму, коренились прежде всего в полуколониальной зависимости Турции. Страна была опутана неравноправными договорами, закреплявшими тягостный капитуляционный режим. Иностранцы были изъяты из юрисдикции турецкого суда. Они не платили почти никаких налогов и сборов. Иностранцы имели в Турции свои школы, монастыри, даже почтовые учреждения. Низкий таможенный тариф (11% от стоимости) предоставлял иностранным капиталистам широкие возможности для извлечения колониальных сверхприбылей из торговли и препятствовал развитию турецкой национальной промышленности.

При посредстве управления Оттоманского государственного долга иностранный капитал контролировал финансы Турции. В ведении управления находились главные источники доходов империи: табачная и соляная монополии, сбор со спирта, гербовый сбор, рыболовный налог, значительная часть «ашара» (феодалная десятина) и таможенных

¹ Джихан харбында османлы харекяты тарихчеси (на арабском алфавите), стр. 3. Стамбул. 1338.

² Norbert de Bischoff, ancien conseiller à la Légation d'Autriche à Ankara «La Turquie dans le monde», p. 103. Paris. 1936.

пошлин и т. д. Во главе управления стоял совет представителей иностранных кредиторов. Целая армия агентов управления (свыше 5 тыс. человек), пользуясь правами государственных чиновников, беспощадно выколачивала налоги из разоренного населения. Часть налогов взималась управлением через откупщиков, что еще больше способствовало злоупотреблениям и ограблению крестьян. К началу первой мировой войны оттоманский внешний долг достиг 152 млн. лир (лира тогда стоила 8 р. 40 к.). Проценты и амортизация долга поглощали почти половину государственного бюджета. Дефицит по бюджету 1914 г. превысил 6 млн. лир¹.

Иностранцы фактически монополизировали все банковское дело. Основанный на англо-французский капитал Оттоманский имперский банк имел право эмиссии и прочие прерогативы государственного банка. Не меньшее влияние приобрел германский Дейче-банк, который, по свидетельству современников, не только играл руководящую роль в финансовых операциях младотурецкого правительства, но и служил «действенным проводником германской политики в Турции»². Единственный национальный, турецкий Сельскохозяйственный банк, открытый еще при султани Абдул-Хамиде II, не имел даже фиксированного основного капитала и влачил жалкое существование.

Иностранные капиталисты владели важнейшими концессиями. Скупка и экспорт табака находились в руках иностранной монополии. Все железнодорожные пути, за исключением отдаленной Геджасской дороги, принадлежали иностранцам. Пользуясь правом каботажа, иностранные пароходные компании господствовали в морском транспорте Турции. Угольные копи, свинцово-серебряные, хромовые и другие рудники, электростанции, муниципальные предприятия, порты — все сколько-нибудь крупные хозяйственные объекты тоже принадлежали иностранным концессионерам. В 1914 г. одни только французские, английские и германские капиталовложения в Турции (не считая займов) исчислялись в сумме около 80 млн. лир. Из них на долю Франции приходилось 53%, Германии — 33% и Англии — 14%³.

Подчиняя себе турецкую экономику, иностранный капитал вовсе не стремился внедрить в Турцию буржуазно-капиталистические отношения. Напротив, империалисты всемерно консервировали феодальный способ эксплуатации турецкого крестьянства, усматривая в этом обеспечение колониальных прибылей. Младотурецкая революция не внесла никаких изменений в положение крестьянства. В ряде районов, особенно в Восточной Анатолии, сохранились подлинные феодалы — деребеки. Им принадлежали целые округа. Здесь существовала не только издольщина, но и барщина. Две трети всей обрабатываемой земли Турции находилось в распоряжении небольшой кучки (5% сельскохозяйственного населения) крупных помещиков, полуфеодалов и мусульманской церкви⁴. Крестьянство в массе было малоземельным либо вовсе безземельным. Помещичьи и вакуфные (церковные) земли обрабатывались крестьянами исполу. Земледельческая техника была крайне примитивной: деревянная соха (по-турецки — карасапан), простейший плуг (пуллуг). Искусственного удобрения крестьянин не знал, да и естественное применялось редко. Урожай были низки. Вредители сельскохозяйственных растений, засуха, прочие стихийные бедствия, с которыми крестьяне не были в силах бороться, приводили к систематическим голодовкам. Налоги довершали разорение крестьянства. Самым тяжелым из них был ашар — феодальная

¹ Sevket Süreyya «Cihan iktisadiyatında Türkiye», s. 125. Ankara. 1931; Elliot Grinnel Mears «Modern Turkey», p. 390, 403. New York. 1924.

² Лисенко В. «Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров», стр. 182. СПб. 1913.

³ Mears E. Op. cit., p. 357.

⁴ Жуковский П. «Земледельческая Турция», стр. 135. М.—Л. 1933.

натуральная десятина. Вопреки своему названию, он даже юридически составлял 12,5%; злоупотребления откупщиков доводили его размер до четверти, иногда и до трети урожая.

Национальная промышленность Турции представляла собой самую жалкую картину. Достигавшее некогда высокого уровня турецкое ремесло было еще в середине XIX в. разрушено наплывом массовых импортных изделий. Созданию же фабричного производства препятствовали капитуляционный режим и низкий таможенный тариф. По некоторым, правда не вполне исчерпывающим, подсчетам¹, ценовая турецкая промышленность в начале мировой войны насчитывала всего 283 предприятия с 14 тыс. рабочих. При этом только 15% вложенного в них капитала приходилось на долю турок, 50% принадлежало грекам, 25% — предпринимателям других национальностей империи и 10% — иностранцам.

Внешнеторговый баланс был неизменно пассивным. За 1913 г. Турция импортировала товаров на 40,8 млн. лир, а экспортировала — на 24,3 млн.² Следовательно, дефицит достигал 16,5 млн. лир. К тому же всю внешнюю торговлю (и значительную часть внутренней) захватили в свои руки иностранцы и инациональные компрадоры. В крупных портовых центрах турки даже количественно составляли ничтожное меньшинство купечества. Среди тысячи с лишним коммерсантов, зарегистрированных в 1911 г. по Стамбулу, турок было не более 70 человек, а в числе купцов 1-го класса (41 человек) — всего двое³.

Правившая Турцией партия «Единение и прогресс» (по-турецки — «Иттихад ве терекки») окончательно скатилась к контрреволюции. Иттихадисты не разрешили ни аграрного, ни национального вопросов, а во внешней политике подменили задачу освобождения Турции от иностранного закабаления задачей сговора с той или иной империалистической группировкой. По сути дела, в 1914 г. Турцией правил даже не комитет «Единение и прогресс», а младотурецкий «триумвират»: Энвер, Талаат и Джемаль.

Энвер — молодой генерал, честолюбивый и беспринципный авантюрист — получил портфель военного министра и должность начальника генерального штаба, то есть всю полноту военной власти. Своими бонапартистскими замашками он заслужил в Турции прозвище «Наполеоник». В карьеристских целях он заставил султана дать ему в жены принцессу османской династии, чтобы иметь титул дамада⁴. Энвер несколько лет пробыл на посту военного атташе в Берлине и там установил тесные связи с немцами. Сделавшись военным министром, он окружил себя немецкими военными советниками. Своим помощником по генеральному штабу он тоже назначил германского офицера.

Талаат был одновременно министром внутренних дел и председателем центрального комитета «Единение и прогресс». Ярый шовинист, он являлся наиболее видным проводником политики оттоманизма, т. е. насильственного отуречения национальных меньшинств Оттоманской империи. Впрочем, это не помешало ему присоединиться к возрожденному младотурками абдулхамидовскому панисламизму (стремление подчинить мусульман всего мира турецкому султану), а также культивировать пантюркистские тенденции. В иттихадистских кругах Талаат пользовался наибольшим авторитетом, и если он воздерживался (до 1917 г.) от занятия должности великого визиря, то не из-за чьей-либо конкуренции, а только потому, что по панисламистским соображениям считал необхо-

¹ The Near East Year book, p. 790—791. London. 1927.

² İstatistik yillığı cilt 8, s. 319. Ankara. 1937.

³ Ministère du commerce et de l'agriculture. Listes indiquant les noms, genre de commerce et adresse des commerçants de Constantinople. 1911.

⁴ Дамад (по-турецки — зять) — титул, дававшийся зятьям султана.

димым сохранить на этом посту декоративную фигуру египетского принца Саид Халим-паша. Однако диктатура иттихадистской верхушки имела главной опорой армию. Поэтому Талаат несмотря на свое видное положение в партии зависел в конечном счете от Энвера.

Третий член «триумvirата» — Джемаль — занимал посты морского министра и военного губернатора Стамбула. В отличие от Энвера и Талаата, он был не чужд патриотической идее. Его беспокоила судьба родины, и он не раз возражал против безоговорочного подчинения Турции германскому империализму. Но и Джемаль подменял турецкий национализм реакционными доктринами оттоманизма, панисламизма и пантюркизма. К тому же Джемаль не имел ни партийного авторитета, как Талаат, ни опоры в армии, как Энвер. Поэтому он ограничивался закулисными интригами против своих соперников по «триумvirату», используя подчиненную ему столичную полицию с широко разветвленным сыскным аппаратом.

Остальные члены правительства и комитета «Единение и прогресс» не играли решающей роли в политике. Среди них было немало сторонников ориентации на Антанту. В частности к таким деятелям принадлежал министр финансов Джавид бей, пользовавшийся большим доверием во французских и отчасти в английских финансовых кругах. «Триумvirат» намеренно не посвящал Джавида и других министров в свои подлинные планы, чтобы с большей ловкостью извлекать выгоды из переговоров с державами.

Парламент потерял всякое значение. Он целиком подчинялся «триумvirату». Султан Мехмед V, 72-летний старик, просидевший до вступления на престол 30 лет в дворцовой тюрьме, представлял собою физически и морально полную развалину. Теперь он заботился лишь о том, чтобы не вмешаться, хотя бы и случайно, в государственные дела. В основном это ему удавалось. Даже о назначении Энвера военным министром султан узнал из газет¹. Он так послушно и безропотно штемпелевал все распоряжения правительства, что его называли «ираде-машина»².

Естественно, что в этих условиях Оттоманская империя не обладала силой сопротивления империализму. По выражению одного видного младотурка, Турция походила на человека, застигнутого в лесу несколькими грабителями сразу: она была готова отдать свой кошелек и свою рубашку тому из них, кто сильнее и ближе всех, лишь бы спасти свою жизнь³. Долгое время Оттоманская империя предотвращала свою гибель традиционной политикой игры на противоречиях между великими державами. Но младотурецкий «триумvirат» лишил Турцию и этого оружия. Постепенно и неуклонно он подчинял страну целиком одному империалистическому хищнику — Германии. С конца 1913 г., когда в Стамбуле появилась военная миссия генерала Лимана фон Сандерса, влияние Германии сделалось в Турции решающим.

Правда, дипломатические маневры с другими державами продолжались еще и в 1914 году. С Россией было подписано соглашение о реформах в Армении. Талаат ездил к Николаю II в Ливадию и там заверял его в дружеских чувствах. Джемаль вел переговоры с французским правительством, предлагая включить Турцию в Антанту. Джавид совсем незадолго до войны сумел даже получить в Париже крупный заем для Порты.

Однако младотурецкий «триумvirат» к этому времени фактически уже не располагал свободой действий. Германский посол в Стамбуле барон фон Вангенгейм и глава германской военной миссии Лиман фон

¹ Liman von Sanders «Fünf Jahre Türkei», S. 118. Berlin. 1919.

² Ираде — султанский указ.

³ Larcher M. «La guerre turque dans la guerre mondiale», p. 38. Paris. 1926.

Сандерс полностью подчинили себе Энвера и Талаата и через них диктовали приказы Блистательной Порте. После австрийского ультиматума Сербии германское правительство вступило в переговоры о Турцией о заключении союза. Как только началась война в Европе, эти переговоры были завершены ускоренными темпами. 2 августа 1914 г. в Стамбуле состоялось подписание тайного германо-турецкого договора. Он предусматривал присоединение Турции к Германии в ее войне против России, обязательство Турции обеспечить германской военной миссии «действенное влияние» на турецкую армию, а со стороны Германии — обязательство защищать оттоманские территории в случае, если возникнет для них угроза¹.

Договор между Германией и Турцией подписывался в самой строгой тайне. В переговорах с Вангенгеймом участвовали только Энвер, Талаат и великий визирь Саид Халим-паша — и то последний лишь потому, что ему по должности пришлось подписать документ. Даже член «триумvirата» Джемаль-паша, как он впоследствии уверял в своих мемуарах², узнал о договоре только на следующий день по его подписании. О совершившемся факте были поставлены в известность и некоторые другие министры, а также султан. Эти немногие посвященные отнеслись неодобрительно к договору, но на активное выступление против Энвера, конечно, не решились. Министр финансов Джавид заявил платонический протест. Старик Мехмед V ограничился тем, что сокрушенно пробормотал: «Воевать с Россией!.. Но ведь одного ее труппа достаточно, чтобы нас раздавить»³.

Последующие три месяца прошли в напряженной подготовке к вступлению Турции в войну. Под предлогом вооруженного нейтралитета Порты провела всеобщую мобилизацию. Укрывшиеся 10 августа в проливах германские корабли «Гебен» и «Бреслау» пополнили турецкий флот, хотя все их «отуречение» свелось к переименованию «Гебена» в «Султан Селим Явуз», а «Бреслау» — в «Мидилли» да к появлению фески на головах германских матросов и офицеров. Начальник английской военно-морской миссии Лимпус вышел в отставку. Его место занял прибывший на «Гебене» германский адмирал Сушон. Уже тогда все признаки свидетельствовали о том, что Германия становится фактическим хозяином Стамбула. Любопытный разговор произошел в это время между Джавидом и одним бельгийским дипломатом. «Я должен, — сказал Джавид, — сообщить вам ужасное известие: немцы захватили Брюссель». На это бельгиец возразил: «А у меня для вас еще более ужасное известие: немцы захватили всю Турцию»⁴.

После поражения на Марне Германия оказалась еще больше, чем прежде, заинтересованной в турецкой поддержке. План «молниеносной войны» Шлиффена потерпел крушение. Перед Германией возникла грозная перспектива затяжной войны на два фронта. В этих условиях Турция могла оказать немцам существенную поддержку: с помощью турок Германия рассчитывала создать вторые фронты для Англии и России, угрожать Египту и Кавказу, использовать морально-политическое влияние султана-халифа на мусульман держав Антанты и — пожалуй, это было самым главным — прервать коммуникации между Россией и ее союзниками, проходящие через Босфор и Дарданеллы. Германская дипломатия стала настойчиво требовать от Порты выполнения союзных обязательств. Далекое не все турецкие деятели разделяли в то время

¹ Текст договора впервые был опубликован в сборнике, изданном К. Каутским, — «Die deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch». Bd. I, Dok. № 256. Scharlottenburg. 1919.

² Записки Джемаль-паши, стр. 89—90. Тифлис. 1923.

³ Lagerer M. Op. cit., p. 39.

⁴ Ancel J. «Manuel historique de la question d'Orient», p. 267. Paris. 1926.

взгляды «триумvirата». Многие министры Порты и ряд сведущих генералов и офицеров понимали, что в затяжной войне Германия обречена на поражение. Турецкому правительству подавались записки, в которых указывалось, что вовлечение Турции в войну при тогдашнем плачевном состоянии ее экономики, финансов и армии грозит неминуемой катастрофой. Как сообщила впоследствии официозная кемалистская «История», «находившийся в то время в Софии в качестве военного атташе подполковник Мустафа Кемаль бей... давал подлежащим властям советы неторопливости»¹. Однако «триумвиры», в особенности Энвер-паша, уже связали свою судьбу с германским империализмом. К тому же Англия и Франция, еще пользовавшиеся большим влиянием в Турции, не проявили достаточной настойчивости для противодействия германским замыслам. Многие указывало на то, что англо-французская дипломатия считала для себя выгодным вступление Турции в войну на стороне Германии, так как в этом случае перед Россией возникала заманчивая возможность приобретения проливов и тем самым царское правительство крепче связывалось с Антантой.

В результате всего этого военная группировка младотурок стала действовать смелее. В сентябре английский флот воспретил турецкому миноносцу выйти в Эгейское море. Это послужило для Турции предлогом к закрытию проливов. 26 октября Германия внесла турецкому правительству 4 млн. лир золотом — аванс в счет обусловленной платы за вступление в войну. Тотчас после этого адмирал Сушон получил от Энвера разрешение выйти в Черное море. 29 октября «Гебен» и «Бреслау» бомбардировали русское побережье и напали на русские суда. Турция вступила в мировую войну.

Первые же действия на фронтах принесли туркам неудачу. Посланная для «завоевания Египта» турецкая армия под командованием Джемаль-паши и германского офицера Кресса фон Крессенштерна в феврале 1915 г. отступила от Суэца, не будучи в состоянии форсировать канал. Предпринятое Энвером зимой 1914 г. наступление на кавказском фронте привело к катастрофе: после некоторых небольших успехов турецкая армия потерпела у Сарыкамыша жестокое поражение, русские войска продвинулись в глубь Анатолии и в начале 1916 г. заняли Эрзерум, затем Трапезунд и Эрзинджан. Только в Дарданеллах турки около года стойко отбивали атаки союзнического десанта, вынудив его в январе 1916 г. эвакуировать Галлиполийский полуостров. Здесь турки были обязаны успехом смелым действиям полковника Мустафы Кемалья, который провел в жизнь собственный стратегический план, вопреки указаниям Лимана фон Сандерса. Временный успех имели турки также на месопотамском фронте, добившись в 1916 г. капитуляции английского генерала Таунсенда в Кут-эль-Амаре. Впрочем, этот эпизод не оказал существенного влияния на ход военных действий. В 1917 г. англичане взяли Багдад и начали наступление в Палестине.

Не оправдались надежды немцев и младотурок также на «моральное» оружие — панисламизм. В ноябре 1914 г. шейх уль-ислам издал пять фетв², в которых указывалось, что «Россия, Англия и Франция... проявляют все старания — да упасет от этого аллах — погасить высокий свет ислама» и что поэтому все мусульмане, находящиеся на территориях стран Антанты, обязаны выступить против своих правительств. В одной из фетв разъяснялось, что «неверными» следует считать только народы держав Антанты и что мусульмане никоим образом не должны воевать против Германии и Австрии. Вскоре по приказу халифа и за подписями высших духовных чинов было опубликовано пространное

¹ Тагит, с. III, с. 149. Istanbul. 1931.

² Фетва — каноническое толкование того или иного события или акта на основе Корана.

обращение к мусульманам Оттоманской империи и ко всему царю Мухаммеда с провозглашением «джихада» (священной войны)¹.

Практические результаты джихада оказались ничтожными. Ни в Индии, ни в Египте, ни в России этот устаревший призыв не встретил мало-мальски серьезного отклика. Отправленные в Иран и Афганистан германские и турецкие эмиссары вынуждены были после нескольких неудачных попыток втянуть эти страны в войну, отказаться от своей миссии и бежать. Да и в самой Оттоманской империи джихад, как и панисламистская пропаганда, был бессилён против возникшего еще до войны национального движения нетурецких (хотя и мусульманских) народов. Арабы Сирии, Палестины, Геджаса были возмущены действиями султанских властей. Джемаль-паша казнями, ссылками, жестокими репрессиями сумел подавить волнения в Сирии. Но арабы Геджаса в июне 1916 г. подняли восстание. Шериф Мекки Хусейн стал во главе восставших и провозгласил себя королем Геджаса.

Германия «превратила Турцию в своего и финансового и военного вассала»². Вице-генералиссимус Энвер-паша (генералиссимусом считался султан) целиком подчинился германскому командованию. К началу 1916 г. число германских офицеров, прикомандированных к миссии Лимана фон Сандерса, достигло 200. Они были распределены в качестве начальников штабов по всем оттоманским армиям и корпусам. Турецкий генеральный штаб не имел права перемещать их без согласия миссии. Среди командующих армиями тоже были германские генералы — Лиман фон Сандерс, фон-дер Гольц. Не удовлетворяясь этим, немцы в 1917 г. решили создать особую группу армий, в которой и командующий и весь штаб были бы германскими офицерами. Эта группа армий получила в Турции условное название «Илдырым» («Молния»), ей было поручено обратное завоевание Багдада и дальнейшее движение к Персидскому заливу. Командующим группой «Илдырым» был назначен генерал фон Фалькенгайн.

Но щедро снабжая Турцию высшими офицерами, германская главная квартира отнюдь не оказывала своей союзнице помощи боевыми контингентами. Присланный в 1917 г. из Германии так называемый азиатский корпус (6 тыс. человек) держался в тылу. Все солдаты «азиатского корпуса», не говоря об офицерах как этого корпуса, так и военной миссии, пользовались специально организованной немцами продовольственной службой. Их привилегированное положение вызывало ропот среди турецких офицеров и солдат.

Больше того: несмотря на недостаточность войск на турецких фронтах, германское командование получило от Энвера в 1916 г. в результате тайных переговоров 3 корпуса (120 тыс. человек) для германского и австрийского фронтов. При этом по приказу Энвера в Европу были отправлены отборные бойцы. Слабые заменялись солдатами из других частей. Экспедиционные корпуса получили лучшее обмундирование и снаряжение за счет оставшихся в Турции войск.

Германский империализм беспощадно выкачивал продовольственные и сырьевые ресурсы Турции. Немцами была создана специальная «центральная закупочная комиссия», монополизировавшая турецкий экспорт. Хлеб, оливковое масло, прочие продукты питания, в которых Турция сама ощущала большой недостаток, вывозились в Германию и Австрию в таком объеме, что это даже повлекло за собой резкое падение курса марки на стамбульской бирже. Когда же турецкое правительство под давлением купцов вынуждено было воспретить экспорт продовольствия, центральная закупочная комиссия усилила вывоз промышленного сырья³.

¹ Мустафа Кемаль «Путь новой Турции». Т. III, стр. 350—351. М. 1934.

² Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 367.

³ Stuermer H. «Deux ans de guerre à Constantinople», p. 111. Paris. 1917.

В целях подчинения турецкого сельского хозяйства своему контролю немцы заняли руководящие посты в министерстве земледелия и в других связанных с сельским хозяйством учреждениях Турции. Под председательством германского представителя была создана при министерстве земледелия комиссия по развитию сельского хозяйства. Немец был поставлен во главе Сельскохозяйственного банка. В провинцию были посланы германские агрономы, хлопководы, гидротехники. Германский генеральный консул в Стамбуле фактически возглавил столичный «продовольственный совет». По указанию немцев турецкое правительство в начале 1917 г. провело через парламент закон о принудительной сельскохозяйственной повинности. По этому закону все сельскохозяйственное население страны, мужчины и женщины, кроме призванных в армию, могло быть «реквизировано» министерством земледелия на сельскохозяйственные работы; за уклонение полагались штраф и тюрьма¹.

Под германский контроль перешли также другие отрасли экономики и финансов Турции. Ряд концессий, принадлежавших до войны капиталистам Антанты, был передан немцам. Угольный бассейн Эрегли-Зонгулдак взяла в эксплуатацию германская группа во главе с Дейче-банком. Для транспортировки и распределения угля было создано «угольное бюро» под начальством германского офицера. Немцы стали эксплуатировать медные рудники в Эргани². Германские военные инженеры были командированы на различные копи. Лесоразработки, порты, все железные дороги контролировались немцами. В совете Оттоманского долга председательствование после ухода делегатов Англии и Франции перешло к представителю Австрии. В правление Оттоманского банка был назначен германский комиссар.

Наряду с военным и экономическим внедрением в Турцию германский империализм использовал также политические и идеологические каналы. При посредстве Энвера немцы полностью подчинили себе оттоманское правительство. Они не видели необходимости в том, чтобы считаться с остальными младотурецкими деятелями. Недаром в Германии вполне серьезно называли Турцию «Энверланд», и таблички с этой надписью помещались на военных поездах, шедших в Стамбул. Однако, не вполне доверяя и Энверу, немцы предприняли некоторые дополнительные шаги. Так, они взяли в свои руки военную цензуру, подвергая ей даже ираде султана и фетвы шейх уль-ислама. Военное министерство и Порты охранялись германскими войсками. Необычайно возросло число германских советников в различных министерствах. В Стамбульском университете увеличилось количество германских профессоров. Первые же поезда Балканцуга, начавшего функционировать в 1916 г. (после поражения Сербии и установления прямого сообщения Берлин—Стамбул), наводнили Турцию многочисленными австро-германскими агентами: «экспертами» всяких специальностей, журналистами, востоковедами. Германские католики стремились заменить своими «отцами-францисканцами» французскую миссионерскую школьную сеть, существовавшую в Турции до войны. Для этого в Турцию ездила специальная делегация во главе с Эрцбергером, который в обмен на данное Германией в 1916 г. согласие аннулировать капитуляции добился от турецкого правительства соглашения «о защите немецких католических учреждений». Сотни австро-германских миссионеров и «сестер милосердия» были посланы в Турцию за один только 1916 год³.

Бесцеремонное хозяйничанье германских империалистов и их иттихадистских вассалов вконец развалило турецкую экономику. Турецкая

¹ Mandelstam A. «Le sort de l'Empire Ottoman», p. 148—149. Paris. 1917.

² Раздел Азиатской Турции, стр. 234 и 315. Изд. НКВД. М. 1924.

³ Эрцбергер Н. «Германия и Антанта», стр. 77—79. М. 1923.

деревня дошла до последней степени истощения. Резко сократилось поголовье скота. Особенно сильно ударила по земледелию нехватка главного в Турции вида тяглового скота — волов. Военные реквизиции и недостаток кормов сократили его численность почти на 90%. Поскольку к тому же все работоспособное мужское население было мобилизовано в армию, нередко в анатолийской деревне можно было наблюдать, как старик-крестьянин впрягал в соху единственного оставшегося у него быка и собственную дочь. Намного уменьшились посевные площади. Из 64 млн. денюмов (денюм — около $\frac{2}{10}$ га), засевавшихся злаками в 1914 г., осталось в 1916 г. под пашней всего 25 миллионов. Под табаком было в 1914 г. 529 тыс. денюмов, а в 1916 г. — только 194 тысячи. Число табачководческих хозяйств сократилось за это время ровно вдвое (со 133 тыс. до 66 тыс.). Продукция табака упала с 42,8 тыс. тонн до 13,6 тыс. тонн. Сбор другого, тоже важного для Турции экспортного продукта — хлопка — снизился в еще большей пропорции: с 27 тыс. до 2 тыс. тонн в одном лишь Аданском районе. Сократились посевные площади и сборы прочих земледельческих культур: опийного мака, винограда, инжира и др.¹

Деревня голодала. Свирепствовал сыпной тиф. В Сирли умерло от голода 60 тыс. человек. Трупы оставались по нескольку дней непогребенными. В Анатолии обессиленные крестьяне прекратили работы в угольных копях Эрегли, на строительстве железной дороги Анкара—Сивас.

Немногим лучше было положение трудящихся масс города. Даже в Стамбуле регистрировалось ежедневно по десятку голодных смертей. В день на человека выдавалось по карточкам 250, а иногда даже 150 г плохо пропеченного, почти несъедобного кукурузного хлеба.

Спекулянты подняли цену на хлеб в 10—15 раз. Неимоверно возросла дороговизна и на другие продукты питания: мясо, рис, сахар, кофе, масло. Совсем недоступен стал для населения керосин. Пудовый бидон керосина стоил до войны 16 пиастров; в первые годы войны цена поднялась до 50, затем до 100 пиастров, а после вступления в войну Румынии — до 250 пиастров. Между тем средняя заработная плата рабочих даже к концу войны составляла от 15 до 50 пиастров в день, семья призванного в армию получала по 5 пиастров. Понятно, что при этих условиях трудящиеся были лишены самого необходимого. Необычайным цинизмом звучало «поучение» младотурецкого офицера «Танин», писавшего в 1916 г., что «можно прекрасно проводить ночи без керосина, но с достаточным блеском, мечтая о том блестящем будущем, которое готовит Турции нынешняя война»².

Трагические события пришлось пережить в эти годы армянскому народу в Турции. Воспользовавшись войной, султанско-младотурецкие власти решили довершить те злодеяния, которые начал еще «кровавый султан» Абдул-Хамид. В мае 1915 г., вскоре после занятия Вана русскими войсками, оттоманское правительство издало закон о так называемых депортациях (высылках). Официально закон предусматривал эвакуацию населения из прифронтовой полосы ввиду обнаруженного якобы «соучастия с врагом, предательства и вооруженного содействия противнику». В действительности депортации превратились в бесчеловечный погром. Свыше полутора миллиона армян было изгнано из своих сел и городов и отправлено по этапу в концентрационные лагеря Сирии и Месопотамии. Помимо разорения населения депортации сопровождались многочисленными человеческими жертвами. Высылаемых не снабжали продовольствием; мужчины были отделены от женщин и детей и выслались в разные районы; болезни, побои, убийства уносили десят-

¹ İstatistik Yıllığı, c. 8, s. 232; Sevk et Süreyya. Op. cit., p. 35.

² Stürmer H. Op. cit., p. 105.

кв. тысяч жизней. Те же, кто в конце концов достигал концентрационных лагерей, погибали там от малярии, тифа и голода¹. Депортации не ограничились прифронтовой полосой. Они распространились на всю Анатолию и даже на Стамбул. Около миллиона армян погибло в этих трагических событиях². Немцы поощряли это изъятие армян. Некоторые германские офицеры старались даже нажиться на этом, принуждая армянских торговцев под угрозой репрессий при посредстве турецкой полиции отдавать за бесценок свои товары. В одном анатолийском городке группа армян, в том числе женщины и дети, забаррикадировалась в доме, турки не решались пустить в ход оружие; тогда присутствовавшие германские офицеры лично открыли оружейный огонь по армянам³.

Политика младотурецкого правительства, превратившего Турцию в германскую колонию, вызывала в стране все большее и большее недовольство. Дезертирство приняло огромные размеры. Несмотря на осадное положение, в различных городах, в том числе в Стамбуле, происходили голодные бунты. Значительная часть офицерства, возмущенная колонизаторскими методами немцев, находилась в резкой оппозиции к Энверу. Среди членов младотурецкой партии и ее центрального комитета росли антивоенные настроения.

Опасаясь революционного взрыва, некоторые деятели Иттихада стали готовить дворцовый переворот, чтобы, устранив Энвера, договориться с Антантой и сохранить власть в своих руках.

Одна из таких попыток имела место в 1915 г., во время дарданелльской операции. Действия английского флота вызвали большую тревогу в Стамбуле. Со дня на день ожидалось форсирование проливов. В столице все было готово к эвакуации правительственных учреждений и султанского двора. Архивы и золотой запас были перевезены в Конью⁴. В этой обстановке часть членов комитета «Единение и прогресс» вступила с представителями держав Антанты в тайные переговоры о заключении сепаратного мира⁵. Зондаж был робким, да и державы Антанты неохотно шли на него, так как были уверены в близком падении Стамбула. Тем не менее оппозиционные Энверу члены комитета ждали только прорыва Дарданелл англичанами, чтобы произвести государственный переворот. Заговорщики, в частности, привлекли на свою сторону наследного принца Юсуфа Изеддина, слывшего франкофилом и противником Энвера. Поражение англичан на Галлиполийском полуострове расстроило эти планы. 1 февраля 1916 г., тотчас после эвакуации дарданелльской зоны англичанами, Юсуф Изеддин, по официальной версии турецкого правительства, покончил самоубийством. Упорные слухи, впрочем, указывали на то, что принц был тайно казнен по приговору «триумвирата»⁶.

Вторая серьезная попытка государственного переворота была подготовлена летом 1916 года. Во главе заговорщиков находился майор Якуб Джемиль. Он был довольно широко известен в младотурецкой и офицерской среде по своему активному участию в македонском движении до революции 1908 г. в качестве бомбиста-террориста, за что его прозвали «бомбаджи Джемиль». За спиной Джемиля действовали видные члены центрального комитета «Единение и прогресс», доктор Назым, Минхат Шюкрю и другие тайные противники Энвера. Однако Якуб Джемиль собирался выступить не только против Энвера, но и про-

¹ Stuermer H. Op. cit., p. 50—53.

² Mandelstam A. Op. cit., p. 185. Даже Джемаль-паша (указ. соч., стр. 237) признает правильной цифру в 600 тыс. человек.

³ Stuermer H. Op. cit., p. 63—65.

⁴ Ibidem, p. 72.

⁵ «Международные отношения в эпоху империализма» Серия III. Т. VII, ч. I, стр. 145—148, 194, 243, 254; ч. II, стр. 123—124.

⁶ Там же. Т. VII, ч. I, стр. 179—182; Mandelstam A. Op. cit., p. 179—182; Stuermer H. Op. cit., p. 213—218; Larcher M. Op. cit., p. 42, 137.

тив всей верхушки Иттихада. Он предполагал осуществить военное восстание и передать власть сделавшемуся тогда, после защиты Дарданелл, весьма популярным Мустафе Кемалю-паше. По доносу провокаторов Якуб Джемиль был арестован. Военный суд обвинил его в участии в антиправительственном заговоре из личных, корыстных побуждений. В сентябре 1916 г. Якуб Джемиль был повешен. Несколько сот офицеров, заподозренных в соучастии, было арестовано и послано на фронт¹.

Энверу удавалось справляться со своими противниками главным образом потому, что заговорщики боялись апеллировать к народным массам, а народные массы еще не выдвинули своих организаторов.

Тем не менее в Турции неукротимо поднималась волна негодования против немцев. Происходили стихийные возмущения, убийства германских офицеров. Высшие турецкие командиры вступали в резкие конфликты с германскими генералами. Мустафа Кемаль, имевший уже в 1915—1916 гг., во время дарданелльской кампании, стычки с Лиманом фон Сандерсом, в 1917 г. на сирийском фронте открыто отказался от сотрудничества с Фалькенгайном из-за его вмешательства во внутренние турецкие дела.

К середине 1917 г. среди большинства турецких военных и политических деятелей сложилось твердое мнение, что союз с Германией ведет Оттоманскую империю к катастрофе. В буржуазных кругах Стамбула говорили: «Что бы ни случилось, опять бедная Турция будет платить за разбитые горшки»². Только Энвер, Талаат и их ближайшее окружение, видя в Германии последнюю опору своей диктатуры, продолжали отстаивать прежнюю политику. Чтобы оживить союзные связи, Вильгельм II предпринял в октябре 1917 г. поездку в Стамбул. Она не имела никаких реальных последствий. Ответный визит наследного принца Вахидеддина зимой 1917—1918 г. имел скорее отрицательный результат. Включенный в свиту Вахидеддина, Мустафа Кемаль как опытный генерал сумел при посещении германского фронта изучить не только те объекты, которые выбрало для показа Вахидеддину германское командование, но и ряд других по своему усмотрению. Кемаль пришел к убеждению, что для Германии война проиграна и что Турция, во всяком случае, должна выйти из подчинения немцам³.

Пытаясь отсрочить свое падение, Энвер и его клика приняли участие в грабительском походе германских империалистов на советские республики. Брестлитовский договор установил мир между Турцией и Советской Россией. Несмотря на это оттоманская армия в нарушение договора предприняла вместе с германскими империалистами наступление на Кавказе. В июне 1918 г. турки сформировали в Батуми особую армию и двинули ее на Ереван. В том же месяце они заняли Ганджу. Наконец, в сентябре 1918 г. оттоманские войска вступили в Баку, подвергли его разгрому и устроили резню населения.

Это было последними судорогами оттоманского милитаризма. 20 сентября 1918 г. советское правительство аннулировало брестлитовский договор в советско-оттоманских отношениях. За несколько дней до этого оттоманские армии потерпели жестокий разгром в Европе и в Азии: 15 сентября Франше д'Эспре прорвал турецко-болгарский фронт в Македонии. 18 сентября англичане под командованием Алленби разбили турок в Палестине и покончили с группой «Илдырым».

¹ Воспоминания Кемалю Ататюрка, печатавшиеся на турецком языке в турецких газетах и затем изданные с французским переводом профессором Jean Deny под заголовком «Souvenirs du Gazi Moustafa Kemal Pacha», p. 132—133, 207—218. Paris, 1927.

² Stuermer H. Op. cit., p. 207.

³ «Souvenirs du Gazi Moustafa Kemal Pacha», p. 155—156.

Разложение в турецких войсках сделалось всеобщим. Солдаты и даже многие офицеры забирали оружие и уходили с фронта. Это уже не было обычным дезертирством. По официальной статистике оттоманского военного министерства, еще в мае 1918 г. числилось 1565 тыс. «дезертиров» (из 2850 тыс. человек призванных с 1914 г.). Теперь с фронта уходили целые воинские отряды, иногда в полном составе, с винтовками, пулеметами и прочим вооружением. Политический характер такого «дезертирства» чувствовало и высшее командование. Лиман фон Сандерс в докладе начальнику оттоманского генштаба генералу фон Секту писал, что в прежние войны дезертирство было почти неизвестно в Турции и что поэтому его нельзя считать «наследственным пороком турецкой армии». Некоторые районы находились целиком во власти «дезертиров». В сентябре 1918 г. «дезертиры» захватили город Пандерму, избили германских офицеров и потребовали немедленного заключения мира.

Угрожающее внутреннее положение чрезвычайно встревожило султана и иттихадистскую верхушку. Порта поняла, что дело идет к революции, и стала лихорадочно добиваться перемирия. В целях облегчения переговоров была произведена реорганизация кабинета. Талаат и Энвер покинули свои посты. Великим визирем сделался беспартийный, но все же близкий к Иттихаду Ахмед Иззет-паша. Он публично заявил, что «война против Англии была преступлением», и попросил английского генерала Таунсенда, находившегося в Турции в плену, быть парламентаром. Наконец, 30 октября 1918 г. на борту английского крейсера «Агамемнон» в Мудросе (на Эгейском море) было подписано перемирие, которым Турция полностью сдалась на милость победителя.

Так трагически закончилось для Турции участие в первой мировой войне на стороне Германии. Немцы, вовлекшие Турцию в эту войну, спешно эвакуировались. Энвер, Талаат и другие младотурецкие виновники катастрофы позорно бежали. Талаат-паша открыто признал это поражение. «Наша политика,— сказал он на съезде младотурецкой партии,— потерпела поражение. Поэтому более не представляется возможным, чтобы мы сохранили власть в какой бы то ни было форме...»¹.

В 1926 г., когда анкарский «Суд независимости» судил бывших руководителей комитета «Единение и прогресс», одним из главных обвинений, обращенных к младотурецким лидерам, было обвинение в том, что они вовлекли Турцию в мировую войну и превратили ее в германскую колонию. Турецкий народ не забыл этого преступления германских империалистов по отношению к Турции.

¹ Стамбульская газета «Вақыт» от 12 июля 1921 г. № 1290. Цит. по книге М о и к h t a r P a s h a, «La Turquie, l'Allemagne et l'Europe», p. 289. Paris. 1924.

О ПРИЧИНАХ ДЛИТЕЛЬНОСТИ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Проф. Н. Коробков

I

Вопрос о причинах длительности Семилетней войны представляет многосторонний интерес. Прежде всего возникает мысль: почему Фридрих начал эту войну, на что он рассчитывал и в чем заключалась ошибка его плана? Чем объяснить, далее, затяжку войны, когда против Пруссии выступила мощная коалиция? Какую, наконец, роль сыграла в этой войне Россия как член коалиции?

Вопрос тем более интересен, что на протяжении войны Фридрих в своих столкновениях с русскими, в сущности, не имел ни одного успеха: первое крупное столкновение 1757 г. (при Гросс-Егерсдорфе), происходившее в исключительно невыгодных для русских условиях, кончилось разгромом и бегством пруссаков; сражение при Цорндорфе (1758), где Фридрих ставил перед собой целью полностью истребить русскую армию, не привело к сколько-нибудь решительным результатам и, если бы не исключительная бездарность и трусость русского главнокомандующего Фермора, грозило Фридриху полной катастрофой. В сражении при Пальциге (1759) русские разбили войска лучшего из фридриховских генералов — Веделя, — а вслед за тем при Кунерсдорфе нанесли самому королю небывалое поражение. «С этого времени Фридрих уклонялся от сражений с русскими даже тогда, когда к тому представлялся чрезвычайно благоприятный случай», — говорит Дельбрюк по этому поводу¹. Война не была, однако, закончена ни вступлением русских в Берлин (1760), ни падением Кольберга (1761).

На чем же основывалась способность Пруссии к сопротивлению? Чтобы уяснить причины этого, надо прежде всего остановиться на условиях, при которых Фридрих начал военные действия. Будучи осведомлен о фактически состоявшемся (но еще не оформленном) военном соглашении Австрии и России, с одной стороны, Австрии и Франции, — с другой, король, однако, не верил в искренность этого союза и кроме того рассчитывал посредством своей петербургской агентуры или вовсе отклонить Россию от вмешательства в войну или, по меньшей мере, чрезвычайно оттянуть сроки этого выступления. Немалую роль играла в планах Фридриха также недооценка им русских войск, которые Фридрих считал неготовыми к войне и неспособными выдержать борьбу с его армией. Не было никаких оснований ожидать быстрого выступления и имперских войск, да и сама эта армия, сбродная, плохо организованная и еще хуже обученная, не могла казаться сколько-нибудь опасной. Для того же чтобы парализовать вмешательство Франции, король решил начать наступление осенью, с тем чтобы французы, даже если бы они пожелали немедленно выступить, смогли начать активные действия лишь зимой, а фактически не ранее весенней кампании 1757 года.

¹ Дельбрюк Г. «История военного искусства в рамках политической истории». Т. IV, стр. 323. М. 1938.

По плану, составленному Фридрихом, ему, таким образом, предстояло лишь быстрым ударом сломить сопротивление саксонских войск, которое не могло быть сильным, а затем разгромить изолированную Австрию. Тщательно подготовлена была экономическая база войны. Король предполагал иметь для нее 20 млн. талеров запасного фонда и ежегодный излишек государственных доходов в 5 млн. талеров. В действительности к 1756 г. он располагал фондом в 13½ млн. и ежегодным излишком в 3 миллиона¹. Недостаток был пополнен сначала принудительным займом в 5 млн., а затем поступлениями ежегодной контрибуции в 5 млн. талеров, наложенной на Саксонию. Кроме того, по договору с Англией, король получал огромные ежегодные субсидии, которые позволяли ему быть совершенно уверенным в благополучии своих финансовых дел, тем более что он рассчитывал на сравнительно короткие сроки войны. В этом отношении Пруссия имела большой перевес над Австрией и Россией, мучившимися острым недостатком финансов.

Таким образом, Фридрих был убежден в полном превосходстве над противниками. «Обстоятельства (в представлении короля) складывались настолько благоприятно, что могли возникнуть сомнения, не настала ли для него пора перейти к принципам стратегии сокрушения», — говорит по этому поводу Дельбрюк². При весьма благоприятном для Фридриха соотношении сил в первую кампанию (110 тыс. пруссаков против 80 тыс. австрийцев) он имел возможность осуществить быстрые и решительные операции против Австрии, разгром которой должен был окончательно заставить Россию отказаться от выступления. При этих условиях Фридрих мог спокойно обратить оружие против большой, но плохо организованной и полуразложившейся французской армии.

Осуществить этот план король, однако, не сумел. Он быстро разгромил и занял Саксонию, вынудил ее армию к капитуляции, не допустив соединения ее с австрийскими войсками, и вступил в Богемию. Но Фридрих не решился начать наступление на Вену и применить принципы вовсе недоступной для него «стратегии сокрушения», а в соответствии со стратегической доктриной своего времени удовольствовался частичным успехом, ограничившись захватом Саксонии, и даже очистил Богемию, считая успех первой кампании достаточным.

Король думал нанести решительное поражение Австрии во второй кампании не маршем на Вену, а операциями в Богемии и взятием Праги. Первая половина этого плана, как известно, была успешно осуществлена; но под Прагой пруссаки потерпели полную неудачу.

Если сравнить первоначальный, как будто очень точно рассчитанный план Фридриха с действительным положением дел в первую и вторую кампании, станет ясным, что этот план был порочен, так как в основу его была положена ошибочная переоценка способностей прусской армии.

Для осуществления этого плана требовалась национальная армия. Прусский же боевой аппарат, беспринципный и не национальный, был составлен в подавляющей своей массе из деклассированных элементов, набранных королевскими вербовщиками по разным государствам Европы, и из людей, вовлеченных на службу обманом и прямым насилием. Это было огромное сборище бродяг, пьяниц, неудачников, преступников, превращенное в армию силой жесточайшей дисциплины и постоянного мелочного надзора командиров всех рангов.

Тщательное, педантичное обучение, беспощадная муштра делали этот аппарат послушным орудием своего полководца и придавали ему

¹ По Фольду. Дельбрюк исчисляет государственный запас Фридриха в 16 млн. талеров, а превышение государственных поступлений Пруссии и захваченной в начале войны Саксонии — в 7½ миллионов. Расходы на одну кампанию, по предварительному расчету Фридриха, должны были не превышать 5 млн. талеров.

² Дельбрюк Г. Цит. соч. Т. IV, стр. 298—299.

способность к точным механическим действиям. Но эту всегда склонную к распаду армию приходилось держать в изолированных лагерях, оцепленных часовыми, не допускать ее до соприкосновения с населением и, следовательно, продовольствовать исключительно из магазинов. В боевых порядках применялся линейный строй, обеспечивавший цели надзора и принуждения, но делавший армию косоной, малоподвижной, чрезвычайно ограничивавшей ее маневренные возможности на поле боя¹.

Все это, вместе взятое, исключало возможность далеких переходов, быстрых и решительных операций, которые были необходимы для успешной реализации плана Фридриха, и на практике привело к тем половинчатым результатам, которыми королю пришлось удовольствоваться в 1756—1757 годах.

Ошибся Фридрих и в своих расчетах на неспособность России к выстулению. Вопреки всем стараниям его агентуры, вопреки намерениям и планам петербургского «молодого двора» и, в частности, интересам великой княгини Екатерины и выполнявшего ее волю фельдмаршала Апраксина русская армия хотя и с большим опозданием была двинута в поход и вскоре же нанесла противнику жестокое поражение под Гросс-Егерсдорфом. Этот разгром закончил собой цикл неудач прусского оружия в кампанию 1757 г., обусловленных той простой причиной, что союзники одновременно вели наступление на всех фронтах. В то время как русские теснили войска фельдмаршала Левальдта в Восточной Пруссии, шведы подошли к Грейфсвальду, французская армия маршала Субиза наступала на Эйзенах, а французская главная армия маршала д'Эстре разгромила вспомогательную союзную армию Фридриха при Гастенбеке и вынудила ее к Кюстер-цевенской капитуляции. В то же время австрийцы, ликвидируя первоначальные успехи Фридриха в начале кампании, осадили и взяли крепости Бреславль и Швейдниц. Даже сбродные имперские войска в этих условиях оказались силой и повели наступление на Эрфурт.

Растерянность в Пруссии была столь велика, что австрийскому генералу Гадляку удалось беспрепятственно и без сколько-нибудь значительных потерь подойти к самым стенам Берлина. Уже в эту вторую кампанию положение Фридриха стало безвыходным, и король лихорадочно искал спасения в дипломатических попытках прорвать фронт союзников сначала безуспешными происками в Петербурге, потом безрезультатными демаршами в Версале, где он также опирался на сильную дружественную ему группировку. Положение было настолько тяжелым, что ближайшие советники короля и даже его брат Генрих советовали ему идти на любые уступки ради заключения мира. Если Фридрих упорствовал, то он делал это в надежде не столько на силу своей армии, сколько на успех своей агентуры при европейских дворах и несогласованность в действиях союзников. Эта несогласованность фактически и была одним из главных факторов, в дальнейшем позволивших Пруссии держаться в этой войне.

В самом деле объединенного плана действий союзники не имели (если не считать принципиальных решений общего характера). Связь между главными квартирами была чрезвычайно слаба, и союзные командующие лишь с очень большим опозданием получали сведения о положении на других фронтах, тогда как король, используя свое центральное положение, мог со всей ясностью ориентироваться в обстановке.

Вступая в войну, Фридрих имел в своем распоряжении 128 017 человек полевой армии, 25 729 человек гарнизонного войска и 4800 милиции — всего 158 546 человек. В октябре, после захвата Саксонии и капитуляции

¹ На вопросе подробнее не останавливаемся, так как он освещен нами в статьях «Армия и стратегия эпохи Семилетней войны» («Военно-исторический журнал» № 4 за 1940 г.) и «Суворов как представитель русского военного искусства» («Исторический журнал» № 12 за 1941 г.).

ге армии, в прусские войска влилось дополнительно (в порядке принуждения) 18—20 тыс. саксонских солдат. Кроме того действовавшая на западе союзная армия (Ганновера, Гессена и Брауншвейга) под командованием сначала герцога Кумберлендского, а потом герцога Брауншвейгского заключала в себе до 50 тыс. человек. Общая численность вооруженных сил Пруссии достигала, таким образом, 230 тыс. человек.

Силы союзников, по данным русского канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, на 1765 г. определялись следующими цифрами: Россия — 331 422 чел., Франция — 211 753 чел., Австрия (без имперских и крепостных войск) — 139 тыс. человек. К этому надо добавить имперские войска, численность которых достигала 50 тысяч. Цифры эти, однако, имеют чисто формальный характер и значились только на бумаге. Фактически в 1756 г. Австрия располагала лишь 80 тыс., а Саксония — 20 тыс. солдат. В кампанию 1757 г. Россия сумела выставить полевую армию немногим более 110 тыс. чел., а силы ее союзников в той же кампании не превышали 100 тыс. французов, 22 тыс. шведов, 33 тыс. имперцев и 120 тыс. австрийцев.

В начале кампании 1759 г. против 220 тыс. прусских войск союзники имели в поле 125 тыс. французов, 155 тыс. австрийцев, немногим более 60 тыс. русских (8 полков оставались на Висле), 45 тыс. имперцев, 16 тыс. шведов. Таким образом, союзники имели в это время более чем двойное численное превосходство. В последующих кампаниях соотношение становилось для них все более благоприятным¹.

При центральном положении Пруссии, при отсутствии реальной оперативной связи между главными квартирами союзников эти преимущества, однако, обесценивались.

Почти совершенно изолированы и не согласованы с действиями остальных членов коалиции были операции французских войск. Они фактически даже не отвлекали на себя собственно прусских сил, а несмотря на свое численное превосходство сражались лишь с небольшой армией союзников Фридриха. Это позволяло королю не дробить главную армию и сосредоточить ее для действия на восточном фронте. В тех же случаях, когда король был вынужден перебрасывать свои войска на запад, он делал это лишь на короткое время, для того чтобы быстрым мощным ударом обрушиться на врага и затем, оставив его, вновь бороться с вспомогательной союзной армией, вернуться к операциям на востоке и юговостоке.

Таким образом, при подсчете фактических сил сторон надо помнить, что собственно прусская армия вовсе не имела перед собой всех тех сил, которыми располагали союзники, а боролась лишь с двумя серьезными противниками — Россией и Австрией. Вместе они имели некоторый численный перевес в живой силе, но вовсе не столь подавляющий, как это получается при подсчете штыков и сабель всех союзных армий. Если же учитывать техническое оснащение и организацию, то Фридрих обладал силой, почти равной силе обоих противников и значительно превосходящей каждого из них. Так оценивал положение и сам король².

Но операции союзников на восточном фронте также не имели никакого единства. Эта несогласованность действий зависела не только от таких причин, как дальность расстояния, трудность связи между главными квартирами, невозможность сколько-нибудь своевременной оперативной информации. Помимо этого были другие, более глубокие и значительные причины, корни которых крылись во взаимном недоверии и скрытой враждебности союзников.

¹ Коробков Н. «Семилетняя война», стр. 53—54, 91, 116—117, 200—202. М. 1940; Леер Г. «Обзор войн России от Петра Великого до наших дней», Т. IV. Ки. 2-я, стр. 198. СПб. 1898.

² Дельбрюк Г. Цит. соч. Т. IV, стр. 298.

Франция, вынужденная силой обстоятельств пойти на временное военное соглашение со своим традиционным врагом — Австрией, — вовсе не желала ее господства в делах Средней Европы. Еще более опасным и нежелательным считали в Версале усиление России. Руководящие политики Франции настойчиво подчеркивали, что союз с этой державой имеет вынужденный характер и приемлем лишь в условиях сложившейся обстановки; что какое бы то ни было укрепление России недопустимо, так как оно представляет прямую опасность для Польши и Швеции — постоянных союзников Франции — и для ее интересов как в этих странах, так и в делах Средней Европы и на Востоке. Доходило до того, что сколько-нибудь значительные военные успехи России вызывали в союзной Франции величайшую тревогу, и Людовик XV в ответ на них одновременно с поздравлениями русскому правительству давал своему послу в Петербурге секретные инструкции всеми мерами добиваться приостановки успехов России, как он это сделал, например, в 1759 г. после побед при Пальциге и Кунерсдорфе¹.

Этот страх перед усилением России являлся закономерным следствием той политики, которую в отношении России и до войны и после нее вело версальское правительство. «Vous savez déjà et je le répéterai ici bien clairement, — писал Людовик XV в одной из своих инструкций барону Бретейлю, послу в Петербурге, — que l'objet de ma politique avec la Russie est de l'éloigner autant qu'il sera possible des affaires de l'Europe»² («Вы уже знаете, и я повторяю здесь со всей ясностью, что сущность моей политики относительно России заключается в том, чтобы устранить ее насколько возможно от европейских дел»).

Уже в 1758 г. испуганное быстрым продвижением русских войск во внутренние области Пруссии, версальское правительство заявило решительный протест против оккупации ими Данцига — пункта, представлявшего исключительную важность как этап подвоза и базовый центр снабжения наступающих русских войск. Отказ от овладения Данцигом поставил последние в чрезвычайно трудное положение и лишил их возможности прочно закрепиться на уже занятых территориях.

Неискренность и двойственность политики Австрии отчетливо сказались уже в период перед войной, в частности в настойчивом нежелании согласиться на отправку в Саксонию русского корпуса, что и было блестяще использовано Фридрихом в его нападении на Саксонию и в быстром ее разгроме.

Вся последующая политика Австрии при ее более уступчивом отношении России тоне характеризуется колебаниями между необходимостью сохранить военную помощь России и нежеланием допустить усиление последней. Хитроумные венские политики стремились убить двух зайцев сразу: обессилить Россию, подставляя ее войско под главные удары Пруссии, а затем восторжествовать над Пруссией, обескровленной войной с Россией.

Вместе с тем Вена настойчиво выдвигала обеспечение своих интересов как основную цель войны. Граф Кауниц, подобно тому как 40 лет спустя барон Тугут, настойчиво стремился к обращению русских вооруженных сил во вспомогательное войско Австрии. Вена присылала в Петербург планы, выработанные ею для русской армии и никак не отвечавшие ни политическим, ни стратегическим целям России. Особенно яркое выражение все это получило после завоевания русскими Восточной Пруссии. С 1758 г. охрана оккупированной провинции становилась важнейшей стратегической задачей русской армии, а ее оперативное направление отчетливо определялось на Берлин, через Данциг, по побережью, в непо-

¹ Vandal A. «Louis XV et Elisabeth de Russie», p. 237, 363, 372.

² Boutaric M. «Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère». Vol. II, p. 283. Paris. 1866.

средственном взаимодействии со шведами, или через Франкфурт при одновременной поддержке шведов с севера и австрийцев с юга.

Но австрийская главная квартира и правительство настойчиво требовали от русского правительства и командования операций в Силезии, где сосредоточивались стратегические интересы Австрии, операционная линия которой шла на Берлин через Бреславль. Вена постоянно требовала то высылки в Силезию вспомогательного корпуса, что не могло не обессилить русскую армию в ее действиях в Померании и Бранденбурге, то настаивала на полном отказе от операций в этих направлениях и на отправке в Силезию главных русских сил с оставлением лишь незначительного корпуса для охраны Восточной Пруссии.

«Нескладность» этих требований видело не только военное командование, но и правительство. Под настойчивым давлением Вены оно соглашалось, однако, то на частичные, то на полные уступки, результатом которых и явились две бесплодные силезские кампании. При этом русским главнокомандующим давались инструкции теснейшим образом увязывать свою деятельность с намерениями и планами австрийского командования, а наряду с этим поручалось отклонять требования, направленные явно во вред русской армии, действовать осторожно, избегать больших жертв, следить за тем, чтобы австрийский главнокомандующий не вступил в какие-либо соглашения с прусским командованием¹.

К этому надо добавить, что австрийское командование, настойчиво отвлекая русских от их прямых задач, в то же время уклонялось и от действительно совместных действий с ними².

II

Отношения главных квартир характеризовались не только взаимным недоверием, но и глубоким недоброжелательством, выражавшимся иногда в актах, оказывавших сильное влияние на ход и успешность союзных операций. Так, в кампанию 1758 г., когда русские, глубоко проникнув в пределы прусского королевства, осадили Кюстрин, и Фридрих двигал навстречу им свои главные силы, фельдмаршал Даун, вместо того чтобы зажать противника между союзными войсками, как это было условлено, остался на своих позициях и предоставил пруссакам возможность атаковать под Цорндорфом изолированную русскую армию в весьма невыгодных для нее условиях. В следующем году та же история, но в еще более вопиющих формах, повторилась под Кунерсдорфом, что вызвало величайшее негодование в русских войсках против союзников³.

«Не мое дело в политические дела вступать,— писал 10 ноября 1759 г. фельдмаршал П. С. Салтыков И. И. Шувалову.— Но ежели изволите по прошедшим временам посмотреть, надеюсь много экземпляев сыщется, да и прошлого года цорндорфская баталия довольно доказывает, какую помощь нашим подали, а и поближе под Франкфуртом король прусский за полторы сутки стал Одер переходить, чтобы нас атаковать; г. Даун был в девяти милях; к нему курьер за курьером; Гадик был в шести; я спросил у Лаудона, где Гадик, он может еще к нам поспеть; тот сказал: не знаю. Король перешел — к нему курьер, король стал батареи делать — другой; баталия началась; полковник, который и возвратился, еще баталия не окончилась, и у своего полку ранен,— стало не далеко были: могли бы поспеть, когда бы хотели; баталия сомнительна —

¹ Центральный военно-исторический архив (ЦВИА), ф. Военно-ученого архива (ВУА), д. № 1669, лл. 270—278; Масловский Д. «Русская армия в Семилетнюю войну». Вып. III, стр. 32, 34, 38—43. Приложения. 1891.

² Arneht A. «Maria Theresia und der siebenjährige Krieg». Bd. II. S. 153. Wien. 1875.

³ «Correspondance de M. le marquis de Montalambert», p. 60 suiv. Londres. 1747.

еще курьер, баталия выиграна — курьер; король в конфузии реку перебирался; Гадик близко был, для чего не атаковал и всех не побрал?»¹.

«Я, милостивый государь, — писал Салтыков далее, — поступки графа Дауна не хую, может быть, он поступал по указам, видно, что чужими руками жар загребать хотел, а своих людей берег»².

Блестящие результаты действий русской армии в кампании 1759 г. при энергичных совместных усилиях союзников необходимо должны были привести к окончанию войны; сам король, оставшись без армии, считал падение Берлина неизбежным и не имел никаких средств для защиты своей столицы. Но Даун, занятый осадой Дрездена и операциями против Брига и Нейсе, не только уклонился от прямых действий на Берлин, но настаивал (в соответствии с планом, выработанным в Вене в начале кампании, задолго до решающих русских побед) на присоединении к нему русских войск. В Франкфурте, занятом русскими, он предлагал оставить вагенбург (укрепленный обоз) с небольшой охраной, а немногочисленный русский отряд отправить для диверсии на Берлин, чтобы оттянуть на себя прусские силы и прикрыть операции австрийской армии.

Естественно, что Салтыков не мог согласиться ни с губительным раздроблением своих сил, и без того ослабленных боями, ни с подчинением общих интересов войны исключительно австрийским интересам. В результате затяжных и бесплодных переговоров время было упущено, и плоды замечательных русских побед потеряны. Король, долго не веривший своему счастью, назвал эти события «чудом Бранденбургского дома».

В то время как союзники заканчивали кампанию и размещались на зимние квартиры, а главнокомандующие и кабинеты Вены и Петербурга обвиняли друг друга и вели враждебную переписку, Фридрих восстановил свою армию и собрал средства для дальнейшего сопротивления.

Несмотря на все усилия русского правительства союзное сотрудничество сохранило те же черты до конца войны, и совместные действия русской и австрийской армий неизменно оказывались безуспешными.

Примерно такие же отношения существовали между русским и шведским командованиями. Последнее все время оперировало изолированно, бессистемно и в целом крайне неудачно³. Если не считать совместных с русскими и имевших вовсе второстепенное значение действий шведского флота да неудавшейся попытки использовать русские успехи после Кунерсдорфа, о сотрудничестве шведской армии можно было бы вообще не говорить. Между тем при правильной координации действий русских и шведских сил последние при всей их незначительности могли бы оказаться весьма полезными. Как отметил Наполеон в «Précis des guerres de Frédéric II», при наступлении русских на Берлин от Франкфурта в 1759 г. поддержка шведов могла бы иметь решающее значение. Очень существенной была бы шведская помощь и в операциях против Кольберга, овладение которым изменило бы всю картину войны на северо-востоке прусского королевства. Но с шведами не удавалось договориться, и даже в 1761 г., ознаменованном блестящими операциями корпуса Румянцева, шведы фактически не оказали русским никакой поддержки при взятии этой крепости.

Фридрих, тщательно следивший за симптомами обострявшихся противоречий между союзниками, именно в этом видел залог своего спасения. После неудавшихся попыток 1757 г. он, учитывая стремление

¹ «Сборник Русского исторического общества», Т. IX, стр. 495—496. Спб. 1872.

² Там же, стр. 501.

³ «Бездействие сих войск и стыд, который оно навело на них, сделало их посмешищем в глазах их союзников, их неприятелей и даже самих их соотечественников» (Архенгольд И. «История Семилетней войны в Германии». Перевод Мартос, стр. 189. М. 1841).

Франции скорее кончить войну и ее секретные от России переговоры с Австрией по этому поводу, а также естественно последовавшее охлаждение между Австрией и Францией, с одной стороны, и Россией, — с другой, предпринял новый совместный с Англией демарш в Петербурге.

23 октября 1758 г. британский посол Кейт на конференции с Воронцовым заявил, что правительства Англии и Пруссии стремятся к заключению мира с Россией, и высказал мысль, что последней нет смысла поддерживать союз с Францией, «которая всегда была завистницей России и теперь имеет свои замыслы... чему у меня есть ясные доказательства». Со стороны России, говорил Кейт, «больше сделано (для дела союзников — Н. К.), чем обязательства ее простирались». Воронцов уклонился от обсуждения этих объяснений.

24 октября Кейт вручил Воронцову копию с проекта декларации, которую предполагалось сделать в Гааге от имени правительств Англии и Пруссии, о готовности приступить к общим мирным переговорам с союзниками.

В своем ответе русское правительство, не отклоняя предложения, заявило, что оно намерено «свято и точно исполнять свои торжественные заявления... заключить мир не иначе, как на честных, прочных и выгодных условиях и по соглашению со своими верными союзниками». Идея сепаратного мира была категорически отвергнута.

Вместе с тем австрийскому и французскому послам была вручена нота, прозрачно намекавшая на недопустимость тайных сепаратных планов среди союзников и указывавшая, что заключение скорого и почетного мира мыслимо лишь при условии искренности и твердости союзников в выполнении своих обязательств.

Дополнительно австрийскому послу была дана записка с мягко, но отчетливо сформулированными обвинениями в нарушении союзных обязательств относительно России сепаратными переговорами с Францией. «Никакие доказательства, — говорилось в заключительной части записки, — не принудят нас поверить, что о главных пунктах без нас уже согласились или думают привести нас к готовому уже мирному трактату. Однако если бы это сверх нашего ожидания случилось, то мы наперед объявляем, что хотя бы самые лучшие и такие для нас условия там были внесены, каких только можно желать, то мы к такому миру никогда не приступим, откажемся от всяких выгод и найдем случай заключить с прусским королем особый мир: пусть останется нам хотя слава, что, бывши победителями, победами удовлетвовались и побежденным мир даровали, а законов не приняли. Империя наша, слава богу, в таком состоянии, что не может много опасаться от мщенья короля прусского, и он, конечно, первый будет искать нашей дружбы. Напротив того, если мирное дело пойдет надлежащим и с достоинством союзников сходственным порядком и с нами будут поступать с такою же искренностью, с какою мы поступаем, то императрица-королева может верно полагаться, что их труды, опасности, утраты, приобретения — все охотно разделять будем»¹.

Твердый тон записки произвел в Вене сильное впечатление. Россия действительно имела все возможности заключить выгодный для себя сепаратный мир, а это значило бы для остальных союзников полный проигрыш войны. Поэтому австрийское правительство поспешило с объяснениями и оправданиями, а также согласилось на ряд условий, принять которые ранее уклонялось.

Иное положение было с Францией. Безнадежное положение в колониальной войне и тяжелый экономический кризис толкали ее к стремлению заключить мир как можно скорей, тем более что в окончательном ослаблении Пруссии она не только не видела выгод, но и прямой ущерб

¹ Из протоколов конференции. Цит. по Соловьеву. Т. 24-й, стб. 1191—1192.

своим интересам на континенте в виде усиления за счет Пруссии России, а отчасти и Австрии. Как писал позднее Людовик XVI, о политике Петра III и первых годов царствования Екатерины, «никто в этой войне не желал окончательного разгрома Пруссии»¹.

Правительство Елизаветы держалось иной точки зрения, настаивая на твердых гарантиях, которые не позволяли бы Пруссии вернуться к ее агрессивной завоевательной политике. В январе 1760 г. французский посол барон Бретейль обратился в Петербург с нотой, в которой сообщал, что версальское правительство вынуждено предпринять в Лондоне шаги к открытию мирных переговоров, и просил Петербург поддержать эти шаги. В качестве основания приводилась ссылка на крайнее истощение Франции, необходимость для нее сократить численность войск и полное будто бы осуществление целей войны относительно Пруссии.

Петербургский кабинет дал на это предложение ответ (от 1 февраля 1760 г.), в котором между прочим говорилось: «Мы можем чистосердечно сказать, что крайне трудно становится нам продолжение войны; но если б, при нынешнем желаемом мире, от поспешности или по другому несчастью не было принято мер против новой войны, которая действительно вскоре возгорелась бы, то мы через несколько лет не будем в состоянии опять такую же армию привести к реке Одере, какая там теперь была, хотя б получили большие миллионы субсидий, ибо не всегда быть может готовая армия в Лифляндии. Когда подробнее рассмотрим вопрос об ослаблении короля прусского, то, к крайнему сожалению, надобно признаться, что самые к небу вопиющие несправедливости и бесчеловечия находят ему приверженцев и защитников; что при всем своем изнеможении и после больших ошибок стал он, однако, выше прежнего во мнении людей, судящих по наружности; стал он велик тем, что так долго мог противиться таким сильным державам, и станет несравненно выше, когда при мире ничего не потеряет... Думать об этих предосторожностях побуждает нас не собственный односторонний интерес; наши границы обширны и окружены многими соседями; однако положение их таково, что может причинять нам только много досад и хлопот, но существенной опасности редко можно ожидать»².

Формулируя еще раз цели войны, которые выдвигает Россия, петербургский кабинет заявлял, что «мы, с своей стороны, за лучшее приобретение от этой войны почтем то, если силы короля прусского будут существенно уменьшены и мы будем в состоянии положиться, что война не скоро опять вспыхнет, будем покойны несколько лет, не будем принуждены подавать нашим союзникам для нас тягостную, а для них иногда позднюю помощь»³.

Совершенно различное понимание целей войны каждым из союзников, скрытая, но отчетливо проступавшая неискренность и даже враждебность Франции и Австрии к России обессиливали коалицию и если и не давали Фридриху надежды на возможность победы, то позволяли ему держаться гораздо дольше, чем это было бы возможно в условиях единодушных и совместных действий коалиции.

Чрезвычайно благоприятным для Фридриха фактором явилась, в частности, также совершенно неудовлетворительная система продовольственного снабжения русской армии. В течение летних кампаний русские войска далеко продвигались в глубь вражеской территории, но располагать их здесь на зимние квартиры оказывалось невозможным, так как командование не было в состоянии обеспечить их продовольствием. Вследствие этого армию с наступлением холодов каждый раз отводили

¹ Замечания Людовика XVI на сочинение Рульера. «Русский архив». Кн. 2-я. 1877.

² Из протоколов конференции. Цит. по Соловьеву. Т. 24-й, стр. 1187—1189.

³ Там же, стр. 1190.

в тыл, отдавая таким образом противнику все захваченное у него летом и сохраняя прочно за собой лишь Восточную Пруссию, а позднее и часть Померании.

Продовольственный вопрос, в свою очередь, даже при всем несовершенстве организации снабжения мог бы быть разрешен при последовательности и планомерности действий армии. Командование начиная от Апраксина и кончая Бутурлиным прекрасно знало, что огромное значение для правильности снабжения имеет овладение Данцигом и Кольбергом как центрами подвоза. Но когда нерешительный Фермор подготовил наконец атаку Данцига, правительство под энергичнейшим давлением Франции приказало ему отказаться от этой операции, и всякий раз, когда взятие Данцига становилось насущной необходимостью, правительство вновь уступало представлениям Версаля и Варшавы. Бессистемность же операций против Кольберга в первых кампаниях зависела как от глупости и измены командования ссадой, так и от общей бессистемности ведения войны, в течение которой оперативные направления и планы беспрерывно менялись. Эта неопределенность в свою очередь являлась следствием постоянной дипломатической борьбы между кабинетами и главными квартирами Петербурга и Вены при дополнительном вмешательстве Версаля.

Излишне говорить, насколько вредны были подобное рассеивание усилий, подобная непоследовательность. В отношении русской армии это, в частности, признал и фельдмаршал Даун, более всех повинный в отвлечении русских сил от их естественного оперативного направления. Став в положение объективного критика (после того как его заслонил собой Лаудон), он отметил, что русским следовало бы неуклонно держаться действий на Померанию и Бранденбург, не отвлекаясь в Силезию.

Несомненно, что решающий успех мог бы быть получен при последовательности действий и в любом другом направлении, но последовательности в операциях союзников не было и следа, а на войне хотя бы посредственный, но решительно и энергично осуществляемый план всегда лучше самого гениального, но нерешительно проводимого плана, а тем более — академически построенных и меняющихся планов.

Огромное преимущество давали Фридриху единство и полнота власти его командования. Все возникавшие стратегические, оперативные и тактические вопросы король решал тут же, на месте, и тотчас осуществлял свои решения. Он маневрировал, отражал и нападал, не теряя времени. Между тем командование союзников было по рукам и по ногам связано необходимостью действовать по указаниям своих верховных военно-политических советов: в Австрии — гофкригсрата, в России — конференции. Мало этого. Главнокомандующим приходилось сноситься со своими столицами даже по тактическим вопросам. Это приводило командование в состояние хронической пассивности и нерешительности. Оно то должно было действовать по устаревшим и несоответствовавшим сложившейся обстановке директивам, то выжидать апробации собственных предложений, то опасаться ответственности за неуспех операций, предпринятых на свой страх и риск. В результате Фридрих имел полное основание посмеиваться над медлительностью своих противников и «шестидесятифунтовыми гирями, привешанными к ногам фельдмаршала Дауна»¹, да и русских главнокомандующих.

Ко всему этому надо добавить широкую вредительскую работу, которую обширная агентура Фридриха вела в армиях союзников, очень слабую контрразведку последних против хорошо поставленного прусского шпионажа и деятельность придворных партий (особенно в России и Франции), дружественных Фридриху.

¹ «Politische Korrespondenz Friedrichs des Grossen». Bd. XVIII. S. 17, 305.

В неудачной и грозившей роковым для Фридриха исходом кампания 1757 г. короля спасло пресловутое апраксинское отступление, явившееся в конечном итоге следствием торможения со стороны Апраксина подготовки русской армии в течение зимы 1756—1757 г., с одной стороны, и полной неспособности как Апраксина, так и его штаба, состоявшего к тому же преимущественно из немцев,— с другой. Этот прорыв лишь однажды столь удачно сложившегося фронта общего наступления союзников чрезвычайно улучшил положение Фридриха, освободив значительные силы для его ударов по армиям союзников. Зима 1757—1758 г. стоила, однако, Фридриху полной и решительной потери Восточной Пруссии.

В 1758 г. успехи русской армии в Померании и Бранденбурге были приостановлены вследствие нежелания Дауна поддержать союзника наступлением с юга, а сделанные русскими завоевания (кроме Восточной Пруссии) оставлены из-за неумения наладить продовольственное снабжение, до крайности нелепых и несогласованных действий под Кольбергом, пассивности и бездарности Фермора и боязни оккупировать Данциг несмотря на сопротивление Франции.

Кампания 1759 г., начавшаяся в довольно благоприятной для Фридриха обстановке вследствие его зимних успехов в действиях против Франции и Австрии, ознаменовалась триумфом русских войск и полным разгромом главных сил короля. Но Пруссия была спасена разногласиями между союзниками и новым отходом русских в тыл на зимние квартиры. Это позволило Фридриху продолжать сопротивление в 1760 г., а безрезультатность и бесплодность вынужденных совместных действий (вернее, бездействия) русских и австрийцев в Силезии (что не могло искупить даже вступление русских в Берлин) затянули войну и на следующий год. Король не мог уже в это время надеяться на спасение, но он хотел сопротивляться до конца, а нелепое поведение союзников и постоянные конфликты между ними еще позволяли ему держаться. Но когда в конце 1761 г. русские взяли Кольберг и получили возможность, прочно оккупировав Померанию, начать решительное наступление на внутренние области королевства и его столицу, Фридрих должен был признать, что дальнейшее сопротивление немыслимо.

Его спасло второе «чудо Бранденбургского дома» — смерть Елизаветы, вступление на престол Петра III, выход России из войны и ее (хотя и недолговременная) вооруженная помощь Пруссии.

Таким образом, длительность борьбы Пруссии против войск «всей Европы» не включает в себе ничего удивительного. Несогласованность военных действий союзников, недоверие, а иногда прямая вражда союзных правительств друг к другу, подрывная деятельность шпионов и агентуры Фридриха при союзных дворах и в союзных армиях, система ведения войны русскими, обусловленная плетской организацией продовольственного снабжения, наконец, огромные английские субсидии,— а не стойкость прусских войск и, тем менее, населения Пруссии (как это блестяще показал пример Восточной Пруссии), вовсе не гениальность самого Фридриха II сделали войну затяжной и позволили королю семь лет сражаться против союзников. Не подлежит никакому сомнению, что если бы Франция, Австрия и Россия действовали дружно и согласованно, Фридрих был бы разбит в одну кампанию. Имея против себя даже только Австрию и Россию, сотрудничество которых было бы искренним, и при условии, что русские войска оставались бы зимовать на занятых ими территориях, Пруссия не выдержала бы и двух кампаний, как это утверждал и Наполеон — судья, в вопросах войны безусловно компетентный.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СУББОТНИКИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

С. Болтинов

I

Тесная спаянность тыла с фронтом, всемерная поддержка народом Красной Армии в годы гражданской войны 1918—1920 гг. была одной из важнейших причин победы советской власти над интервентами и белогвардейцами. «Ни одна армия в мире, — писал товарищ Сталин в мае 1920 г., — не может победить (речь идет, конечно, о длительной и прочной победе) без устойчивого тыла. Тыл для фронта — первое дело, ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми — бойцами, настроениями и идеями»¹.

Помощь тыла фронту выражалась в разных формах и в первую очередь в быстром и безотказном выполнении всех требований фронта по снабжению Красной Армии резервами, боеприпасами, продовольствием. А это в условиях того времени было делом исключительно трудным, так как гражданская война 1918—1920 гг. проходила в обстановке огромной экономической разрухи, порожденной четырехлетней империалистической войной. Все области и без того отстающего народного хозяйства помещичье-буржуазной России находились в таком состоянии, что только героические трудовые и организаторские усилия новых хозяев страны — рабочих и крестьян, возглавляемых ленинско-сталинской партией, — могли обеспечить Красную Армию всем необходимым для успешного ведения войны. И советский тыл все делал для того, чтобы обеспечить победу Красной Армии в ее борьбе против многочисленных врагов.

Глубокое сознание рабочими и крестьянами своей ответственности за судьбы отцовщины в октябре 1917 г. у эксплуататоров отечества выражалось не только в беззаветной, героической борьбе на фронте, но и в исключительном трудовом героизме в тылу. Стремление работать по-военному, работать как можно больше, чтобы обеспечить фронт всем необходимым, породило новую форму трудового героизма — виде коммунистических субботников.

Первый коммунистический субботник

был проведен 10 мая 1919 г. рабочими Московско-Казанского железнодорожного узла. То, что коммунистические субботники впервые возникли среди передовой части железнодорожного пролетариата, не является случайным.

Отсталый, расшатанный четырехлетней империалистической войной железнодорожный транспорт в годы гражданской войны был доведен до состояния развала. Из года в год возрастал процент больных паровозов и вагонов². К 1917 г. процент больных паровозов достигал 22—24, к началу 1918 г. — 35, к концу 1918 г. — 47, а в 1919 г. доходил до 52—55, а на отдельных железных дорогах процент больных паровозов был еще выше. Например на Мурманской дороге он доходил до 69, на Северных — до 65, а на Южных — до 75. В такой же степени ухудшалось положение и с вагонным парком. Уже в 1918 г. процент больных вагонов доходил до 16—20. Погрузка вагонов к 1920 г. сократилась в 4—5 раз по сравнению с 1916 годом³. Кроме того ввиду нехватки рабочей силы много вагонов с продовольственными и другими грузами, прибывавшими в Москву и другие города, долго не разгружались, что еще больше ухудшало положение железнодорожного транспорта. Естественно поэтому, что вопрос о транспорте, в особенности железнодорожном, занимал большое место в заботах партии и правительства.

В докладе на пленуме Московского совета весной 1919 г. Ленин говорил: «Работа по транспорту стоит так, что на востоке России, за Волгой, у нас несколько миллионов пудов хлеба, — 10—20 миллионов уже осыпано и заготовлено, но мы не можем его подвезти... Работа транспортная требует величайшего напряжения. Нужно, чтобы рабочие на каждом собрании ставили себе вопрос: чем мы можем помочь транспорту? Не можем ли мы заменить мужчин женщинами на этих работах и двинуть мужчин либо в ремонтные мастерские, либо на помощь железнодорожникам?»⁴.

² Нормальным считалось 16—17% больных паровозов и 3—4% больных вагонов.

³ «Правда» от 15 апреля 1920 года.

⁴ Ленин, Соч. Т. XXIV, стр. 210.

¹ И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 93. Париздат ЦК КП(б)У. 1936.

Нависшая весной 1919 г. угроза со стороны банд Колчака, в то время наиболее опасного врага, подошедшего к Волге, — потребовала отвлечения в ряды Красной Армии многих коммунистов и рабочих с производства. Оставшиеся на предприятиях и железных дорогах рабочие видели, что при недостатке рабочих рук, при расхлябанности и беспечности некоторой, несознательной части рабочих разгрузка и погрузка важнейших грузов происходила несвоевременно.

В такой обстановке и возникла идея коммунистических субботников. Выдвинула ее впервые партия депо Сортировочная, Московско-Казанского железнодорожного узла.

В начале апреля 1919 г. партия депо Сортировочная созвала экстренное партсобрание для обсуждения вопроса о том, как в связи с тяжелым положением на фронте и нехваткой рабочих рук преодолеть традицию празднования рабочими приближающихся религиозных праздников — Благовещения и Пасхи. Было вынесено следующее решение: «Ввиду того, что производительность железнодорожного транспорта пала ввиду усиленной перевозки, мы, коммунисты, постановляем отработать Благовещение»¹. В субботу 12 апреля 1919 г. коммунисты депо Сортировочная с 8 часов вечера до 6 часов утра 13 апреля провели бесплатно сверхурочную работу, отремонтировав 3 паровоза. Этот опыт затем 10 мая повторили коммунисты целого железнодорожного подрайона Московско-Казанского железнодорожного узла.

В. И. Ленин высоко оценил значение этого нового явления в жизни рабочего класса. В статье «Великий почин» Ленин писал: «Печать сообщает много примеров героизма красноармейцев. Рабочие и крестьяне в борьбе с колчаковцами, денкинцистами и другими войсками помещиков и капиталистов проявляют нередко чудеса храбрости и выносливости, отстаивая завоевания социалистической революции... Не меньшего внимания заслуживает героизм рабочих в тылу. Прямо-таки гигантское значение в этом отношении имеет устройство рабочими, по их собственному почину, коммунистических субботников»².

В коммунистических субботниках Ленин увидел начало борьбы передовой части пролетариата с косностью в своей собственной среде, со старыми взглядами на труд, как подневольный, вынужденный, каким он является в условиях капитализма. «Видимо, это только еще начало», — писал Ленин в той же статье, — но это начало необыкновенно большой важности. Это — начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распуцённостью, мелко-буржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый ка-

питализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда эта победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм делается действительно непобедимым»³.

Почин коммунистов Московско-Казанского железнодорожного узла был подхвачен железнодорожниками других дорог Москвы, а затем рабочими и служащими предприятий и учреждений Москвы и железнодорожниками и рабочими предприятий других городов. Пролетарии города Ленина, один из первых подхватившие почин московских рабочих, уже к сентябрю 1919 г. давали по городу в среднем около 10 тыс. человек — участников в каждом субботнике⁴.

В конце июля 1919 г. «Правда» сообщила о первом субботнике, проведенном в Брянске в половине августа 1919 года. Газета информировала и о первом субботнике, проведенном парторганизацией гор. Саратова.

Количество участников субботников с момента их возникновения неуклонно нарастало. «Месячный срок работы, — писала «Петроградская правда», — дает такую цифровую картину: на первом субботнике, 16 августа работало 5175 человек, на втором, 23 августа — 7650 человек, на третьем, 30 августа — 7900, на четвертом, 6 сентября — 10.250, на пятом, 13 сентября — 10.500 человек»⁵.

Советская пресса, и в первую очередь «Правда», с первых дней возникновения субботников уделяла им большое внимание, сообщая о передовых рабочих и служащих, принимавших все более активное участие в субботниках. «Правда» и другие газеты вели агитацию за вовлечение в это движение всей массы рабочих и служащих, подчеркивая большое значение субботников в деле помощи тыла фронту.

5 июля 1919 г. «Правда» сообщала, что бригада рабочих-коммунистов в количестве 7 человек на ст. Малоярославец, работая в воскресенье до 12 часов ночи (то есть около 15 часов), отремонтировала паровоз.

9 августа 1919 г. «Правда» в связи с субботниками на Рязано-Уральской железной дороге писала: «Все на коммунистический субботник! Все на работу! Сейчас преступно думать об отдыхе. Каждый день, каждый час дорог. Многие товарищи почему-то уверены, что им кто-то обязан дать хлеба, топлива, мануфактуры и прочие продукты, за них кто-то обязан отремонтировать паровоз, вагон, исправить путь и проч.»⁶.

1 июля 1919 г. «Правда» сообщала, что коммунисты железнодорожники станции Котлас постановили работать каждую

¹ Там же.

² «Петроградская правда» от 12 сентября 1919 года.

³ Там же от 23 сентября 1919 года.

⁴ «Правда» от 9 августа 1919 года.

¹ «Правда» от 9 мая 1920 года.

² Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 329.

субботу по 6 часов бесплатно. В первую же субботу они в числе 17 человек выложили 64 погонных саженя дров. Сообщая о втором субботнике, проведенном в Брянске, «Правда» писала, что состоявшийся 3 августа второй коммунистический субботник привлек много красноармейцев, советских служащих и граждан. В работах участвовало более трехсот человек. За три часа работы разгружено 75 платформ с рельсами¹.

В заметке «Великий почин» находит отклик «Правда» писала: «Великие Луки, 4 августа. Первый субботник коммунистов и сочувствующих прошел великолепно. До 150 мастеровых и рабочих коммунистов проделали значительную работу в виндавских железнодорожных мастерских. Предположено познакомить коммунистов с крестьянской работой и в очередной субботник направить их в волости для уборки сенокосов и урожая семей красноармейцев»².

Из номера в номер в «Правде» увеличивались сведения о распространении субботников и росте количества их участников. «Если на первые два субботника на ст. Пенза являлось 23 и 41 человек, то на третий явилось 418 человек. За два с половиной часа работы был рассортирован колесный парк, уложено в штабели 50 вагонных осей, убраны из проходов тяжелое железо и балки, погрузив их в вагон. Было нагружено 30 вагонов балласта, заштабелевано 40 саж. дров»³.

6 сентября 1919 г. «Правда» сообщила, что в московских мастерских тяжелой и осадной артиллерии («Мастяжарт») 128 рабочих за 3 часа работы 30 августа отремонтировали 6 155-миллиметровых орудий, начали ремонт 6 орудий, несколько орудий поставили на передки и выполнили ряд других оборонных работ.

А с каким энтузиазмом, самоотверженностью работали рабочие по восстановлению и пуску в ход разрушенных промышленных и в первую очередь оборонных предприятий в местностях, освобожденных от белогвардейцев и интервентов! За 23 июля 1919 г. «Правда» сообщила о проведении субботников по восстановлению военного Ижевского завода, где белогвардейцы, уходя, испортили оборудование и разные механизмы завода. Механизмы, испорченные белогвардейцами, были исправлены рабочими в порядке субботников в течение 2 дней вместо 12, как это потребовалось бы в обычных условиях.

II

До осени 1919 г. коммунистические субботники не были достаточно оформлены в организационном отношении. Организационное оформление коммунистических субботников и их планирование не выходило до этого за пределы местной партийной ячейки, в лучшем случае подрайона и района.

11 сентября 1919 г. «Правда» поместила

обращение Московского комитета РКП(б), где последний призывал партийные организации Москвы звести в организационные рамки дело проведения коммунистических субботников и сообщал о создании при Московском комитете партии особого бюро по учету, контролю и организации субботников в Москве. Затем в конце 1919 г. бюро субботников при Московском комитете РКП(б) и в районах были реорганизованы в отделы субботников.

К осени 1919 г. коммунистические субботники вылились в мощное движение трудящихся города. Из чисто партийных по составу участников они все больше и больше становятся массовыми субботниками. Корреспонденты о субботниках в «Правде» за сентябрь и октябрь 1919 г. отмечают нарастающие числа беспартийных участников в них. В одном из субботников на Путиловском заводе из 300 участников было более 25% беспартийных, на субботнике Смольнинского района Петрограда из 1000 человек было около 40% беспартийных⁴, а на субботнике на ст. Люблино (под Москвой) из 228 человек было 164 беспартийных⁵. Число беспартийных, принимавших участие в субботниках, неуклонно повышалось, достигнув в 1920 г. 75—90%.

Наряду с общим ростом количества участников в субботниках к осени 1919 г. намечилось и другое важное явление в их развитии — рост участвовавших в них женщин — работниц и служащих. 30 октября 1919 г. «Правда» сообщила, что в субботнике на станции Москва-товарная подавляющее большинство составляли женщины и подростки. 60 участников этого субботника разгрузили 7 вагонов продовольствия и погрузили 1 вагон. С ноября 1919 г. саратовские женщины-работницы стали систематически участвовать в субботниках. Организованные ими субботники были направлены главным образом на обслуживание больных и раненых красноармейцев (шитье и стирка белья и т. п.). Особенно заметен рост количества женщин в субботниках в зимние месяцы 1919—1920 г., когда проводились массовые работы по заготовке топлива, очистке от снега и льда железнодорожных путей и т. п.

Участие в субботниках стало делом чести для рабочих и служащих. Нередко рабочие предприятий выносили решения вообще работать в воскресные дни, сократив лишь работу в этот день до 6 часов.

Труд участников субботников, как правило, отличался высокой производительностью. Отмечая это обстоятельство, «Правда» от 3 сентября 1919 г. писала об одной из субботников на железнодорожной станции Лихоборы: «Нельзя не отметить, кроме того, ярких примеров субботников, где случалось, восемь человек за три часа работы одавали и собирали два паровозных бруса, работая ровно в пять раз успешнее обыкновенного. Бывают и такие примеры: работа в мастерских идет неуспешно, комиссар для примера оставляет задание уча-

¹ «Правда» от 5 августа 1919 года.

² Там же от 6 августа 1919 года.

³ Там же от 9 августа 1919 года.

⁴ Там же от 14 сентября 1919 года.

⁵ Там же от 4 декабря 1919 года.

етникам субботников, появляются сознательные и говорят: «Нет, товарищи, мы уже краснели перед субботниками, пора научиться».

Высокая производительность труда на субботниках с особой силой подчеркивала беззаветную преданность рабочего класса и других трудящихся делу партии Ленина—Сталина, показывала их непреклонную волю сделать все для помощи фронту, помочь Красной Армии разгромить интервентов и белогвардейцев.

«Голодные рабочие,— писал Ленин,— окруженные злостной контр-революционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсэров, устраняют «коммунистические субботники», работают сверхурочно без всякой платы и достигают громадного повышения производительности труда, несмотря на то, что они усталы, измучены, истощены недоеданием»¹.

Субботники приобретали все большее значение для преодоления экономических трудностей, обострившихся в ходе гражданской войны. В связи с обозначившимся к осени 1919 г. острейшим топливным кризисом в промышленности, на железнодорожном транспорте и т. д. Ленин писал в ноябре 1919 г. в письме ЦК РКП(б) к партийным организациям: «Субботники должны проводиться чаще, энергичнее, систематичнее, более организованно и в первую очередь на топливные работы. Члены партии должны идти впереди всех по трудовой дисциплине и энергии»².

Коммунистические субботники превратились в замечательную форму помощи тыла фронту, больным и раненым красноармейцам и их семьям. В 1920 г. проводились: «Неделя помощи фронту», «Неделя красног бойца», «Неделя западного фронта», «Неделя южного фронта», «Неделя раненого и больного красноармейца» и т. д.

В январе 1920 г., по инициативе В. И. Ленина, по всей стране была организована «Неделя помощи фронту». Центральный Комитет РКП(б) обратился по этому поводу ко всем партийным организациям тыла и фронта с письмом, в котором так определял задачи этой недели: «Задача «недели» разъяснить рабочим и крестьянам причины и цели нашей войны, значение для трудящихся победы или поражения Красной Армии, решающее значение настоящего момента, когда рабоче-крестьянская республика приближается к победе над всеми белогвардейцами, и тем заставить Антанту прекратить блокаду и поддержку нашей буржуазии. В этот решающий момент все силы трудящихся тыла должны быть отданы на поддержку красного фронта, Красной Армии. Поддержка должна быть оказана не на словах, а на деле»³.

В «Неделю помощи фронту» многие тысячи коммунистов и беспартийных работали минимум по 2—3 часа сверхурочно ежедневно, а воскресенье превратили в обычный рабочий день. Рабочие Охтенского за-

вода взрывчатых веществ в Петрограде постановили в «Неделю помощи фронту» вести работу круглые сутки и сверх того в порядке субботников отремонтировать 4 паровоза и 100 вагонов. В эту неделю в Петрограде были собраны миллионы рублей, много продуктов, табака, белья и т. п.⁴.

Рабочие и служащие предприятий и учреждений Москвы стремились в эту неделю сделать все, что можно, для помощи фронту. «Немедленно, с завтрашнего дня, приложить все усилия, чтобы удвоить производительность труда на своем заводе, провести отчисление однодневного заработка на Красную Армию и произвести три вечера сверхурочных работ. Во время всей недели фронта призвать всех знакомых нам граждан отдать фронту все, чем они могут поделиться с красноармейцами, а также и мы сами должны уделять, что возможно из своего скудного имущества»,— писали рабочие и служащие военно-броневому автомобильно-ремонтного завода в своей резолюции⁵.

На Урале только на Пермской железной дороге в «Неделю помощи фронту» в январе 1920 г. на 93 железнодорожных станциях было проведено 308 субботников. В них участвовало около 25 тыс. человек. Было отремонтировано 38 паровозов, 56 вагонов, очищено от снега много верст железнодорожного пути и переработано, перенесено 383 730 пудов разных грузов⁶.

В Саратове в «Неделю помощи фронту» и транспорту» был проведен ряд субботников, в которых участвовало много тысяч человек. По далеко не полным сведениям, только в воскресенье 1 февраля 1920 г. на Волга-пристань и других местах работало около 3 тыс. человек, в Саратовском железнодорожном депо — более 300 человек, на станции Товарная № 2 — более 1300 человек, на станции Товарная № 15 — 400 человек, в железнодорожных мастерских — более 500 человек. В воскресенье 3 февраля 1920 г. только на саратовском железнодорожном узле участвовало более пяти с половиной тысяч человек⁷.

В Саратове «Неделя помощи фронту» совпала с сильными снежными заносами на железнодорожных путях. Поэтому работа на субботниках в эту неделю была направлена главным образом на очистку железнодорожных путей от снега и льда, на ремонт паровозов и вагонов. Ежедневно в течение этой недели работало на одной только очистке железнодорожных путей до 4500, а за всю неделю — около 30 тыс. человек с 1½ тыс. подвод. Была проделана огромная работа: очищено от снега и льда около 200 верст железнодорожного пути, переставлено около 16 тыс. шпотов, вывезено много сотен вагонов снега и льда

⁴ «Петроградская правда» № 36 за 1920 год.

⁵ «Красный архив» № 4 за 1937 г., стр. 20.

⁶ «Правда» от 1 апреля 1920 года.

⁷ «Саратовские известия» № 29 за 1920 год.

¹ Ленин, Соч. Т. XXIV, стр. 341.

² Там же, стр. 534.

³ «Правда» от 21 декабря 1919 года.

с путей и т. п.¹ С не меньшим успехом была проведена «Неделя помощи фронту» и в других городах.

Вслед за «Неделей помощи фронту» большой размах субботники приняли в «Неделю трудового фронта». Проведение этой недели преследовало в основном две главные цели: улучшить работу железнодорожного транспорта и повысить качество работы предприятий коммунального обслуживания: водопроводов, трамваев, электростанций, хлебопекарен, столовых, почты, телефона и т. д. 1 февраля 1920 г. Ленин в письме к членам Совета обороны писал: «Положение с железнодорожным транспортом совсем катастрофично. Хлеб перестал подвозиться. Чтобы спастись, нужны меры действительно экстренные»².

В эту неделю рабочие и служащие, по собственной инициативе, удлиняли свой рабочий день на 3—4 и больше часов. По одной лишь Москве в эту неделю работало сверхурочно, бесплатно на разных предприятиях и железнодорожном транспорте 436 169 человек. Было погружено разными грузами 555 вагонов, перенесено разных грузов около 250 тыс. пудов, изготовлено для Красной Армии около 17 тыс. шинелей, телогреек, курток и т. п. и сделано много другой работы. Помимо этого непосредственно на железнодорожных узлах Москвы работало в эту неделю в порядке субботников около 200 тыс. человек. В среднем на железной дороге работало сверхурочно по 3 часа в день в течение всей недели около 30 тыс. человек. Основная масса участников были железнодорожники. Было отремонтировано более 400 паровозов и более 500 товарных и пассажирских вагонов, погружено разных грузов более 800 вагонов, разгружено около 1½ тыс. вагонов; перенесено разных грузов, рельсов, машин и т. п. около 500 тыс. пудов, отремонтировано около 20 верст железнодорожных путей и т. д.³.

III

Субботники приняли такой размах и приобрели такое производственное значение, что стали рассматриваться партией как один из существеннейших факторов в деле преодоления экономической разрухи.

IX съезд РКП(б) в резолюции «О задачах хозяйственного строительства» специальный пункт посвятил субботникам. «Субботникам,—говорилось в этой резолюции,—должно быть уделено на местах несравненно большее значение, чем это происходит сейчас. Для субботников нужно выбирать задачи, близкие местному населению, придавать им характер коллективного трудового усилия во имя заранее известных и понятных целей, вовлекать в них не только беспартийных рабочих, но и все вообще местное население, мужское и женское. Не менее важны тщательно обду-

манный технический план для каждого субботника, строго целесообразное распределение сил, безусловно экономное их использование»⁴.

Приближалось 1 Мая, которое предстояло провести в обстановке войны с белополяками и бароном Врангелем. Вся обстановка повелительно диктовала отметить этот праздник международной пролетарской солидарности не так, как он отмечался обычно.

В резолюции IX съезда РКП(б) специально о 1 мае 1920 г. было сказано, что этот день надо превратить «в грандиозный всероссийский субботник»⁵. Первомайский субботник намечен был как мероприятие всероссийского масштаба.

Во главе всероссийской комиссии по проведению этого субботника был поставлен один из авторитетнейших людей нашей партии — Ф. Э. Дзержинский. 14 апреля 1920 г. «Правда» поместила обращение Дзержинского «О первомайском субботнике» ко всем губисполкомам, губкомтрудам и в копии губкомам партий. Обращение указывало на необходимость сосредоточить внимание в проведении первомайского субботника на наиболее актуальных, фундаментальных видах работ. «При разработке программы первомайского субботника,—говорилось в обращении,—надлежит помнить работу, выполняемую массовым трудом, имеющую явное общепольное значение и проведение которой явилось бы памятником коммунистического труда, например, постройка или закладка моста, узкоколейки, плотины, дамбы, прокладка пути, закладка здания больницы, народного дома, школы, общественной столовой, коммунального огорода и т. п. Начать 1 мая можно бы продолжить в другие субботники или обычным порядком, присвоив начатому делу звание «первомайского» («Мост 1-го мая») и т. д.»

И лишь там, где не было условий для этого вида работ, обращение допускало возможным сосредоточиться на простейших видах работы: очистка города, ремонт и т. д.

Основательно подготовленный всероссийский первомайский субботник охватил миллионы трудящихся и прошел с исключительным трудовым подъемом. В одной только Москве на первомайском субботнике участвовало, по далеко не полным сведениям, 425 769 человек⁶. Среди них было 164 123 женщины, 19 639 подростков, 35 тыс. красноармейцев. Беспартийные составляли около 96% всей массы участников первомайского субботника.

Работы, проведенные 1 мая, шли по трем основным направлениям: на железнодорожном транспорте — на железнодорожных путях в вокзалах Москвы работало около 75 тыс. человек; основная масса рабочих работала у себя на фабриках и заводах;

¹ «Саратовские известия» № 57 за 1920 год.

² Ленинский сборник XXIV, стр. 62.

³ «Правда» от 28 мая 1920 года.

⁴ ВКП(б) в резолюциях и решениях, стр. 344. Госполитиздат. 1940.

⁵ Там же, стр. 345.

⁶ «Правда» от 20 мая 1920 года.

остальные — на озеленке города, по его озеленению (посадка деревьев) и т. д.

В работе на первомайском субботнике приняли участие все члены партии, начиная от рядовых и кончая членами Политбюро во главе с В. И. Лениным. Председатель ВЦИК М. И. Калинин проработал этот день по своей старой специальности токарем на заводе быв. Михельсона в Москве¹.

В Петрограде в первомайском субботнике участвовало около 165 тыс. человек. Работали по озеленению Площади жертв революции, по благоустройству других площадей, по исправлению водопровода и канализации; 10 тыс. человек работало на огородах Петрокоммуны. Рабочие-железнодорожники Петроградского железнодорожного узла и заводов работали у себя на производстве. Многие из них в этот субботник работали по 10—12 часов вместо 6, как намечалось ранее². Много десятков тысяч трудящихся участвовало в этом субботнике и по другим городам. Например в Саратове около 85 тыс. человек³, в Смоленске — 30 тыс., в Челябинске — 22 тыс., в Рыбинске — 20 тыс., в Костроме — 17 тыс. человек и т. д.⁴.

Первомайский субботник послужил новым толчком к дальнейшему развитию коммунистических субботников и воскресников. «Правда», подводя итоги субботников за май 1920 г.⁵, отмечала, что только в мае по одной Москве дано было минимум 4½ млн. бесплатных рабочих часов, что при самой минимальной расценке составляло около 50 млн. рублей. В результате этих рабочих часов разгружено 3290 вагонов разных грузов, погружено около 2838 вагонов, перенесено разных грузов-тяжестей 624 541 пуд, отремонтировано 521 паровоз и 781 вагон (это лишь по важнейшим видам работ). О грандиозном размахе майских субботников говорит и следующее: в то время как за период с 10 мая 1919 г. по 30 апреля 1920 г. по Москве и ряду других городов в субботниках участвовало около 2 млн. человек, за один лишь май 1920 г. в одной только Москве участвовало 1 050 106 человек.

С не меньшим успехом развивались субботники и в других городах. Только за май по Сызрано-Вяземской железной дороге Калужского узла во время субботников было отремонтировано 19 паровозов и 300 вагонов и исправлено 8 верст пути⁶.

В мае в Саратове лишь на линии Рязано-Уральской железной дороги в субботниках принимало участие 18 895 человек⁷.

Подводя итог субботникам за май по Саратову (без первомайского), «Правда»

указывала, что в мае выполнена была следующая основная работа: отремонтировано более 400 цистерн, много паровозов, более 3 тыс. товарных и классных вагонов, 2 парохода и 3 баржи⁸.

Стремление как можно больше сделать для Красной Армии, борющейся в это время с белополяками, рабочие и служащие выразили, проведя специальную «Неделю западного фронта». «Без напряжения всех сил в тылу и на фронте, — писал товарищ Сталин, — мы не сможем выйти победителями. Без этого нам не одолеть врагов с запада»⁹. И трудовые массы Советской страны напрягали все силы.

В «Неделю западного фронта» работой на субботниках и путем отчислений и сбора рабочие и служащие Петрограда собрали 175 млн. рублей, 45 тыс. рубаш, 47 тыс. кальсон, 23 тыс. полотенец, 2600 шинелей, 12 тыс. пар обуви и шапок, 7 тыс. перчаток и т. п.¹⁰. В субботниках в эту неделю участвовали десятки тысяч рабочих и служащих. Только на одном субботнике в Петрограде участвовало около 60 тыс. человек¹¹.

Исключительное внимание и забота к бойцам на фронте проявлялись всеми трудящимися как города, так и деревни. Газета «Петроградская правда» за 13 октября 1920 г. приводила один из многих примеров такого отношения: «Окрестные крестьяне Шлиссельбурга охотно жертвуют в пользу фронта теплые вещи. Отмечено несколько случаев, когда крестьяне отдавали последнюю обувь для посылки нуждающимся на фронте».

К лету 1920 г. в тылу Красной Армии, героически громившей войска белополяков, появился новый враг. В конце июня банды барона Врангеля начали наступление из Крыма. Товарищ Сталин, назначенный ЦК РКП(б) руководителем югозападного фронта, возглавивший организацию разгрома Врангеля, писал 11 июля, что «партия должна начертать на своем знамени новый очередной лозунг: «Помните о Врангеле!» «Смерть Врангелю!»¹².

Партия, комсомол и профсоюзы мобилизовали многие тысячи коммунистов, комсомольцев и членов профсоюзов для усиления рядов Красной Армии. Были приняты все меры к ее снабжению всем необходимым для победы.

Сознавая всю серьезность новой угрозы со стороны банд Врангеля, рабочие, крестьяне и служащие, не покладая рук, не считаясь со временем, делали все для помощи Красной Армии. Субботники и воскресники принимали еще больший размах. За июль по одной только Москве в субботниках участвовало 163 203 человека, из них 35 038 коммунистов и 128 165 беспартийных. За этот месяц были выполнены

¹ «Правда» от 4 мая 1920 года.

² «Петроградская правда» от 4 мая 1920 года.

³ «Саратовские известия» № 97 за 1920 год.

⁴ «Правда» от 5 и 7 мая 1920 года.

⁵ «Правда» от 8 июня 1920 года.

⁶ Там же от 11 июня 1920 года.

⁷ «Коммунистический труд» от 11 июля 1920 года.

⁸ «Правда» от 22 мая 1920 года.

⁹ «Красный архив» № 4 за 1937 г., стр. 22.

¹⁰ «Петроградская правда» от 25 ноября 1920 года.

¹¹ Там же от 11 июля 1920 года.

¹² Ворошилов К. «Сталин и Красная Армия», стр. 147. М. 1937.

в порядке субботников следующие основные работы: выгружено разных грузов 1216 вагонов, погружено 1114 вагонов, перенесено разных грузов более 500 тыс. пудов, распилено, расколото и уложено дров 15 483 сажени; отремонтировано 8 паровозов, 57 вагонов, 88 разных станков, машин и т. п.¹.

Свердловск испытывал затруднение в лесоматериалах и дровах. Трудящиеся города путем субботников и воскресников построили в районе Свердловска 15-километровую лесогорюльную узкоколейную ветку². Здесь же был организован субботник по пошивке шинелей; предполагалось, что на него явится не более 600 человек, явилось же 1246 женщин, которые пошили за субботник 2500 шинелей³.

Даже в зимние месяцы, несмотря на холод, масштаб субботников как по количеству участников, так и по объему выполненных работ продолжал держаться на высоком уровне. В декабре 1920 г. в Москве участвовало в субботниках 95 743 человека. По далеко не полным сведениям, в этом месяце в порядке субботников были выполнены следующие работы: отремонтировано 67 паровозов, 75 вагонов, выгружено 1443 вагона разных грузов, погружен 2171 вагон, перенесены сотни тысяч пудов разных грузов, рельсов, досок и т. д.; сшито и почищено для красноармейцев 20 750 штук обмундирования и белья⁴.

Самоотверженный труд рабочих, красноармейцев и служащих на субботниках и воскресниках способствовал существенно улучшению работы промышленных предприятий и особенно железнодорожного транспорта. Если на 1 января 1920 г. имелось 3800 здоровых паровозов, то к 1 января 1921 г. их было уже 7700. Ремонт паровозов во второй половине 1920 г. превысил плановое задание на 47%. В 1920 г. было отремонтировано 66 800 вагонов вместо 48 400 вагонов по плану. Повысился и пробег паровозов и вагонов. Суточный пробег паровозов с 24 верст в начале 1920 г. поднялся до 42 верст к январю 1921 г., а пробег вагонов повысился соответственно за тот же период с 62 до 80 верст⁵.

Работа на субботниках вызывала у рабочих изобретательскую и рационализаторскую инициативу. В номере от 19 января 1921 г. «Правда» сообщала, что при помощи субботников и воскресников рабочие железнодорожники ст. Александровск, Северной железной дороги, построили новый поворотный круг, на котором 3 рабочих повертывают любой паровоз в 5 минут, тогда как на старом кругу 20 рабочих и больше поворачивали паровоз иногда за 3 часа. Вторая победа рабочих названной станции заключалась в постройке канавы для смены колес паровоза. Раньше колеса паровоза

заменяли в депо за 10 дней, а после постройки канавы стали менять в течение нескольких часов.

IV

Субботники и воскресники нашли свое отражение и в деревне. Здесь, как и в городах, в первую очередь этот «великий почин» подхватили коммунисты и наиболее сознательные беспартийные. Уже осенью 1919 г. в центральной и местной прессе начали появляться сведения о проводимых в деревне субботниках. «Правда» от 4 октября сообщала, что в Спировской волости (Челябинской области) ячейка коммунистов устроила первый волостной субботник. Работало всего 8 коммунистов. К ним присоединились 4 беспартийных. За полтора часа выгрузили 8 вагонов дров. Если в 1919 г. субботники в деревне были единичным явлением, самая идея субботников только докатилась до деревни, то уже весной 1920 г. они начинают захватывать одну деревню за другой.

«Правда» от 9 июня 1920 г. писала: «В одной из самых глухих и отдаленных волостей Елатьинского уезда (Тамбовской губернии.—С. Б.) в Ардабьевской волости, с большим успехом был устроен коммунистический субботник. Работало около 500 человек с 150 подводами. Отремонтировано и восстановлено несколько мостов, плотина, мост, пожарных сараев и обозов. Уложено и подвезено много дров и оульев. Запаханы земли красноармейцев и безлошадных бедняков». В том же номере «Правда» сообщала, что «после первомайского субботника в далеких и глухих деревнях Павловского уезда (Нижегородской губернии.—С. Б.) начали устраиваться субботники и воскресники, на которых чинят дороги, строят мосты и обрабатывают поля красноармейцев».

В деревне Калиновке, Красноуфимского уезда, Екатеринбургской губ., крестьяне путем субботников и воскресников засыпали большой овраг, разделявший селение на две части на протяжении многих десятилетий, и построили мост. Газета «Уральский рабочий» за 4 июля 1920 г. писала по этому поводу: «Семидесятилетние старики говорят, что через него (овраг.—С. Б.) строили мостов несколько штук, но все таких плохих и недюжих, что через некоторое время они проваливались в овраг, а вот за четыре дня был построен мост».

Влияние рабочих города на деревню сказывалось не только в примерной работе на субботниках, но и в непосредственной помощи трудящихся города крестьянам. По инициативе ЦК РКП(б) в августе 1920 г. началась «Неделя крестьянина» в Москве и других губерниях Советской России.

Рабочие городов собирали у себя на предприятиях материал, необходимый для изготовления и ремонта сельскохозяйственного инвентаря, создавали из соответствующих специалистов (кузнецов, слесарей и т. п.) бригады и отправлялись помогать крестьянам. Для иллюстрации той опрочной помощи, которая была оказана трудя-

¹ «Правда» от 13 августа 1920 года.

² «Уральский рабочий» от 14 сентября 1920 года.

³ Там же от 16 ноября 1920 года.

⁴ «Правда» от 12 января 1921 года.

⁵ Там же от 5 марта 1921 года.

щимся города деревне, достаточно будет привести несколько примеров. Уральские рабочие в эту неделю собрали и отправили в деревню 60 пудов гвоздей, 4723 пуда сортового и листового железа, 10 220 штук подков, 780 пудов наварной стали и много других материалов¹. В Тамбовской губернии в «Неделе крестьянина» приняло участие 1500 квалифицированных рабочих и 30 554 неквалифицированных, также было мобилизовано 20 235 подвод. Этими силами была выполнена следующая работа: вспахано семьям красноармейцев и бедняков 47 027 десятин земли, убрано 5115 десятин хлебов, обмолочено 6352 копны хлебов, скошено 9242 десятины лугов, засеяно озими 2020 десятин; отремонтировано 89 колодезь, 33 плотины, 465 мостов, 19 цукол и много сельскохозяйственного инвентаря².

По одному лишь Камышинскому уезду, быв. Саратовской губернии, за эту неделю было отремонтировано 4767 плугов, 14 777 колес, 5530 сох, 5723 бороны, 1703 жнейки, 100 конных молотилок, 7499 телег, 4742 хомута и сделано много другой работы³.

Чувствуя всю огромную пользу от коммунистических субботников для деревни, крестьяне не только с благодарностью принимали помощь от рабочих города, но и сами все больше и больше втягивались в это замечательное движение, активно помогая фронту, родной Красной Армии своим добросовестным бесплатным трудом в тылу. Плечом к плечу трудящееся крестьянство вместе с рабочим классом под ру-

ководством коммунистической партии самоотверженно сражалось на фронтах гражданской войны против интервентов и белогвардейцев, так же дружно оно боролось и в тылу. Путем субботников и воскресников передовая часть советской деревни наряду с рабочими городов в годы гражданской войны внесла немалый трудовой вклад в дело обеспечения победы над интервентами и белогвардейцами.

Великая отечественная война против немецко-фашистских захватчиков в гораздо большей степени показала всему миру, с каким единодушием и самоотверженностью наш тыл помогает родной Красной Армии в ее борьбе с фашистскими ордами. Невиданному в истории войн проявлению героизма, мужества и отваги бойцов, командиров и политработников Красной Армии на фронте соответствует самоотверженная работа трудящихся в тылу. «И теперь наши заводы, колхозы и совхозы, несмотря на все трудности военного времени, работают бесспорно удовлетворительно»⁴. Такова та высокая оценка, которую товарищ Сталин дал работе тыла за истекший год. Лозунгу «Все для фронта» подчинены все героические усилия трудящихся нашей страны в тылу. Размах стахановского движения в обстановке отечественной войны, стремление во много раз повысить производительность труда, наконец, периодически проводимые субботники и воскресники являются во много крат увеличенным проявлением того трудового героизма, начало которому было положено в виде коммунистических субботников в годы гражданской войны.

⁴ И. Сталин. 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 6. Огиз. 1942.

¹ «Уральский рабочий» от 9 сентября 1920 года.

² Там же от 20 октября 1920 года.

³ «Известия Саратовского губисполкома» от 23 августа 1920 года.

ПУТЬ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ

Ф. Чебаевский

Триста тринадцать лет назад, осенью 1612 г., наши предки — народные ополченцы во главе с Кузьмой Мининым и Дмитрием Пожарским — освободили страну нашу и столицу Москву от польских интервентов.

Народное ополчение зародилось в Нижнем Новгороде осенью 1611 г., когда отчизне угрожала гибель и не было, казалось, для нее выхода. Пламенная патристическая речь, произнесенная простым посадским человеком, «говядарем» Кузьмой Мининым, о необходимости спасения родины всколыхнула нижегородцев. Посыпались щедрые пожертвования, стали собираться ратные люди. Нашелся и военачальник — Дмитрий Пожарский, который был в военном деле «искусен и во измене не явился». К началу 1612 г. народное ополчение уже насчитывало более трех тысяч человек.

Г

Из Нижнего Новгорода Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский вначале полагали двинуть ополчение прямо на Москву через Суздаль. Но вскоре они от этого маршрута отказались. Враждебность казачества, стоявшего под Москвой, и необходимость более основательной и всесторонней подготовки к походу побудили Минина и Пожарского идти с войском вверх по Волге, к Ярославлю, по мало разоренной дороге, в Ярославле сделать остановку, пополнить и организовать свои силы с тем, чтобы уже наверняка разгромить и изгнать из страны интервентов.

Об организации народного ополчения в Нижнем Новгороде знали руководители подмосковных казачьих таборов — Трубецкой и Заруцкий. Последний был врагом Нижегородского ополчения. Он заду-

мал захватить Ярославль с целью отрезать нижегородцев от поморских городов и тем расстроить начатое Мининым и Пожарским освобождение страны от иноземного нашествия. В январе 1612 г. Заруцкий послал в Ярославль казаков, а вслед за ними, для прочного закрепления за собой города, — отряд казаков Просовецкого, стоявший до того во Владимире.

О выступлении Просовецкого было немедленно сообщено в Нижний специально посланными из Ярославля людьми. Чтобы помешать занятию города Просовецким, Пожарский быстро снарядил и направил туда отряд ополченцев под начальством своего двоюродного брата Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского, прекрасно справившегося со своей задачей. Он прибыл в Ярославль раньше отряда Просовецкого, а находившихся там казаков «перемашу и в тюрьму пересажаю»¹.

Ярославль был готов для принятия народного ополчения, но с выступлением из Нижнего Минина и Пожарский медлили: они поджидали ратных людей из Казани. Но дни проходили, а помощь из Казани не шла. Тогда (в первой половине марта, по старому стилю) еще по зимнему пути были двинуты из Нижнего и основные силы народного ополчения.

Народное ополчение шло по правой, северной стороне реки Волги. Первую остановку оно сделало в Балахне. Жителей города, преисполненные чувством глубокого патриотизма, встретили ополчение с восторгом и почетом. В него влилось много балахнинцев, в том числе дворян и детей боярских, принимавших участие еще в первом земском ополчении.

Из Балахны ополченцы пришли в Юрьевец. Как и в Балахне, и здесь отнеслись к ним с большим сочувствием, «прिया с радостью и даша многую казну на подмогу»². Особо надо отметить, что в Юрьевце к ополчению примкнуло значительное количество татар, проживавших в данном районе еще со времени царствования Ивана Грозного. Татарам, принятым в ополчение, как и всяким другим ратным людям, было выдано жалованье.

Следующий большой привал был в Решме, где от посланцев владимирского воеводы Измайлова — друга Пожарского — была получена тревожная весть: в Пскове появился новый самозванец — беглый московский дьяк Сядорка, называвший себя Дмитрием, якобы спасшимся от смерти в Калуге. Ему многие поверяли, а Трубецкой и Заруцкий с казаками присягнули на верность. Эта весть лишним раз подтвердила, насколько разумным было решение Минина и Пожарского идти на Москву через Ярославль, чтобы сделать его главным пунктом по собирающую всех сил страны для борьбы с интервентами.

В Решме народное ополчение также пополнилось добровольцами. Решма еще в 1609 г. отличилась своим активным уча-

стием в сражениях против польских отрядов Лисовского. Из решемцев тогда особенно прославился крестьянин Григорий Лапша.

Следующим этапом движения ополченцев на Москву была Кинешма. Здесь они получили «роздых». Подняв флаг, они расположились на Торговой площади — той самой, где тремя годами раньше происходила последняя героическая схватка кинешемцев с чужеземцами.

Приняв с радостью ополчение, население Кинешмы оказало ему помощь и «казной в подмогу» и людьми. Сохранилось народное предание о крестьянине близлежащей деревни по прозвищу «Ремень», сподвижнике Минина, помогавшем ему в сборе и хранении ополченской казны. В честь своего славного предка деревня получала якобы свое название — Ременново³, — сохранившееся до наших дней.

Когда ополчение прибыло в Плес, к Пожарскому явились из Костромы люди и доложили, что их воевода Иван Петрович Шереметев отказывается впустить в город войска Пожарского. Шереметев был одним из сторонников московских бояр-изменников, которые придерживались политики: лучше служить польскому королевичу Владиславу, чем быть побитыми своими холопами. Однако население Костромы, как и население других поволжских городов, испытывавшее на себе все ужасы грабежа и насилия разбойничьих шайк интервентов, не пошло за изменником. Когда ополчение приблизилось к самой Костроме и остановилось в ближнем посаде, в городе поднялось восстание. Восставшие сняли воеводство с Шереметева, и нижегородская рать беспрепятственно вступила в город. Возмущенные горожане против изменника было так велико, что Шереметева едва не растерзали. Только вмешательство самого Пожарского предотвратило расправу. Пожарский, посоветовавшись с Мининым, дал костромичам нового воеводу.

Росла народная молва о Нижегородском ополчении как об освободительной армии. По пути ее следования к ней присоединялись новые и новые ратные люди. К ней обращались и за военной подмогой. Так, во время стоянки Пожарского в Костроме к нему явились представители города Суздаля с ходатайством оказать военную помощь, так как около их города кружат грабительские шайки казаков Просовецкого. Пожарский выделил отряд нижегородских и балахнинских стрельцов под командованием своего родственника Романа Петровича Лопаты-Пожарского. Шайки казаков Просовецкого, находясь среди враждебно настроенного к ним населения и не надеясь на силы свои, даже не приняв боя с Лопатой-Пожарским, а бросившись бежать в направлении к Москве. Суздаль, этот старинный русский город, без помехи был занят отрядом Нижегородского ополчения.

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIV. Ч. 1-я, стр. 118. 1910.

² Там же.

³ Троицкий П. «Костромской край» (юбилейный сборник 1613—1913 гг.), стр. 117—118. Кострома. 1913.

Из Костромы основные силы Минина и Пожарского, перейдя на левую, луговую сторону реки Волги, двинулись к Ярославлю. Находясь далеко от города, они были торжественно встречены хлебом-солью многочисленной делегацией от жителей Ярославля и других северных городов. Минину и Пожарскому, как вождям ополчения, были преподнесены богатые дары, однако бескорыстные организаторы и руководители ополчения отказались их принять.

II

Народное ополчение прибыло в Ярославль в начале апреля 1612 года. Расположилось оно в городе, на посадах и в подгородных слободах. В связи с прибытием новых пополнений были устроены особые станы: один — близ Волги, у Петропавловской слободы (это место и теперь еще нередко называют таборами), а другой — за Которостью, близ Толчковой слободы, на скате Крестовской горы¹, откуда открывался прекрасный вид на весь Ярославль.

Ополченцы пробыли здесь почти четыре месяца. За это время город стал центром собрания сил и средств со всей земли русской, потребных для предстоящей борьбы. Являясь ключом ко всему Северу, Ярославль более чем какой-либо другой из замосковских городов отвечал этому назначению. Здесь скрещивались важнейшие пути, соединявшие восток в запад, север и юг Русского государства. Отсюда расходилось множество проторенных и налаженных дорог на Вологду, на Белозеро, в Новгородский край, не говоря уже о дороге в Нижний Новгород и о таком важнейшем пути, как дорога на Москву.

Ярославль в ту пору был широко известен своим богатством, бойкой торговлей и промыслами. Он вел торговые дела с Поволжьем и с иностранцами. В уезде было развито ткацкое дело, а на Волге — рыбные промыслы². Точных сведений о количестве населения Ярославля того времени нет. По переписи же 1678 г., значилось в Ярославле 2236 дворов, а в Москве — 4845³. Можно поэтому с полным основанием утверждать, что в начале XVII в. Ярославль был одним из крупнейших русских городов после Москвы, и роль его на исторической арене была весьма заметной. Ярославцы проявили себя как истые патриоты своей родины в борьбе против чужеземных захватчиков. Правда, в 1608 г., когда многочисленные шайки поляков и русских изменников из лагеря «тушинского вора» проникли далеко на север, Ярославль вынужден был признать власть второго са-

мозванца, но это признание было кратковременным. Отряды Скопина-Шуйского и вологжан разбили тушинцев, и власть самозванца в Ярославле была ликвидирована. Многократные попытки пана Лисовского захватить город не увенчались успехом. Все атаки поляков неизменно разбивались о мужество и стойкость ярославцев.

Ярославцы недолго признавали и «власть» польского королевича Владислава. Уже в феврале 1611 г. они поставили в известность Вологду, что за притеснение поборами «мы панам в кормех отказали, что нам кормов давать невозможно, а се мы крест целовали на том, что было панам из Москве и во всех городах Московского государства не быти»⁴.

Когда началось движение первого земского ополчения, Ярославль откликнулся немедленно, снарядил военный отряд, который вместе с отрядами других городов Севера в марте 1611 г. участвовал в походе на Москву.

Московские бояре старались отговорить ярославцев от соединения с народным ополчением, возглавляемым Мининым и Пожарским. Они прислали им грамоту (январь 1612 г.), призывая к верности польскому королевичу Владиславу, но ничего не добились. И наконец, как только ярославцы услышали, что их город хотят занять казаки Прозовецкого, они сразу же призвали на помощь Минина и Пожарского, и те поспешили эту помощь оказать. Прибыв в Ярославль, они первым делом принялись за организацию государственной власти, которая тогда отсутствовала в стране. Страна была политически разобщена. На северо-западе Новгород Великий с его областью представлял особое «Новгородское государство», находившееся в зависимом положении от шведов; Псков и его пригороды, связанные с подмосковным правительством единым «государем» — самозванцем Сидоркой, — а затем предоставленные самим себе, вели тяжелую борьбу с «немцами» и с польскими отрядами; земли на западе были оккупированы польским королем Сигизмундом; города югозапада и большинство городов юга признавали подмосковную власть Трубецкого и Заруцкого. Последний, вступив в тайный брак с Мариной Мишицк, возмечтал посадить на московский престол «маринкина сына» — «воренка» Ивана.

Минин и Пожарский поставили перед собой задачу — прежде всего объединить города обширнейшей северо-восточной части Московского государства. Для этой цели они решили созвать общий Земский совет, выбрать на нем государя, «кого бог даст», чтобы вместе с ним стать «против общих врагов, Польских и Литовских и Немецких людей и Русских воров, которые новую кровь в государстве вселяют»⁵. Приглашения на съезд в виде особых грамот были посланы северным городам от имени Пожарского и «общего совета» ополчения.

⁴ Там же, стр. 373.

⁵ «Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии». Сборник (документов). Т. XI, стр. 166. 1913.

¹ Ярославский литературный сборник за 1851 г., стр. 46. Статья С. Серебрякова «Князь Дм. Мих. Пожарский и нижегородский гражданин К. М. Сухорукий в Ярославле в 1612 году».

² Платонов С. «Очерки по истории смуты в Московском государстве в XVI—XVIII вв.», стр. 23. 1937.

³ Там же, стр. 22.

состоявшего из 50 человек. В грамоте писалось: «И по всемирному своему совету пожаловати б вам прислати к нам, в Ярославль, изо всяких чинов людей человека по два»¹.

Позднее (в июне) подобного рода приглашение было сделано и южным городам, но поставили им условие — не служить ни вору, ни Марине, ни ее сыну; в противном случае, предупреждалось в грамоте, «с нами и со всею землею не соединитесь, и общим советом на Московское Государство Государя не учнете с нами выбирать, и нам, господа, с сердечными слезами, с вами растався»².

Хотя вопрос о выборе царя и не был решен, однако верховная государственная власть в Ярославле в лице «Совета всея земли» так или иначе была организована. В «Совет» вошли ростовский митрополит Кирилл, бояре, не запятнавшие себя службой самозванцу, или, по крайней мере, окончательно порвавшие с врагами родины. Великое было представительство от служилых людей, но, пожалуй, наибольшее количество мест в «Совете» получили земские люди (посадские и «всякие» жмлецкие люди)³.

Земство на севере, по сравнению с югом, отличалось большей однородностью и располагало довольно крепкими «земскими мирами». А вожди ополчения еще в Нижнем зарекомендовали себя проводниками земской демократической политики.

На брошенный Мининым и Пожарским клич о необходимости борьбы с иноземными разорителями поднялись почти все северные города. Прежде всего прибыли в Ярославль отряды мурзы Кутумова из Романова, П. Мансурова — из Вологды. Еще в апреле пришел сибирский царевич Араслан «с сибирскою многою ратью с татарами и с казаками и стрельцы». В конце апреля прибыли отряды из западных замосковских городов: Твери, Кашина, Углича, Торжка, Старицы, из разоренных Ржева, Волоколамска, Зубцова, Можайска. Приняли дворяне и дети боярские из более дальнего и более разоренного города — Белого⁴. Приходили отряды и из поморских городов, состоящие главным образом из людей даточных. (Известно, например, что было велено собирать с монастырских вотчин по 44 человека с сохи.)

На содержание всей этой военной силы требовались громадные средства. Хотя все время и шла пополнение казны, однако огромные военные расходы привели к тому, что казна оказалась пустой. Невыдача жалованья ратным людям могла ослабить великое движение. Поэтому в разосланных городам приглашениях прислать выборных на «Совет всея земли» одновременно указывалось и на необходимость сбора

и скорейшей присылки денег. «А которые, господа, денги были в Нижнем в сборе всяких доходов,— читаем мы в приглашении к вычегодцам,— и те денги розданы дворянам и детям боярским и всяким ратным людям; и ныне, господа, изо всех городов приезжают к нам стольники, и стряпчие, и дворяне и дети боярские, и всяких чинов люди, а быют челом всей земле о денежном жалованье, а дати им нечего»⁵.

В этой же грамоте нескотскими строками ниже говорилось: «Да поревноват бы, господа, пожаловати вам гостем и посадским людям, чтоб вам промеж себя обложить, что кому с себя дать на подмогу ратным людям; тем бы вам ко всей земле совершенную правду и правенне показати и, собрав с себя, те денги прислати к нам в Ярославль тотчас».

Денег, поступавших из разных городов, однако, не хватало. Ярославское правительство вынуждено было прибегать к принудительным займам. Таким путем была получена значительная сумма денег от Соловецкого монастыря, славившегося большим богатством.

Продовольствия для армии в Ярославле было заготовлено достаточно, и ратным людям не приходилось собирать для себя «корм» по крестьянским избам. Были заготовлены «зелье» (порох) и прочие боевые припасы, было собрано для войска много лошадей и корма для них. Запаслись материалами для одежды. Благодаря всем этим заботам народная рать оказалась обеспеченной всем необходимым. Недаром, когда ополченцы явились под Москву, казаки Трубецкого «яко пси лаюшии» говорили про них: «Богати пришли из Ярославля и сами едины могут отбитая от гетмана»⁶.

Организаторам и руководителям народного ополчения приходилось весьма много заниматься и устройством рати, которое не всегда, нужно сказать, проходило гладко. Так, прибывший из Казани в Ярославль с ратными людьми Иван Биркин, еще в Нижнем подкапывавшийся под Минина,— человек, жаждавший обогащения и радовавшийся хозяйничанью интервентов в стране,— затеял целую «смуту» среди ополченцев, едва не дошедшую до междоусобной войны. Чтобы внести успокоение, потребовалось удалить Биркина с казаками из ополчения. От казанцев остались лишь голова татарский Лукьян Мясной, с ним 20 князей и мурз, 30 дворян, 100 стрельцов, которые честно несли службу и в дальнейшем вместе со всем ополчением храбро дрались с интервентами⁷.

Минин и Пожарский не спешили с выступлением ополчения на Москву. Это дало повод, но не основание монахам Троицкого монастыря — келарю Авраамью Палицыну и другим — упрекать Пожарского в медлительности и даже в трусости. Монахи Троицкого монастыря озабочены на борь-

¹ «Действие Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии». Т. XI, стр. 166. 1913.

² Там же, стр. 185.

³ Любомиров П. «Очерки истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг.», стр. 114—115. 1939.

⁴ Там же, стр. 115.

⁵ «Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии». Т. XI, стр. 166.

⁶ «Новый летописец» по списку кн. Оболенского, стр. 155. 1855.

⁷ Там же, стр. 159.

бу с интервентами со своей колокольни: им хотелось избежать вторичной осады монастыря. Пожарский же—этот осторожный, искусный, храбрый полководец—к вопросу борьбы с интервентами подходил шире, с точки зрения интересов всей страны. Отдавая себе полностью отчет в том, что провал второго ополчения грозил бы самыми тяжелыми последствиями, вплоть до гибели Русского государства, он свое пребывание в Ярославле использовал для подготовки условий беспрепятственного движения на Москву.

Задержка народного ополчения в Ярославле не ухудшала положения, а, наоборот, укрепляла силы Пожарского, в то время как борьба казаков с поляками под Москвой, принявшая затяжной характер, взаимно ослабляла силы противников. Осажденные в Москве поляки начали испытывать большой голод. Их шайки, рыскавшие к северу от Москвы, в местности, уже достаточно разоренной, с трудом добывали себе продовольствие. Крестьяне—так называемые «шиши», объединенные в отряды,—нападали на поляков, отнимали у них продовольствие, а их самих уничтожали.

При таком положении дел Пожарскому не потребовалось больших усилий, чтобы очистить северные города от грабительских казачьих и польских отрядов. По совету «со всею ратью и со властями и с посадскими людьми», было решено ликвидировать вражеские силы, зашедшие в тыл и с правого фланга. Отряд ополченцев под командованием Д. П. Лопаты-Пожарского разбил в Пошехонье казачий отряд Василия Толстого, выступивший из-под Москвы. Другой сильный отряд ополченцев, под начальством Дмитрия Черкасского, отгнал к рубежу черкесов (украинских казаков), занявших было территорию к северу от Бежецка. Затем отряд Черкасского вступил в Кашин и, соединившись с отрядом Лопаты-Пожарского, выбил казаков из Углича. Третий отряд ополченцев, во главе с Иваном Федоровым Наумовым, направился в Перяславль-Залесский (по приглашению последнего), разбил там казаков-притеснителей и занял город.

В освобожденные Пожарским города назначались воеводы, верные делу народного ополчения. Такие воеводы были посланы в Устюжню, Углич, Владимир, Кашин, Тверь, Касимов. В круг деятельности воевод входило охранять города и организовывать новые военные силы, а также восстанавливать местное самоуправление¹.

Задержка народного ополчения в Ярославле вызывалась не только необходимостью организации государственного управления и устройства рати, но еще и тем, что с северозапада наступали шведы, которые из союзников при Василии Шуйском превратились во врагов России, в агресоров. Установив протекторат над Новгородом Великим, шведы продолжали наступать, достигнув Тихвина. В связи с этим ярославскому правительству пришлось проявить большую заботу об укреплении тыла. Была предпринята постройка «горо-

да» на Белоозере, введена охрана Устюжни Железнопольской, усилен гарнизон Каргополя.

Минин и Пожарский прекрасно понимали, что ополчению не под силу одновременно вести борьбу и с поляками и со шведами. «Советом» было решено: через Новгород Великий начать переговоры со шведским воеводой Яковом Делагарди на счет того, что «Совет» непрочь принять на русский престол шведского королевича Карла-Филиппа. Эти переговоры были дипломатическим ходом: они были затеяны для того, чтобы, когда ополчение займется вплотную очищением Москвы от интервентов, «в то время Немцы не пошли войной в Поморские города»². И действительно, эти переговоры Пожарского парализовали на время наступление шведов на севере и дали ополчению некоторую передышку.

Пожарский вел дипломатические переговоры и с Австрией. Воспользовавшись проездом через Ярославль австрийского посла, возвращавшегося из Персии домой, он послал через него австрийскому императору грамоту, в которой высказывалась готовность русских взять в царя кого-либо из императорского дома. Это дипломатическое заигрывание с Австрией преследовало одну цель—поставить Россию в международном отношении в наиболее выгодные условия.

Вся эта колоссальная работа, проведенная Мининым и Пожарским в Ярославле, высоко подняла авторитет организаторов и руководителей народного ополчения. Волна национального подъема перекинулась и на стоявшее под Москвой казачество. В грамоте Пожарского, посланной южным городам, говорилось, что «из полков из-под Москвы приехали к нам в Ярославль воеводы и дворяне и дети боярские, да атаманы и козаки: Андрей Болдырь, Василий Хромый, Сергей Лольский, Бесчастный Фролов, Добрыня Степанов, Иван Анисимов, Иван Микулин, Яков Макаров, Матвей Белогородец, Федор Неклюдов, Макар Смольянинов, Евстафий Петров, Максим Чекушкин, Нагиба Жегулин, Федор Березкин, Богдан Попов, Михайло Микулин и иные атаманы и козаки, ко общему всея земли совету»³.

Недовольство казачества Заруцким нарастало. В конце июня часть казачества послала к Пожарскому уполномоченных в лице Ивана Кондырева и Ивана Бегичева с просьбой о немедленном выступлении ополчения на Москву, дабы «им и досталь от казаков не погибнути». Обласканные и обнадёженные ходками, возвратившись в Москву, рассказывали там о великом устроении нижегородской рати. Это еще более усилило разложение казачьих войск. Многие из казаков перешли на сторону Михаила Дмитриева, командовавшего передовым отрядом Пожарского, уже прибывшим под Москву.

Основываясь на июньской грамоте, в которой перечислялось до 17 казачьих ата-

² «Новый летописец», стр. 148.

³ «Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии». Т. XI, стр. 184.

мазов, и по некоторым другим документам можно предположить, что количество казаков, присоединившихся к ополчению, к моменту его выступления из Ярославля было около трех тысяч. О численности Нижегородского ополчения можно предположить, говорит Любомиров, что оно к моменту выступления из Ярославля насчитывало около 10 тыс. человек, без казаков и даточных людей¹.

Для установления точного количества даточных людей нет никаких документальных данных. Одно несомненно: крестьяне, посадские люди, холопы составляли в ополчении основную массу, придавая ему подлинно народный характер. Когда ополчение оказалось под Москвой, Пожарский предложил польскому гарнизону сдаться, на что был получен ответ: «Лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей. Пусть холоп попрежнему возделывает землю, поп пусть знает церковь, Кузьмы пусть занимаются торговлей»².

Опасаясь растущей силы ополчения, предатель Заруцкий подослал в Ярославль нескольких казаков с заданием убить Пожарского. Однако покушение не удалось. Преступники — казаки Стенька и Обрезка — и их сообщники были схвачены и посажены в тюрьму. Несколько их сообщников Пожарский взял с собою под Москву для обличения Заруцкого. Однако к этому времени Заруцкий уже был разоблачен в самом лагере как изменник и предатель родины. Было установлено, что он имел связь с польским воеводой Ходкевичем, спешившим с войском к Москве, на помощь осажденным полякам. Измена Заруцкого вызвала среди казачества бурю негодования; опасаясь возмездия, приспешники польских панов бежали.

24 июля подошел к Москве передовой отряд народного ополчения под начальством М. С. Дмитриева и Федора Левашева. Вслед за ним 2 августа прибыл второй отряд в 700 всадников под начальством Д. П. Лопаты-Пожарского.

¹ Любомиров П. Указ. соч., стр. 117.

² «Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии». Т. XI, стр. 499.

³ Там же, стр. 222—223.

Основные силы народного ополчения двинулись из Ярославля к столице 27 июля, когда уже все было готово для выступления и надо было торопиться, чтобы помешать соединению войска Ходкевича с осажденными поляками.

Когда народная освободительная рать прибыла в Ростов-Ярославский, к Пожарскому обратились приехавшие от Трубецкого Кручина Волков и его товарищи с официальным поручением — ускорить движение войск к Москве. Это говорили, во всяком случае, о том, что ополчение под Москвой не встретит сопротивления со стороны казачества.

Из Ростова Минин и Пожарский привели рать в Переяславль-Залесский. Не доходя до Переяславля, они получили весть, причинившую им немало хлопот. Двинские воеводы предупреждали, что к Пожарскому направлены «Шкотские земли немчин Яков Шав» с товарищи, которые от имени трех иноземных воевод, с отрядом до 90 человек хотят поговорить о каком-то «добром совете». Выяснилось, что они приехали предложить ополчению услуги сборного отряда западноевропейских любителей авантюрных подвигов и приключений. Когда руководители ополчения узнали, что в этом отряде «объявился» и француз Ак. Маржерет — известный агент польского короля Сигизмунда, — иностранцам в службе было отказано. В ответной грамоте Шаву, написанной уже в Троицком монастыре (куда 14 августа прибыло ополчение), указывалось, что «важные нам люди иных Государств ныне не надобеть», что «оборонимся от Польских и от Литовских людей и сами... и вам бы к нам не ходити и себе своим проходом убытков не чинити»³.

В Троицком монастыре, находящемся в 70 км от Москвы, сделали на несколько дней остановку, за исключением одного отряда под начальством Туренина, которому приказано было следовать на Москву и там встать у Чертольских ворот (ныне именуемых Кропоткинскими). Наконец, тронулись из Троицкого монастыря и главные силы Нижегородского ополчения. 20 августа, переночевав на Яузе (в 5 км от столицы), они подошли к самой столице и раскинулись станом у Арбатских ворот.

СОЗДАНИЕ КОНСТИТУЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Н. Дмитриевский

Война за независимость североамериканских колоний Англии и создание конституции Соединенных Штатов Америки, действующей с некоторыми изменениями и в настоящее время, являются одними из наиболее важных узловых моментов истории этой страны.

Ленин дал оценку указанной выше войне как одной из первых и наиболее великих

в истории человечества действительно освободительных, действительно революционных войн¹. Такого рода оценку мы встречаем в его произведениях неоднократно².

¹ См. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 287.

² См. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 182; т. XXII, стр. 274 и др.

К середине XVIII в. начал ясно обрисовываться конфликт между Англией и ее колониями в Северной Америке. Колонии отделялись от Англии океаном шириной в 5 тыс. километров. Уже одно это обстоятельство ставило колонистов в положение значительно большей свободы, чем в самой Англии. Суровые условия новой страны закаляли характер колонистов. Экономика колониального периода характеризовалась преобладанием сельского хозяйства¹. Перед войной за независимость в городах жило приблизительно 3% всего населения. Сельское хозяйство в северных и центральных колониях велось, за исключением некоторых местностей (например долины р. Гудзон), на небольших участках земли. На юге определяла экономический уклад система крупных поместий, однако и там в численном отношении преобладало мелкое фермерство². На юге обработка земли производилась главным образом при помощи труда негров-невольников. В центральных и в особенности в северных колониях труд невольников применялся сравнительно мало.

Промышленность развивалась по преимуществу в северных колониях — в Новой Англии — и отчасти в центральных колониях. Главными отраслями являлись судостроение, заготовка лесных материалов, рыбная ловля. Постепенно в колониях стали возникать мануфактуры: текстильная, стекольная, оружейная, по производству поваренной соли, литейная, прокатная и др. Законодательными собраниями колоний принимались ряд мер по введению машин.

Многие фермы представляли собою самодовлеющие экономические единицы, причем фермер был в своем хозяйстве плотником, кузнецом, кожевником и т. п., а его жена прала, ткала, варила мыло и делала свечи. В конечном результате, как утверждал Франклин, колонисты могли сами производить все необходимое, не прибегая к помощи Англии³. Что касается торговли, то последняя была развита во всех колониях. На севере главными предметами экспорта были: лес, меха, зерновые хлеба, рыба и т. д. Кушцы Новой Англии занимались торговлей неграми-невольниками, но более всего — контрабандой: «Девять десятых кушцов Новой Англии были контрабандисты»⁴.

Рост промышленности и торговли, развивавшихся довольно быстро, а также рост капиталистического землевладения способствовали развитию в колониях класса буржуазии. Развитие этого класса было облегчено тем, что хотя в североамериканских колониях и существовали элементы феодализма (наследование по праву перво-

родства в некоторых колониях, заповедные земли и т. п.), но они далеко не достигли того развития, как на континенте Европы⁵. В руках буржуазии сосредоточилось управление колониями. Участие в законодательных собраниях колоний было основано на имущественном цензе, что устраивало от участия в выборах значительную часть населения.

Достижение колониями известной экономической самостоятельности, естественно, приводило к ослаблению уз, связывавших их с метрополией. В то же время среди английских колоний создавалась такая общность интересов, что уже в половине XVIII в. была предпринята попытка (правда, не удавшаяся) объединения колоний. В колониях развивалось стремление к независимости. Дальнейшее развитие капитализма в колониях наталкивалось на препятствия, которые создавала английская система управления колониями.

Английское правительство руководствовалось политикой меркантилизма. Оно рассматривало колонии как места, откуда метрополия должна получать сырье, и как рынок для сбыта своих изделий. В силу навигационных актов (1660, 1663, 1672, 1696 гг.) колониям воспрещалось вывозить ряд своих продуктов куда-либо, кроме Англии. Продукты, необходимые для колоний, последние обязаны были получать из Англии или при ее посредстве. Как ввоз, так и вывоз должны были производиться на английских (или построенных в колониях) кораблях. Английское правительство принимало меры к тому, чтобы в колониях не развивалась собственная промышленность, конкурирующая с промышленностью Англии. Оно запрещало колониям выпуск бумажных денег, несмотря на то что в колониях существовал недостаток звонкой монеты и это препятствовало развитию торговли. Такая политика со стороны Англии задерживала рост производительных сил колоний. Колониальные торговцы шли на всяческие ухищрения, чтобы обходить навигационные акты.

В течение первой половины XVIII столетия Англия следовала политике своего премьер-министра Роберта Уолпола — «quieta non movete» («не трогайте того, что спокойно») — и сравнительно мало вмешивалась во внутреннюю жизнь колоний. Такое воздержание английского правительства от вмешательства во внутренние дела колоний породило у колонистов убеждение, что самоуправление, гарантированное им хартиями, дарованными английской короной, являлось составной частью известного правопорядка, который не мог быть нарушен англичанами. Колонисты не только считали, что их естественные права так же, как и самих англичан, были гарантированы британской конституцией и что король и парламент были ограничены принципами этой конституции, но некоторые из них созрели до взгляда, что обязанностью суда является отклонение актов парламента, если они

¹ Фолькнер «История народного хозяйства США», стр. 48. Русский перевод. М.-Л. 1932.

² Фолькнер. Цит. соч., стр. 48.

³ Там же, стр. 71; см. также Саймонс «Социальные силы в американской истории», стр. 40. Русский перевод. М. 1925.

⁴ Саймонс. Цит. соч., стр. 43.

⁵ См. Ефимов А. «К истории капитализма в США», стр. 27—29. М. 1934.

противоречат конституции. Эта идея могла быть навеяна практикой тайного совета в отношении колониального законодательства, однако имеется основание предполагать, что она опиралась на английские прецеденты¹. Соответственно этому колонисты, в частности, находили, что обложение их не может иметь места без согласия на то их представителей.

Некоторые американские политические деятели (Джон Адамс, Вильсон, Джефферсон, Мадисон) выдвигали в качестве формы взаимоотношений между Великобританией и ее североамериканскими колониями признание колоний равноправными членами, совместно с Великобританией, одной империи, объединяемой единой исполнительной властью в лице английского короля, но без объединения в области законодательства: каждая колония имеет свое законодательное собрание, пользующееся такими же правами, как английский парламент². Эта концепция рассматривала колонии как независимые государства, объединяемые с Великобританией только в лице короля. Другие были склонны рассматривать Британскую империю как федерацию с парламентом во главе, составленным из представителей от всех частей империи и господствующими над всеми подчиненными ему законодательными собраниями отдельных частей империи. Такой взгляд мы находим, например, у Отиса³.

До поры до времени буржуазия колоний мирилась с описанной выше политикой Англии, особенно ввиду опасности, грозившей ей со стороны французских колоний в Северной Америке. Война 1754—1763 гг. положила конец этой опасности и развязала руки колонистам. Наоборот, английское правительство по окончании Семилетней войны стремилось связать отдельные части своей империи более крепкими узами, а главное — привлечь колонистов к участию в несении расходов на оборону и управление колониями. С этой целью английское правительство издало ряд законодательных актов, подчеркивавших единство империи и подчиненность английских колоний в Северной Америке власти парламента (акт о верховенстве 1766 г. и вводящих налоги в этих колониях (сахарный акт 1764 г., акт о гербовом сборе 1765 г., акт Тоннсенда об обложении 1767 г. и др.). Помимо этого английское правительство стало принимать меры к более строгому применению ранее изданных законов, регламентировавших торговлю колоний, и усиливало борьбу с контрабандой, распространенной в колониях, особенно в Новой Англии. Наконец, английское правительство закрыло для колонистов доступ в земли, расположенные к западу от колоний и уступленные по мирному договору 1763 г. французским пра-

вительством Англии. Это распоряжение было сделано в интересах английских компаний, торговавших мехами, и связанных с ними местных колониальных торговцев, а также для сохранения строевого леса, необходимого для английского флота.

Мероприятия английского правительства, особенно воспрещение выпуска колониями бумажных денег и недопущение переселения в западные земли, нарушали интересы не только буржуазии американских колоний Англии, но и широких масс населения. Поэтому буржуазия, вступая в конфликт с Англией, могла пользоваться поддержкой этих масс. Руководящая роль осталась за буржуазией. Буржуазия не была единой. Буржуазия отдельных колоний относилась неодинаково к политике английского правительства: если купцы Новой Англии выступали в роли застрельщиков оппозиции, купцы центральных колоний принимали сторону Англии. В процессе развития конфликта спор завязался главным образом по вопросу о праве английского парламента облагать налогами колонистов. Взгляд колонистов (заимствованный у Локка) в конечном счете выразился в формуле «нет обложения без представительства». Вместе с тем колонисты не высказывали никакого желания посылать своих представителей в парламент.

Конфликт Англии с ее североамериканскими колониями принял сатяжной характер. Колонисты пытались объединиться для организованной оппозиции мероприятиям английского правительства (создание «комитетов сношений»). Репрессии, предпринятые английским правительством в отношении колоний, привели к обострению конфликта и перерастанию его в вооруженное столкновение. После неудачных попыток достигнуть соглашения с английской короной (петиция «копичковой ветви» 8 июля 1775 г.) колонии, уже фактически вступившие в военные действия с англичанами, провозгласили отделение от Англии (декларация независимости от 4 июля 1776 г.).

Политическая борьба происходила главным образом между двумя партиями, выражавшими интересы различных общественных группировок в Англии и Америке⁴: между консерваторами, или торями, и либералами, или вигами. В своей оппозиции политике парламента американские виги получали поддержку со стороны партии виггов в Англии. Английская оппозиция смотрела на дело колонистов как на свое собственное. Английские тории были противниками уступок колонистам. С другой стороны, значительная часть консерваторов была на стороне Англии. Они получали название

⁴ См., например, Jameson «The American Revolution, considered as a social movement», p. 17—20, 23. Princeton, 1926; Winsor «Narrative and critical history of American people». Vol. VI, p. 1—2; Woodburn «Political parties and party problems in the United States», p. 9. New York—London, 1924. Hamilton характеризует войну за независимость как «американскую фазу английской гражданской войны» («The War Myth», p. 24).

¹ Hockett «The constitutional history of the United States 1776—1826», p. 68. New York, 1939.

² Adams «Political Ideas of the American Revolution», p. 42 seq. New York, 1939.

³ Adams, Op. cit., p. 30 seq.

тори (или лойялистов). В их состав вошли главным образом чиновничество, торговцы центральных колоний, интересы которых были связаны с британской торговлей, крупные землевладельцы севера и центра колоний, верхушка виргинской земельной аристократии, часть зажиточных фермеров, большая часть англиканского духовенства (за исключением юга).

Тори были многочисленны во всех колониях, а в некоторых даже составляли большинство. Джон Адамс, склонный скорее недооценивать, чем переоценивать численность тори, полагает, что их количество составляло одну треть населения колоний. Часть тори добровольно сражалась в рядах британской армии, боровшейся с восставшими колонистами. Число этих добровольцев достигало 25 тысяч.

Сторону вигов приняли большинство купцов всех колоний, мелкие и бедные фермеры, рабочие, ремесленники и мелкая буржуазия городов, основная часть плантаторов южных колоний. Главную силу восставших составляли мелкие фермеры и торговцы, а также жители пограничных районов¹.

После Семилетней войны, в которой к восставшим колониям пришли на помощь Франция и Испания, колонии добились признания со стороны Англии своей независимости (Парижский мирный договор от 3 сентября 1763 г.).

В политической программе американских колонистов, выдвинутой во время их борьбы с Англией, получили свое дальнейшее развитие основные принципы, провозглашенные во время первой английской революции (1640—1660). Сюда относится прежде всего учение о первоначальных и неотчуждаемых правах человека. Зародыши этого учения коренятся в идеях броунистов (конец XVI в.), усвоенных затем индпендентами².

Сначала таким правом признавалась свобода совести, но индпенденты не могли ограничиться одной областью религии и последовательно распространили свое понимание свободы совести и на область политики: они стали рассматривать каждый политический союз как основанный на договоре его изначально суверенных членов. На почве этих религиозных учений и сложилось представление о первоначальных правах человека, которые государственная власть обязана защищать (с этой целью она и установлена). В эпоху первой английской революции указанные представления были воплощены в «народном соглашении» 28 октября 1647 года.

Параллельно этому движению шло другое, исходным пунктом для которого являлось естественное право. Это направление воплотилось в трудах Локка (Трактат о правительстве, 1689 г.) и Влекстона (Анализ английских законов, 1754 г.).

В течение XVIII в. оба изложенные выше направления порождают в Америке представления о ряде первоначальных и неотчуждаемых прав человека; права эти как условия вступления человека в государство (источником образования которого мыслился договор) считались для государства непосредственными. Освобождаясь от подчинения Англии, колонисты рассматривали свою борьбу не как восстание, а лишь как защиту своих прав.

Наряду с описанными представлениями и из тех же источников проникает в среду колонистов идея о народном суверенитете. Эти основные принципы — учение о первоначальных и неотчуждаемых правах человека и народный суверенитет, а также принцип равенства — нашли свое выражение в «декларации независимости» (4 июля 1776 г.): «Мы считаем очевидными следующие истины, что все люди сотворены равными, что все они наделены своим творцом некоторыми неотчуждаемыми правами, что к числу их относятся: жизнь, свобода и стремление к счастью, что для обеспечения этих прав учреждены между людьми правительства, выводящие законность своих полномочий из согласия управляемых, что если данная форма правления становится губительной для этой цели, то народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новый образ правления, положить в его основу такие принципы и придать ему такую форму организации власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут обеспечить достижение им безопасности и счастья».

В 1776 г. колонии, объявившие себя независимыми, преобразуются в штаты и постепенно создают конституции, которым предпосланы «декларации прав», содержащие изложение основных прав жителей этих штатов. Декларации базируются на началах народного суверенитета, в основе которого лежит представление о том, что конституция обязана своим происхождением соглашению всех граждан, т. е. общественному договору.

В декларациях подтверждаются первоначальные неотчуждаемые права граждан, вступивших в соглашение с целью образовать государство для защиты этих прав. Таковы: неприкосновенность личности, неприкосновенность собственности, свобода совести, свобода печати, свобода собраний и др. В декларациях содержатся принципы разделения властей, срочности занятия государственных должностей и ответственности лиц, их занимающих. Устанавливаются и некоторые ограничения законодательной власти, как например запрещение признавать за той или иной церковью положение господствующей. Во всех штатах конституции начинаются «декларацией прав».

Авторы конституций положили в их основу существовавшее колониальное устройство, ограничившись внесением наиболее необходимых изменений, проистекавших из перемены отношений к Англии.

Законодательная власть была предоставлена во всех штатах, кроме Пенсильвании, двум палатам — сенату и палате представителей (в Пенсильвании была учреждена

¹ Hockett. Op. cit., p. 121; Jameson. Op. cit., p. 25.

² См. Еллинек «Декларация прав человека и гражданина», стр. 45. М. 1905. Его же «Право современного государства», стр. 299 сл. СПб. 1908.

дальше одна палата). Различие между верхней палатой и палатой представителей сводилось главным образом к тому, что верхняя палата (сенат) состояла из меньшего числа членов, чем палата представителей, а члены ее выбирались на более долгий срок, чем члены палаты представителей. В некоторых штатах для сенаторов был установлен более высокий ценз, чем для членов палаты представителей. Всеобщее избирательное право, правда, не было введено нигде, но в ряде штатов избирательное право фактически приближалось ко всеобщему. В большинстве штатов был установлен имущественный ценз для избрания народных представителей, в особенности для пассивного избирательного права. Иногда такой ценз был весьма велик. Исполнительная власть вручалась губернатору. В некоторых штатах губернаторы избирались народом. В других штатах их избирало законодательное собрание. В большинстве штатов губернаторам не предоставлялось право «вето». При губернаторах состоял особый совет, наделенный административными полномочиями. Хотя авторы конституций принимали теорию разделения властей, но в действительности исполнительная власть штатов была подчинена законодательной.

Судебная организация штатов сложилась под влиянием судебной системы Англии. На практике признавались прочно установленным, что все законодательные акты подлежат проверке суда с точки зрения соответствия их содержанию конституции; судьи получили право объявлять не имеющими силы законы в случае противоречия их конституции. Пересмотр конституций, как правило, был обставлен особыми условиями («негибкость» конституций).

Буржуазия, выигравшая войну за независимость благодаря поддержке народных масс, внесла демократические моменты в конституции отдельных штатов по сравнению с устройством колониального периода (в особенности это следует сказать о конституции Пенсильвании): «декларация прав», народный суверенитет и т. п.

★

Ко времени начала войны за независимость у восставших колоний центрального правительства, строго говоря, не было. Первоначально его место занимали негласные «комитеты сношений». Из их среды и возникли континентальные конгрессы: сначала первый (1774 г.), а затем второй (1775 г.), руководивший войной. Однако конгресс не обладал какими-либо определенными правами и по существу представлял собою простое совещательное собрание уполномоченных от штатов. Последние подчинялись ему лишь в такой степени, в какой они считали это необходимым для осуществления общей цели — достижения независимости от Англии.

Первые основы сколько-нибудь прочной организации колоний в одно государственное целое были установлены в принятых вторым континентальным конгрессом (9 июля 1778 г.) «статьях конфедерации». Согласно этим «статьям» колонии соединялись в союз тринадцати штатов под наименованием «Со-

единенные Штаты Америки». Однако связь между членами конфедерации не была в силу «статей конфедерации» в какой-либо мере тесной. Объединены были главным образом те отрасли государственной власти, которые непосредственно соприкасались с борьбой за независимость, поглощавшей в то время все силы штатов. Представляя по внешности одно целое, конфедерация в области внутреннего управления лицепия была всякого влияния. По «статьям конфедерации», США являлись не более как «союзом государств». Союзным органом конфедерации был конгресс, состоявший из уполномоченных от отдельных штатов.

В «статьях конфедерации» прежде всего обращает на себя внимание, что в них не было проведено начало разделения властей законодательной и исполнительной. О федеральных судах вообще не упоминалось. Наиболее важный недостаток «статей конфедерации» состоял в том, что союзное правительство, установленное упомянутыми «статьями», имело дело не с отдельными гражданами, а с правительствами штатов. Последствием этого являлось такое положение вещей, что даже те сравнительно ограниченные права, которые принадлежали конгрессу, были практически неосуществимы, так как конгресс, в сущности, не располагал принудительной властью в отношении правительств штатов.

Союзный орган конфедерации — конгресс — являлся, по выражению американского историка — Вильсона, — «учреждением исключительно совещательного и увещательного характера»¹, представляя собою, по замечанию другого американского историка — Корвина, — не правительство, а скорее «центральное агентство»² союза или «лигу дружбы», как выразился третий историк — Фолькнер³.

Каждое мероприятие, принимавшееся конгрессом, для своей законности должно было получить согласие не менее как девяти из тринадцати штатов (каждому штату принадлежало равное право голоса). Конгресс мог заключать международные договоры, но выполнение их было предоставлено доброй воле штатов; он мог просить у штатов вооруженной силы, но не имел возможности произвести набор; он был вправе заключать займы, но при уплате их он мог лишь полагаться на готовность штатов производить платежи; он мог просить у штатов денег, но не был в силах принудить их дать эти деньги, т. е. не мог прибегать к обложению.

Настроение народных масс, главным образом мелких фермеров, рабочих, ремесленников и жителей пограничных районов, обусловило основной характер попытки объе-

¹ Вильсон «Государство», стр. 409. Русский перевод. М. 1905.

² Corwin «The progress of constitutional theory between the declaration of independence and the meeting of the Philadelphia convention». «The American Historical Review», p. 527. Vol. XXX, № 3. April 1925.

³ Фолькнер. Цит. соч., стр. 125.

линения штатов, известной под именем «статей конфедерации». Население сельских местностей (мелкие фермеры), рабочие, ремесленники и жители пограничных областей считали, что децентрализованная форма устройства союза более обеспечивала их интересы: расширение политических прав, увеличение площади землевладения, выпуск бумажных денег для погашения долгов купцам и финансистам, снижение налогов. Для них была приемлема слабая, а не сильная власть союза. Эти же настроения отражались и в армии. Между тем «статьи конфедерации» создавались в то время, когда война за независимость еще не была закончена и поддержка народных масс была существенно необходима для благополучного окончания войны.

Несмотря на изложенные выше недостатки, «статьи конфедерации» представляли собою все же известного рода высшую ступень в том историческом процессе, в течение которого американские колонии превратились в государство¹. «Статьи конфедерации» поддерживали жизнеспособность идеи союза в период, когда сознание национального единства стояло на самом низком уровне².

Недостаток внутренней связи и отсутствие твердой и авторитетной союзной власти вскоре стали остро ощущаться, особенно в связи с затруднением заключения торговых договоров с иностранными государствами, расстройством финансов и денежного обращения. Положение осложнилось экономической депрессией, настоящей торговой войной и другими конфликтами между отдельными штатами и, наконец, восстанием фермеров и ремесленников в северных штатах.

Для того чтобы уяснить господствующие настроения, мы приведем несколько выдержек из писем общественных деятелей того времени.

27 июня 1786 г. Джон Джей (член конгресса, адвокат) пишет Вашингтону следующее: «Более всего я боюсь того, чтобы лучшие элементы народа, под которыми я разумею людей благонамеренных и трудолюбивых, довольных своим положением и живущих в достатке, вследствие неопределенности собственности, потери доверия к своим правителям и отсутствия доверия к государству и праву не были приведены к убеждению в том, что блага свободы мимолетны и призрачны. Состояние неустойчивости и неопределенности должно внушать отвращение и тревогу этим людям и подготовить их умы едва ли не ко всякой перемене, обещающей им спокойствие и безопасность»³.

1 августа 1786 г. Вашингтон в своем от-

ветном письме Джону Джейу пишет: «Ваше мнение о том, что наши дела быстро идут к кризису, совпадает с моим личным мнением... Повидимому, у нас было слишком хорошее мнение о человеческой природе при создании нашей конфедерации. Опыт нас научил, что люди без принуждения собой не усваивают и не приводят в исполнение мероприятий, наиболее приспособленных для их собственного блага. Я не думаю, чтобы мы могли долго просуществовать в качестве нации, если мы не сосредоточим где-либо власть, которая будет проявлять в пределах союза такую же энергию, какую власти правительства отдельных штатов проявляют по отношению к этим штатам... Существует сильное основание опасаться, и на это Вы обратили внимание, как бы лучшие элементы населения, будучи разочарованы настоящим положением вещей, не почувствовали склонности к какой-либо революции. Мы способны переходить от одной крайности к другой. Предвидеть и предугадать гибельные события является долгом мудрости и патриотизма. Какие изумительные перемены способны произвести несколько лет! Я слышал, что даже люди, достойные уважения, говорят без ужаса о монархической форме правления. Слово происходит от мысли; от мысли до действия часто бывает только один шаг»⁴.

Застрельщиками пересмотра «статей конфедерации» выступили главным образом купцы и промышленники в северных штатах, нуждавшиеся в сильной центральной власти, а также крупные землевладельцы (плантаторы) на юге. К ним присоединились некоторые представители денежного капитала. Фермеры (мелкие), наемные рабочие и должники были противниками пересмотра⁵.

«В течение очень продолжительного времени сознавалась необходимость, — пишет французский поверенный в делах в Нью-Йорке Отто французскому министру иностранных дел 10 октября 1786 г., — предоставить федеральному правительству более энергии и силы, но равным образом сознавалось, что чрезмерная независимость, дарованная гражданам в отношении штатов и штатам в отношении конгресса, слишком дорога гражданам, чтобы у них ее можно было отнять без принятия серьезных мер предосторожности»⁶.

Первым поводом для выработки новой конституции послужили разногласия между штатами Мэрилендом и Виргинией по вопросу о порядке плавания по р. Потомак.

21 января 1786 г. штат Виргиния выступил с предложением о созыве осенью того же года совещания в Аннаполисе из представителей всех штатов для обсуждения положения торговли и промышленности США в целом. Совещание собралось, хотя и при ограниченном составе его участников (присутствовали представители пяти штатов). На совещании было принято пред-

¹ Morison. Op. cit., p. 215—217.

² См. Саймонс. Цит. соч., стр. 58 сл.; Фолькнер. Цит. соч., стр. 127 сл.

³ Morison. Op. cit., p. 223.

¹ См. Чаянинг «История Соединенных Штатов Америки (1765—1865)», стр. 121. Русский перевод. СПб. 1897.

² Corwin. Op. cit., p. 527.

³ Morison (ed) «Sources and documents, illustrating the American Revolution 1764—1788, and the formation of the Federal constitution», p. 214—215. Oxford. 1923.

ложение, обращенное ко всем остальным штатам, произвести пересмотр «статей конфедерации» на новом совещании весной 1787 г. в Филадельфии. Это предложение было поддержано континентальным конгрессом, принявшим 21 февраля 1787 г. резолюцию о целесообразности созыва в мае 1787 г. в Филадельфии конвента (съезда) уполномоченных штатов с целью пересмотра «статей конфедерации» и доклада конгрессу и законодательным собраниям штатов о необходимых изменениях и дополнениях в этих статьях.

25 мая 1787 г. в Филадельфии собрался конвент из уполномоченных штатов. Председателем конвента был избран Вашингтон. Одной из наиболее характерных особенностей конвента было то, что за немногими исключениями его члены принадлежали к владельческому слою населения. В конвенте не было представителей рабочих и мелких фермеров. В то время как высшее образование было привилегией немногих, около половины уполномоченных имели такое образование. Более 40 из 55 уполномоченных состояли в то или иное время держателями выпущенных конгрессом сертификатов, представлявших собою облигации государственного займа, в отношении которых существовала уверенность, что они повысятся в цене в случае образования правительства, располагающего правом обложения налогами, и организации публичного кредита.

Уполномоченные были убеждены, что сохранение общественного порядка, охрана жизни, а в особенности обеспечение права собственности являлись главными целями правительства¹.

Деятели конвента руководствовались (в основном) при выработке конституции как образцом британским государственным устройством, приспособив его к американским условиям.

Гампльтон (представитель Нью-Йорка, литератор и адвокат), предлагая конвенту свой план государственного устройства, 18 июня 1787 г. заявил: «Британский образ правления является лучшим в свете, и он (Гампльтон) сильно сомневается, чтобы что-либо другое, кроме него, могло удалиться в Америке... В каждом обществе, в котором развилась промышленность, будет существовать деление на большинство и меньшинство. Отсюда происходит обособленность интересов. Отсюда происходят должники и кредиторы и т. п. Предоставьте всю власть большинству — и оно будет угнетать меньшинство. Предоставьте всю власть меньшинству — и оно будет угнетать большинство. Поэтому как те, так и другие должны обладать такими правами, чтобы каждый мог защитить себя против другого. Отсутствию такой сдержки мы обязаны нашими бумажными деньгами, законами о платежах (по долгам) в рассрочку и т. п. Необходимому усвоению этого британцами обязана их конституция своим совершенством. Их палата лордов является наиболее славным учреждением... Последняя служит прочным барьером против всяких вредных

нововведений, исходят ли они со стороны короны или со стороны общины»².

Следует иметь в виду, что английская конституция переживала в это время переходный период и в ней не были вполне развиты те ее черты, которые являются самыми характерными в настоящее время, какова, например, система управления кабинетом³. Другой отлжнительной чертой деятельности конвента было недоверие к народным массам. Так, например, при обсуждении порядка избрания членов палаты депутатов Шерман (представитель Коннектикута, адвокат) 31 мая 1787 г. возражал против производства выборов народом, настаивая, что выборы должны производиться законодательными собраниями. «Народ, — сказал он, — должен иметь как можно меньше отношения к делам, касающимся управления государством. Народ не имеет надлежащей осведомленности и подвергается постоянной опасности быть обманутым»⁴.

В заседании 26 июня 1787 г., в котором обсуждался вопрос о сроке полномочий членов сената, Мадисон сказал следующее: «Во всех цивилизованных государствах население распадается на различные классы, имеющие действительные или предполагаемые различные интересы. Существуют кредиторы и должники, фермеры, купцы, фабриканты. Существует, в частности, разделение на богатых и бедных. Правильно, что мы не имеем среди нас тех наследственных различий по чинам, которые являлись главным источником раздоров в древних правительствах так же, как и в современных государствах Европы, или тех крайностей богатства и бедности, какие характеризуют последнюю. На нас нельзя, однако, смотреть, даже и в настоящее время, как на однородную массу, в которой все, что затрагивает части, будет затрагивать тем самым целое. Создавая систему, предназначенную существовать долгие годы, мы не должны терять из виду те изменения, которые будет производить время. Возрастание населения будет по необходимости возрастанием числа тех, которые будут работать, согбенные под гнетом всяких жизненных лишений и втайне вздыхая о более равномерном распределении жизненных благ. С течением времени они превзойдут по своей численности тех, кто стоит выше ощущения нужды... Как можно предохранить себя от опасности во всех случаях своекорыстных соединений для угнетения меньшинства? В числе других способов — путем создания в правительстве корпорации, пользующейся достаточным уважением за ее мудрость и способность, чтобы в случае наступления

² «The debates in the Federal convention of 1787 which framed the constitution of the United States of America» (The debates...), p. 220—221, 781.

³ Wilson «Congressional government», p. 306—308. Boston and New York, 1913; см. также Bryce «The American Commonwealth», Vol. I, p. 28—29, 281 sec. New York, 1924.

⁴ «The debates...», p. 31—32.

таких критических обстоятельств доставить преобладание справедливости, бросив свое влияние на эту чашу (весов)¹.

В заседании 7 августа 1787 г. при рассмотрении вопроса об избирательном праве в палату депутатов Диккинсон (представитель Делавара, адвокат) высказался следующим образом: «Он рассматривает владельцев свободных держаний (фригольдеров) как наилучших блюстителей свободы и ограничение избирательных прав их кругом как необходимый оплот против губительного влияния тех масс, не имеющих ни собственности, ни убеждений, которые будут с течением времени столь многочисленны в нашей стране, как и во всех других»².

★

В конвенте вопрос о характере конституции вызвал расхождение мнений. Главное расхождение было между представителями крупных и мелких штатов — между теми, кто желал образования национального правительства, и теми, кто желал удержать в том или ином виде правительство конфедерации³. Первая партия считала, что представительство в обеих палатах конгресса должно быть построено в соответствии с численностью населения; ее противники требовали представительства в обеих палатах (первоначально они высказывались за одну палату, но в дальнейшем согласились принять систему двух палат) в равном числе от каждого штата, независимо от количества населения. Первая партия настаивала на необходимости сильного центрального правительства и подчинения ему отдельных штатов; ее противники отстаивали самостоятельность отдельных штатов, рассматривая союз как простую конфедерацию, опирающуюся на штаты и от них черпающую свои полномочия.

Сторонники первой партии считали, что союзное правительство должно иметь дело, в частности в области взимания налогов, непосредственно с гражданами отдельных штатов, а вторая партия держалась обратного мнения: союзное правительство вправе взимать налоги не с отдельных граждан, а с правительств штатов. Параллельно этому выявилось расхождение между северными штатами, в которых невольничество было частью отменено, частью слабо выражено, и южными, где существовало невольничество.

Конституция была выработана в результате ряда компромиссов между противоположными интересами. По конституции федеральному правительству были предоставлены полномочия, точно в ней перечисленные. Ему принадлежит право внешних сношений с иностранными державами, объявления войны, содержания вооруженных сил — сухопутных и морских, — регулирования торговли с иностранными государствами, между различными штатами и с индейскими племенами, чеканки монеты, уста-

новления единиц мер и весов, содержания почтовых учреждений и сообщений, выдачи патентов на изобретения, охраны авторских прав, наложения податей, сборов, пошлин для нужд союза, совершения займов от имени США и др. Все полномочия, не предоставленные федеральному правительству, были сохранены за отдельными штатами.

По конституции правительство федерации основывается через посредство представительства, прямого или косвенного, на население страны в целом, а правительства отдельных штатов — на их местном населении (принцип народного суверенитета). Правительство федерации действует в отношении отдельных граждан непосредственно, как правительства отдельных штатов — в отношении граждан своего штата.

Противоречивые стремления больших и малых штатов были в известной степени примирены в устройстве законодательной власти, которая была вверена конгрессу, составленному из двух палат — сената и палаты депутатов. Сенат представляет равенство штатов в федерации: независимо от своих размеров и численности населения каждый штат избирает в сенат двух представителей сроком на шесть лет; через каждые два года треть сената обновляется; выборы производятся законодательным собранием штата (ст. I, разд. 3). Палата депутатов является представительницей нации в целом: количество депутатов, избираемых от каждого штата, пропорционально численности его населения; они избираются сроком на два года; в каждом штате избиратели должны удовлетворять тем условиям, какие требуются для избирателей самой многочисленной палаты законодательного собрания штата (ст. I, разд. 2).

Установление принципа, что штаты должны иметь представительство в палате депутатов пропорционально численности своего населения, вызвало разногласие между свободными штатами и штатами, где существовало невольничество. Должны ли невольники рассматриваться как часть населения?

Северные штаты первоначально настаивали на представительстве одного белого населения, южные требовали, чтобы черное население было принято в одинаковый расчет с белым при распределении числа депутатов (предоставление избирательных прав черному населению не предполагалось). Компромисс был достигнут в данном случае: черное население было принято в расчет в размере $\frac{3}{5}$ своего числа (ст. I, разд. 2).

Ряд расхождений был скорее избегнут, чем улажен, благодаря такому редактированию отдельных статей конституции, которое могло быть истолковано по-разному. Так, например, конгрессу было предоставлено право допущения в союз новых штатов (ст. IV, разд. 3). При этом остался открытым вопрос, может ли конгресс устанавливать условия принятия.

Исполнительная власть была вручена президенту, избираемому населением путем косвенных выборов: сначала население должно было избирать выборщиков, а послед-

¹ «The debates...», p. 167—168.

² Ibidem, p. 352.

³ Woodburn. Op. cit., p. 10; Channing «A history of the United States». Vol. III, p. 510. New York. 1930.

ние — президента (ст. II). Однако население, в сущности, уже при первых выборах подавало голоса за определенного кандидата (Вашингтон) и система двойных выборов существовала лишь номинально. Что касается полномочий президента, то в этом отношении у составителей конституции был образец в виде губернаторской власти в отдельных штатах. Для предоставления президенту права «вето» имелся прецедент в конституции Нью-Йорка, а порядок его ответственности был выработан (для губернатора) в конституциях нескольких штатов. В ряде штатов была установлена должность вице-президента. Президент обладал, по конституции, большей властью, чем английский король: он не зависел от конгресса в выборе министров. Переход Англии к парламентаризму не был достаточно уяснен в Америке. Он не нашел себе отражения и в английской политической литературе того времени, которая пользовалась признанием в Америке (Блекстон, например, в своем труде «Комментарии к законам Англии 1764—1765 гг.» не упоминает о парламентаризме).

Судебная власть, по конституции, была поставлена в равное положение с законодательной и исполнительной властью (ст. III). Судьи назначались президентом с согласия сената (ст. II, разд. 2)¹. В конституции не содержалось постановления, уполномочивающего федеральный суд решать, соответствуют ли вновь изданные законы основным, что давало право федеральному суду толковать конституцию. Участники конвента рассматривали такое право как присущее федеральному суду². Колониальные суды и ранее распространяли свою компетенцию на разрешение вопроса о законной силе колониального законодательства. Федеральный суд имел также перед глазами пример в виде судебного комитета английского тайного совета, на который был возложен контроль над колониальными законодательными актами и признание недействительными тех из них, которые были несовместимы с дарованными королем хартиями.

Теоретически конституция была основана на принципе разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной. Система разделения властей была построена, согласно традиционному воззрению, так, чтобы власти «сдерживали и уравновешивали» одна другую: конгресс имеет право возбуждения уголовного преследования против высших должностных лиц и судей за преступление по должности и рассмотрение таких дел³; президенту принадлежит пра-

во «вето» в отношении актов законодательной власти, обе палаты действуют как взаимные «сдержки», сенат — как «сдержка» в отношении исполнительной власти в области заключения международных договоров и назначения высших должностных лиц, так как указанные договоры и назначения должны были в силу конституции производиться президентом с согласия сената. Система «сдержек и уравновешения», в сущности, представляла собою отступление от принципов разделения властей, вызванное практическими потребностями. Таким образом, в конституции 1787 г. (как и в конституциях отдельных штатов) не было проведено полного разделения властей.

Пересмотр федеральной конституции был обставлен довольно сложными условиями: для принятия какого-либо изменения необходимо согласие большинства — двух третей обеих палат конгресса и трех четвертей законодательных собраний штатов (ст. V).

Устанавливая описанный выше порядок пересмотра, составители конституции, с одной стороны, стремились предотвратить насильственные попытки изменения конституции, допуская возможность внесения в нее дополнений (поправок); с другой стороны, сложность порядка пересмотра конституции делала эти поправки трудно осуществимыми на практике.

По федеральной конституции, Соединенные Штаты Америки являются союзным государством с сильной центральной властью, но с достаточно обширной сферой компетенции, предоставленной ведению правительства отдельных штатов.

Заседания конвента продолжались до 17 сентября 1787 г. и закончились подписанием в этот день конституции. Конституция была представлена конгрессу, который 28 сентября 1787 г. постановил препроводить ее правительствам отдельных штатов для передачи на рассмотрение специальных конвентов из уполномоченных, избранных в каждом штате его населением. Конвенты эти составляли нечто среднее между представительными учреждениями и непосредственными народными собраниями⁴. Вопрос о том, что только санкция народа может дать силу конституции, выработанной конвентом в Филадельфии, был совершенно ясен для деятелей конвента. Возникали споры лишь о способе, путем которого должна выразиться воля народа. Довольно сильное меньшинство настаивало на том, что конституция подлежала утверждению законодательными собраниями штатов. Большинство же считало, что для основного закона необходима более высокая санкция. Оно остановилось на изложенном выше порядке, тем более что представлялось очевидным превышение конвентом своих полномочий, так как вместо изменений и дополнений к «статьям конфедерации» он выработал новую конституцию, которая должна была вступить в силу по принятии ее девятью штатами (ст. III конституции). Между тем в «статьях конфедерации» было сказано, что

⁴ Боржо «Учреждение и пересмотр конституции», стр. 116. Русский перевод. М. 1918.

¹ Организация федерального судостроительства была установлена особым законом — актом о судостроительстве 1789 г., изданным первым конгрессом Соединенных Штатов, собравшимся в силу конституции 1787 года.

² См., например, «The Federalist» № 78.

³ Обвинение возбуждается палатой представителей; рассмотрение дела производится сенатом, действующим в данном случае в качестве судебного органа. Такой порядок носит название «impeachment».

Итак, изменения этих «статей» не должны иметь место без согласия законодательных органов всех штатов, входивших в состав конфедерации (п. XIII).

В каждом штате происходила борьба между сторонниками и противниками конституции. Представители торговли и промышленности, а также финансового капитала (кредиторы) и связанные с ними группы населения стояли за принятие конституции. К ним примкнули крупные землевладельцы юга. Должники, жители пограничных областей и фермеры были главными противниками принятия конституции¹.

В течение 1787—1788 гг. конституция была принята всеми штатами (за исключением Северной Каролины, принявшей конституцию 21 ноября 1789 г., и Род-Айленда, — 29 мая 1790 г.). Конституция вступила в силу 4 марта 1789 года.

Ввиду того что права человека уже были торжественно провозглашены в «декларациях о правах», изданных отдельными штатами, предпосылка конституции «декларации прав» казалась участникам конвента в Филадельфии тем менее необходимой, что права человека нашли выражение в некоторых положениях «декларации независимости» 4 июля 1776 года. Однако вопрос о дополнении конституции поправками, гарантирующими личные права граждан (и права отдельных штатов), был вскоре поставлен на очередь.

В числе нападков, которым подвергалась конституция, особенным распространением пользовались две: 1) конституция не включает в себя «декларации о правах» и 2) ни в одной из статей конституции не сказано, что отдельные штаты сохраняют полностью те права, которые не предоставлены федеральному правительству.

На внесение этих дополнений настаивал ряд штатов (Виргиния, Нью-Йорк, Северная и Южная Каролина и др.). Джефферсон, который во время принятия конституции был послом во Францию, по возвращении развил энергичную агитацию в пользу дополнения конституции «декларацией о правах»². Эти обстоятельства и возникшее в это время брожение среди народных масс побудили первый конгресс США, собравшийся в апреле 1789 г., выработать десять дополнительных статей (поправок) к конституции, вступивших в силу в декабре 1791 года.

Указанные выше статьи обеспечивали права отдельных лиц в отношении свободы совести, свободы слова и печати, свободы собраний и права петиций (ст. I), хранения

и ношения оружия (ст. 2), недопустимости постоев в военное время (ст. 3), а равно неосновательных обысков и арестов (ст. 4). В этих статьях устанавливалось недопущение привлечения к уголовной ответственности иначе как по обвинению, утвержденному или возбужденному большим жюри присяжных заседателей, а также недопустимость обращения частной собственности на общественные надобности без справедливого вознаграждения (ст. 5). В них содержалось предписание рассматривать дела по обвинению в уголовных преступлениях судом с участием присяжных заседателей, с осведомлением обвиняемого о характере и причине обвинения, допущением очной ставки со свидетелями и вызова адвоката (ст. 6). Они гарантировали суд присяжных заседателей не только в делах уголовных, но и в гражданских (ст. 7), а равно воспрещали требование чрезмерных залогов, взыскание несоразмерных штрафов, наложение жестоких и необычных наказаний (ст. 8). Статья 9 предусматривала, что перечисление в конституции определенных прав (предоставленных федеральному правительству) не может быть толкуемо как отмена или умаление других прав, сохраняемых за собой народом.

Очень важной, с точки зрения теории федерализма, является 10-я поправка к конституции, согласно которой права, не предоставленные по федеральной конституции союзному правительству, принадлежат: 1) отдельным штатам (если они относятся к кругу дел местного характера) или 2) народу Соединенных Штатов (если они относятся к интересам страны как целого).

В нашу задачу не входит изложение дальнейшего хода развития конституции Соединенных Штатов Америки. Оно характеризуется постепенным усилением союзной власти за счет власти отдельных штатов. Описанный процесс оформлялся в значительной мере путем толкования конституции верховным судом Соединенных Штатов.

В течение срока, прошедшего с 1789 г. и до настоящего времени, в конституцию был внесен ряд дополнений (поправок), главнейшие из которых следующие: в 1863 г. была принята поправка 13-я, упразднившая рабство в Соединенных Штатах. Поправка 15-я (1869 г.) установила, что право граждан Соединенных Штатов на участие в выборах не должно быть отрицано или ограничено Соединенными Штатами или отдельными штатами под предлогом расы, цвета кожи или прежнего состояния в рабстве. Согласно поправке 17-й (1913) избрание сенаторов должно производиться населением отдельных штатов (вместо установленного конституцией 1787 г. избрания их законодательными собраниями штатов). В 1920 г. была принята поправка 19-я, в силу которой право граждан Соединенных Штатов на участие в выборах не будет отрицано или ограничено Соединенными Штатами или отдельными штатами под предлогом пола,

¹ Channing, Op. cit. Vol. III, p. 521—523; Wilson «A history of the American people (documentary edition)», Vol. V, p. 79 seq. New York and London; Саймонс. Цит. соч., стр. 65.

² На отсутствие в конституции «декларации о правах» указывал Лафайет в своем письме Вашингтону от 1 января 1788 г. (Lafayette «Memoires, correspondance et manuscrits», Vol. III, p. 249. Bruxelles, 1837).

★

В силу своего прогрессивного характера американская война за независимость и ее завершение — конституция 1787 г. — оказали огромное влияние и на другие страны. Лафайет в своих мемуарах характеризует американскую войну за независимость как «начало нового социального порядка во всем мире»¹. «Американская война XVIII столетия за независимость прозвучала, — говорит Маркс, — набатным колоколом для европейской буржуазии»². Американская война за независимость оказала влияние прежде всего на Англию. Здесь (совместно с другими факторами) эта война содействовала переходу власти от короны к представительным учреждениям, т. е. сложению парламентаризма.

Конституции отдельных штатов были переведены на французский язык в 1778 году. В дальнейшем была переведена и федеральная конституция 1787 года. Эти акты изучались французскими образованными обществом. Влияние американских политических идей было особенно сильно в последние годы старого режима.

«Чудесная декларация Соединенных Штатов Америки (имеется в виду «декларация независимости» 4 июля 1776 г.) вызвала общий взрыв восторга»³, — говорил Мирабо, находившийся в это время в заключении.

«Идеи свободы, — сообщает Лафайет в своем письме Вашингтону от 9 октября

¹ Lafayette «Mémoires...» Т. IV, р. 75.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 7.

³ Mirabeau «Mémoires». Т. IV, р. 157. Paris. 1834.

⁴ Lafayette «Mémoires». Т. III, р. 238 (см. также его письмо Вашингтону от 3 августа 1787 года. «Mémoires». Т. III, р. 234).

⁵ Sagnac «Les origines de la Révolution française: l'influence américaine». «Revue des études napoléoniennes», р. 40. Janvier — février 1924.

1787 г., — получили быстрое распространение со времени американской революции»⁴.

Можно согласиться с Сажьяком, что в действительности американское влияние представляло собой в значительной мере английское влияние, но Англии Мильтона и пуритан первой республики⁵. Указанное выше влияние отразилось во Франции на ряде наказов при выборах в Генеральные штаты.

После работ Максима Ковалевского и Еллинека вряд ли можно оспаривать, что первоисточниками для французской «Декларации прав человека и гражданина 1789 г.» послужили «декларации прав» отдельных штатов Северной Америки и прежде всего Виргинская декларация 1776 года⁶.

Федеральная конституция 1787 г. оказала несомненное влияние, как это выяснено Максимом Ковалевским, на формирование мировоззрений Бриссо, Кондорсе, Лафайета и других деятелей французской революции⁷.

Принципы этой конституции нашли свое (в известной степени) воплощение во французской конституции 1791 г.⁸, а также в конституции III года (1795 г.). Американская конституция 1787 г. оказала беспспорное влияние на создателей конституции Польши 1791 г., Испании 1812 г., Норвегии 1814 г., Португалии 1822 года. Ряд конституций Северной и Южной Америки прямо составлен по образцу федеральной конституции Соединенных Штатов 1787 г. (например Мексики 1857 г., Бразилии 1891 г. и др.).

⁶ Ковалевский М. «Происхождение современной демократии». Т. I. Части 3 и 4-я, стр. 298—301. М. 1899; Еллинек «Декларация прав человека и гражданина». Русский перевод. М. 1905.

⁷ Ковалевский, М. Цит. соч., стр. 302 сл.

⁸ См., например, Bourne «American constitutional precedents in the French National Assembly». «The American Historical Review», April 1903.

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

Д. Григорьева и К. Швец

I

Не подлежит ни малейшему сомнению, что центральные силы современного германского империализма — национал-социалисты — во главе с Гитлером имели в Германии немалое количество идеологических предшественников. «Немецкие фашисты, — писал недавно тов. Калинин, — в лице своей верхушки впитали в себя и консолидировали в отношении СССР самые крайние захват-

нические цели, о которых когда-либо мечтали и которые когда-либо высказывали в прошлом германские империалисты в отношении России»¹.

Германские империалисты издавна строили весьма широкие планы захватов и в отно-

¹ Калинин М. И. «Все для фронта! Все для победы!», стр. 11. М. 1942.

шенни стран Западной Европы. Предшественники фашистских лакеев германского империализма с конца XIX в. усердно проповедовали идею грабежа и захватов на Западе.

Так, в одной немецкой книжке, вышедшей в 1910 году, читаем: «Почему мы не должны иметь право сказать: если однажды наступят такие обстоятельства, когда Голландия, Бельгия, Люксембург, Швейцария, Австрия перестанут существовать как самостоятельные государства, то они могут попасть только в Германскую империю»¹. Так предвосхищал практику Гитлера автор этой книжки. Примечательно уже самое название книги: «Прикладная история! Написал ее некий профессор и доктор Генрих Вольф, учитель дюссельдорфской гимназии. Этот человек, которому официально было поручено воспитание немецкого юношества, провозгласил, что «не существует ничего столь не равного, как люди». Одержимый настоящей манией величия, Г. Вольф вещал: «Превратно давать равенство неравным: женщинам и мужчинам, молодым и старым, слабым и сильным, немущим и собственникам, глупым и умным, прилежным и ленивым, единоплеменикам и инородцам, белым, желтым, красным и черным»².

Вся государственная премудрость современных фашистов уже содержится в этой дрянной книжонке, вплоть до трескучих фраз об «опасности плутократии» и о «борьбе против социального зла». Тут сформулированы такие задачи, как «расширение нашей хозяйственной области», «национальное воспитание», «тесное единение всех немцев» и «политика расселения» (Wanderungspolitik), т. е. планомерный всемирный шпионаж.

Книжка нашла спрос, правда спрос своеобразный: так, например, в предисловии к 6-му изданию, вышедшему в 1913 г., автор выражает свою благодарность некоему господину Августу Ширенбергу, который купил сразу 520 экз. и раздарил их по-одному учительским библиотекам, учительским семинариям, народным школам и подготовительным курсам. По выходе в свет 1-го издания в печати появились некоторые критические отзывы, повидимому больше всего со стороны обиженных автором католиков, которые попытались излить свою обиду даже с трибуны палаты представителей прусского ландтага. В несравненно большей степени характерен для предвоенной Германии радужный прием, оказанный книге Вольфа значительной частью германской прессы.

«Превосходный труд, образцовый и по замыслу и по выполнению» автора, «который уже завоевал себе почетное имя в области исторической литературы», — так отзывается о книжонке Вольфа «Журнал немецкого преподавания»³. «Широко заду-

маный значительный труд, действительно способствующий процветанию национального чувства немцев»⁴, — вторит ему другой журнал. «Книга, проникнутая здоровыми воззрениями», написана в «объективной, выдержанно благородной манере» и достигает поставленной автором практической цели — «понимания настоящего из прошлого и прошлого из настоящего»⁵ — таково мнение журнала «Центральный литературный листок». Книга служит для «углубления преподавания истории» и «вполне может быть рекомендована для чтения ученикам старших классов, как противовзвездие против радикализма всякого рода... и как школа политического мышления»⁶, — заявляет еще один педагогический журнал. «Заслуженный автор превосходной книги» показывает, «как преподавание истории может быть построено на политической основе»⁷ — так восхваляет Вольфа во второй раз «Журнал немецкого преподавания».

Однако все эти восхваления превзойдены в отзыве Бидера, помещенном в журнале «Политико-антропологическое обозрение», где имеются следующие оценки: «Книга ценна, своевременна и прямо-таки необходима», «превосходная и, просвещающая», «боевая книга», «может быть рекомендована нашему поколению, как воспитывающая книга с особенной теплотой», «дальнейшие переиздания превосходной книги желательны в неограниченном количестве»⁸.

Пожелания Бидера осуществились. Книга выдержала несколько изданий еще до войны, а в период веймарской республики Вольф написал еще несколько книг в том же духе. В первый же год после фашистского переворота Бенце, составитель «Путеводителя в Третью империю», рекомендовал каждому гражданину прочитать, по крайней мере, одну из этих книг. Разумеется, после этого положение Г. Вольфа в «Третьей империи» было обеспечено.

Среди хвалебных отзывов о «Прикладной истории» самым умеренным по тону был отзыв журнала «Vergangenheit und Gegenwart», возникшего в 1911 г. и являющегося в настоящее время лейб-органом национал-социалистической партии в области исто-

³ Bassenge E. d. «Literaturbericht». Zeitschrift für den deutschen Unterricht, S. 368. 1911.

⁴ Анонимная рецензия на книгу Вольфа в журнале «Heimdal». Zeitschrift für reines Deutschtum und Alle-Deutschtum, S. 22—23. 1911.

⁵ Hoppe W. «Literarisches Zentralblatt» № 1, S. 10. 1911.

⁶ Friedrich F. «Vergangenheit und Gegenwart». Zeitschrift für den Geschichtsunterricht und staatsbürgerliche Erziehung in allen Schulgattungen, S. 314—315. 1911.

⁷ Rosenhagen C. «Literaturübersicht» Geschichte. Zeitschrift für den deutschen Unterricht, S. 584. 1912.

⁸ Bieder Th. «Politisch-anthropologische Revue». Monatsschrift für praktische Politik, für politische Bildung und Erziehung auf biologischer Grundlage, S. 670—672. 1911.

¹ Wolf H. «Angewandte Geschichte. Eine Erziehung zum politischen Denken und Wollen», S. 213. 6 u. 7. Aufl. Leipzig. 1913.

² Wolf H. Op. cit., S. 371.

рия¹. Издатель журнала Ф. Фридрих находил, что те рецензенты, которые отнеслись к «Прикладной истории» с особым энтузиазмом, несколько переоценили книгу, так как в ней имеются «отдельные фактические ошибки», а также заметна «слишком сильная борусская тенденция»². Педагогическая ценность книги Вольфа была объявлена все же не подлежащей никакому сомнению, особенно в отношении тех частей книги, которые «открывают всякого рода перспективы и расширяют кругозор».

Характер этой рецензии объясняется, конечно, теми особыми задачами, которые ставили новому органу его основатели. Формально основателями журнала являлись коллеги Г. Вольфа — лейпцигские профессора средней школы Ф. Фридрих и П. Рюльман. Средства для издания журнала, по видимому, были получены последним от некоторых «друзей отечества» (Vaterlandsfreunde)³. Эти издатели позаботились о солидном «теоретическом» обосновании задач нового органа. В своем стремлении поставить «прошлое» на службу милитаристическому настоящему, использовать исторические традиции для того, чтобы воспитать покорных исполнителей воли германского империализма, Рюльман и Фридрих стараются найти себе опору в суждениях таких авторитетов, как реакционный историк Ранке. Они цитируют слова Ранке о том, что «в воспоминаниях о прежних временах и великих примерах предков заключена непреодолимая сила» и что «нижние классы народа» нуждаются в «духовной атмосфере, которой они могли бы, сами того не сознавая, дышать и ею проникаться». Вероятно, и самое название журнала навеяно афоризмом Ранке, гласящим, что «всякое настоящее наполнено прошлым, и в этом порука будущего»⁴.

Не менее охотно основатели журнала принимали и рекомендовали к руководству изречения практических государственных деятелей прусского юнкерства, например министра фон Гентига: «Наше преподавание истории должно — от низшей до высшей школы — заполнять умы и сердца юношества идеей государства. Оно должно поучением и примерами внедрить ее в их чувства и представления, как неотъемлемое внутреннее достояние»⁵.

Один из русских педагогических деятелей засвидетельствовал, что пожелания этого рода успешно осуществлялись в Германии накануне мировой войны: «Все усилия учителей и школы направлены к тому, чтобы

внушить воспитанникам убеждение, что Германия стоит выше всех государств... Во всех классах и всех частях курса», по его словам, это «прочное, я сказал бы, навсегда вдальблывается в головы учеников»⁶.

Немалую роль сыграл в этом отношении «Союз для гражданского образования и воспитания германского народа», основанный в Госларе в 1909 году. Одним из его основателей был уже известный нам коллега Вольфа — Пауль Рюльман. В эти годы в педагогических кругах получает преобладание то течение, которое стремилось отменить «гражданское воспитание» как особый предмет преподавания и осуществлять его как принцип преподавания всех предметов и прежде всего истории. «Гражданское воспитание должно раствориться в преподавании истории или, вернее, преподавание истории должно превратиться в гражданское воспитание», — говорил один германский педагог⁷.

Другая реакционная учительская организация, основанная еще в 1889 г., — «Союз школьной реформы» — приняла в апреле 1910 г. следующие тезисы: 1. «Все преподавание в немецких школах должно быть пропитано стремлением дать учащимся знание и внедрить им высокую оценку германской сущности (des deutschen Wesens). 2. Ознакомление с чужими культурами должно производиться с постоянной оглядкой на немецкую культуру. 3. Преподавание истории Германии должно всюду вскрывать связи с современностью»⁸.

При немецкой «основательности» такая перестройка школьного преподавания целиком в духе агрессивного национализма и зоологического шовинизма требовала соответствующей подготовки и переподготовки преподавателей истории. Журнал «Vergangenheit und Gegenwart», по мысли его истинных хозяев, и должен был мобилизовать для этой цели все реакционные силы из академических и университетских кругов. Как видно из содержания первого выпуска, издатели сумели сразу привлечь к сотрудничеству в журнале довольно широкий круг реакционных профессоров и литераторов: Эйкена, Бранденбурга, Гетца, графа Кейзерлинга, Гинце, Ваала, Гейса и др.

Вполне естественно, что при этих обстоятельствах педагогические журналы не могли не расхваливать книжку Вольфа. Еще больше оснований к этому имел журнал «Политико-антропологическое обозрение», основанный в 1902 г. д-ром Людвигом Вольтманом.

В начале своей литературной деятельности Вольтман в качестве «истинного марксиста» сотрудничал в журнале «Neue Zeit», изготовляя в духе Фридриха Альберта Ланге и Бернштейна эклектическую по-

¹ Теперешний руководитель этого органа — Пауль Герге (Herge) — начал свое сотрудничество в нем уже в то время.

² «Vergangenheit und Gegenwart», S. 315. 1911. Friedrich F. Literaturübersicht. Methodologisches und Didaktisches.

³ Negeborn K. «Eine nationale Angelegenheit». «Vergangenheit und Gegenwart», S. 72.

⁴ «Vergangenheit und Gegenwart», S. 336. 1911. «Aus der historischen Literatur».

⁵ «Vergangenheit und Gegenwart», S. 7. 1911. «Staatsbürgerliche Erziehung im Urteil praktischer Staatsmänner».

⁶ Зоргенфрей Г. «В прусских школах», стр. 23, 34. Спб. 1914.

⁷ Seidenberger. Gröndahl, Literaturübersicht. Pädagogische Blätter. Zeitschrift für Lehrerbildung und Schulaufsicht. H. 6, S. 340. 1912.

⁸ «Deutscher Geschichtskalender», S. 157, 1910.

хлебку на Канна, Дарвина и Маркса. Закончил он эту деятельность «коренным пересмотром в исторической науке» при помощи расовой теории. В своих последних книгах — «Германцы и Ренессанс в Италии» (Лейпциг, 1905) и «Германцы во Франции» (1907) — Вольтман действительно опрокинул всякое представление о добросовестности в изложении исторических фактов, объявив германцами Данте, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Гиберти, Рафаэля, Тассо, Декарта, Паскаля, Вольтера, Кювье, Робеспьера, Наполеона, Бальзака, Мюссэ, Ламартина, Гюго и Золя. Ограбив таким способом историю Италии и Франции, Вольтман не затруднился сделать вывод, что германская раса является единственно прививанной к мировому господству и мировой цивилизации. Эта система лжи была запатентована автором под названием «политической антропологии».

Четыре года спустя после смерти Вольтмана его преемники и последователи решили, что настала пора вольтмановскую галлюциацию из области теории перетащить в практику. Поэтому подзаголовок «Политико-антропологического обозрения», данный его основателем, — «Ежемесячник социальной и духовной жизни народов» — был заменен с середины 1911 г. другим — «Ежемесячник практической политики, политического образования и воспитания германского народа на биологической основе».

Бидер, рецензировавший в этом журнале «Прикладную историю»¹, выражает пламенный восторг прежде всего потому, что автор ее, дающий, по его мнению, «в резко очерченных картинах всю мировую историю, с древности до современности», признает себя сторонником «того понимания истории, которое получило известность благодаря Трейчке, а особенно благодаря Э. Хассе и Л. Вольтману». Поэтому появление популярно написанной «Прикладной истории» Бидер считает началом нового высшего этапа в гражданском воспитании, т. е. удачным походом прививки расовой теории широким народным массам через народную школу.

Бидер прав, называя Вольтмана одним из учителей Г. Вольфа. Действительно, Вольф сплошь и рядом пересказывает Вольтмана, хотя и не упоминает ни разу о заимствованиях из этого источника. Но зато тем более напыщенно посвящает он свою книгу «памяти германских мужей и боевых предшественников — Генриха фон Трейчке и Эрнста Хассе».

II

«Немецкие фашисты, — писал в первом приказе 1942 г. товарищ Сталин, — являются врагами европейской культуры, а немецкая армия — армией средневекового мракобесия, призванной разрушить европейскую культуру ради насаждения рабовладельческой «культуры» немецких банкиров и баронов».

Основы этой рабовладельческой «культуры» закладывались уже в течение ряда де-

сятилетий. Одним из первых ее столпов можно считать «казенно-полицейского историка»² конца XIX в. — Генриха фон Трейчке.

Трейчке выступил на сцену в роли «герцога и пророка новой германской империи»³ в том самом 1866 г., к которому Ленин относил появление «крайней военной партии» в истории Германии, а в 1871 г. стал одним из национал-либеральных депутатов нового общегерманского рейхстага. В эти годы решение национальной проблемы буржуазного развития Германии произошло «путем династических войн Пруссии, укрепляющих гегемонию прусских помещиков в объединенной Германии»⁴.

С 1871 г. начинается новый период в истории Пруссии и объединенной ею Германии, для которого характерно то, что «поразительная экономическая мощь буржуазии соединяется с поразительным раболепством ее перед помещиками»⁵. В этот период Трейчке был редактором «Прусского ежегодника», а впоследствии, после смерти Ранке, он получил официальное звание «прусского историографа».

Его главное произведение — «История Германии в XIX столетии» — получило уничтожающую оценку даже в буржуазной исторической литературе. Резюмируя общее впечатление от этой книги, В. Риттинггауз, автор специального исследования о трудах Трейчке в области истории, вышедшего в Лейпциге в 1914 г., задает себе вопрос: «Что закрепляется в памяти?» — и отвечает: «Ничего служащего познавательным целям... Единственное, что остается от «Истории Германии», — это личность автора, вложившего в книгу свои аффекты»⁶. «Когда проверишь, — писал Меринг, — как Трейчке разделяет печатные источники..., то, к сожалению, не имеешь уже права верить ни одному его слову, там, где он опирается на архивные материалы»⁷.

Своей «Историей Германии» Трейчке стремился создать культ гогенцоллерновской монархии. Он прославлял не только зяблого реакционера Вильгельма I, но даже и такое ничтожество, как Фридрих-Вильгельм III, говоря о последнем с подобострастным царедворца, что он «обладал всеми добродетелями, которые образуют хорошего и чистого человека»⁸. Французский историк Гильян насчитал в «Истории Германии» Трейчке восемьдесят отрицательных

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 21.

² Mehring, F. «H. v. Treitschke», «Neue Zeit», S. 193. 1896.

³ Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 547.

⁴ Там же, стр. 446.

⁵ Rittinghaus W. «Die Kunst der Geschichtschreibung H. v. Treitschkes (Beiträge zur Kultur — und Universalgeschichte hrsg. von Karl Lamprecht)», S. 2, Leipzig, 1914.

⁶ Mehring F. «H. v. Treitschke», «Geschichte Deutschlands im XIX Jahrhundert», «Neue Zeit», 1894. S. 460.

⁷ Treitschke H. «Geschichte Deutschlands im XIX Jahrhundert», Bd. I. S. 146—147. 1894.

⁸ Позже, в 1921 г., он выпустил специальное «исследование» о свастике.

характеристик иностранных королей и императоров. Все они, в изображении Трейчке, ллуты, маньяки или же марионетки, а худшая категория — «короли буржуа», вроде французских Орлеанов или бельгийских Кобургов. Прусские же короли, в изображении Трейчке, обладают редкими добродетелями¹.

Трейчке воплотил с наибольшей полнотой и яркостью «паразитическое раболепство» немецкой буржуазии перед помещиками. «Ни одна страна в мире, — писал он, — не обладает столь высоко благородным дворянством»². Он прославляет даже «высокую нравственность» той самой дворянской среды, в которой, как выявили скандальные судебные процессы начала XX в., гомосексуализм и прочие извращения получили наибольшее распространение со времен поздней Римской империи. Что же касается крестьянства, которое эксплуатировалось прусскими юнкерами, то оно имело в прошлом, по мнению Трейчке, в лице «старых сержантов» лучших школьных учителей, чем современные, ибо продуктом их педагогической деятельности был «довольный, верующий, верноподданный патриотический народ»³.

В 90-е гг. XIX в., когда сложился германский империализм, реакционные воззрения Трейчке перестали удовлетворять германскую буржуазию. В области духовной культуры магнатам тяжелой индустрии надоел теперь люд, реакционность которых выражалась не столько в обращении к прошлому, сколько в насилии над будущим. В противовес учению научного социализма о неизбежности установления бесклассового общества империалистическая буржуазия стала создавать идеал будущего общества, в котором классовое господство было бы закреплено в кастовом порядке. Новое поколение буржуазных идеологов — ученики Трейчке — начало во все возрастающей степени писать о расовом превосходстве «чистого тевтонства».

«Чистое тевтонство» («Reines Deutschtum») — так назывался, например, сборник статей Ф. Ланге, вышедший в 1891 году. Последователь Ницше, филолог и поэт, Ф. Ланге начал свою деятельность провинциальным журналистом, а с 1881 г. сделался редактором литературного приложения к берлинской реакционной газете «Tägliche Rundschau». В 1885 г. он оказался уже одним из руководителей «Немецкого восточно-африканского общества д-ра Петерса и товарищей», в котором вначале, по словам историка немецкой колониальной политики Циммермана, «не было ни одного делового человека»⁴. Вернувшись снова после кратковременного пребывания в Африке к журналистской деятельности, Ланге основал в

1889 г. тот самый националистический «Союз школьной реформы», резолюция которого о преподавании истории, принятая в 1910 г., приведена выше.

Упомянутого выше мелкого литератора, д-ра К. Петерса, германская буржуазия чтит как пионера германской колониальной политики и основателя первой немецкой колонии в Африке. Колонизаторские «подвиги» его были тоже не очень продолжительны, так как в 1896 г. после разоблачений Бебеля в рейхстаге суд вынужден был отстранить его от государственной службы. Другой заслугой Петерса перед германским империализмом было основание им в 1891 г. националистического «Всеобщего немецкого союза» (Allgemeiner Deutscher Verband). За эти заслуги ему при жизни был воздвигнут бронзовый памятник, который германские империалисты после утраты в первой мировой войне африканских колоний перенесли на остров Гельголанд.

Начиная с 1891 г. реакционные националистические организации стали возникать в Германии, как грибы после дождя: антикатолическое «Общество Один», антидатский «Немецкий союз Северного Шлезвига», антипольский «Немецкий союз Восточной Марки», основанный в 1894 году. В том же году известный уже нам Ф. Ланге основал антисемитский «Немецкий союз» (Deutschbund).

По свидетельству одного из первых членов этого союза, майнцского адвоката Г. Класса (автора «Истории Германии», вышедшей одновременно с «Прикладной историей» Вольфа), ядром местной майнцской группы «Немецкого союза» были молодые филологи и юристы⁵. Организация эта оказалась, впрочем, не особенно жизнеспособной и скоро сошла со сцены.

Выжил и окреп союз, основанный Петерсом. После первого шумного выступления против германских уступок Англии в занзибарском вопросе он пережил период некоего упадка. В 1894 г. «Всеобщий немецкий союз» был реорганизован и переименован во «Всеобщий союз» (Alldeutscher Verband).

Руководство им перешло в руки лейпцигского статистика профессора Э. Хассе, которого автор «Прикладной истории» ставит как своего предшественника на второе место после Трейчке. С этого времени «Всеобщий союз» стал играть значительную роль в жизни германской буржуазии и в истории Германии. Преемником Хассе после смерти его в 1907 г. стал Г. Класс.

III

В 1871 г., в начале периода усиления экономической мощи германской буржуазии, германское государство представляло собою, по словам Маркса, «обрамленный парламентскими формами и подверженный уже влиянию буржуазии военный деспотизм с прибавкой феодальной подмеси, бюрократически скрепленный и полицейски оберегаемый»⁶.

¹ Class H. «Wider den Strom», S. 30. Leipzig. 1932.

² K. Marx und F. Engels «Ausgewählte Schriften». Bd. II, S. 596. Moskau.

¹ Guillard A. «L'Allemagne nouvelle et ses historiens», p. 279 suiv. Paris. 1899.

² Treitschke H. «Politik». Bd. I, S. 309. 1899.

³ Ibidem, S. 359.

⁴ Zimmermann F. «Geschichte der deutschen kolonialen Politik». S. 121. 1914.

Накануне первой мировой войны Ленин характеризовал «истинный порядок Германии» как «господство сабли прусского полufeодального землевладельца»¹ и определял германское государство как «помещичью монархию с фиговым листком псевдоконституционализма»².

В условиях германского псевдоконституционализма, т. е. отсутствия парламентского правительства, политические партии, представлявшие в германском рейхстаге интересы различных групп буржуазии, играли значительно меньшую роль, чем в буржуазно-демократических государствах. Поэтому в Германии и получили особенное развитие различные формы прямого, постоянного и неуклонного, не зависящего от смен парламентской конъюнктуры воздействия наиболее мощных групп буржуазии на бюрократическое крепление германской монархии.

Таковыми группами в Германии являлись, во-первых, владельцы крупных помещичьих хозяйств, постепенно становившихся все более буржуазными, и, во-вторых, представители тяжелой индустрии. Влияние прусских юнкеров на германскую государственную машину оставалось весьма значительным вплоть до мировой войны: «Ольденбург и Гейдебранды остаются всемогущими, — писал Ленин о Пруссии в 1911 г., — держат в руках государственную власть — наполняют своим, так сказать, социальным содержанием всю прусскую монархию, всю прусскую бюрократию»³.

Упорно отстаивая существование трехклассной системы выборов в прусский ландтаг, юнкеры безраздельно держали в своих руках органы местного управления, ограждавшие их непосредственные экономические интересы. Наоборот, в общегерманском масштабе, в вопросах общеэкономической политики и внешней политики все возрастающее давление на государственный аппарат оказывали представители тяжелой индустрии.

Предпринимательские организации и крупнейшие отдельные фирмы систематически привлекали на частнохозяйственную службу наиболее талантливых и ретивых из тех государственных чиновников, с которыми им приходилось иметь дело. Так, например, правительственный советник Фелькер, который в правительственной анкетной комиссии для изучения проблемы картелей «особенно выделился... блестящим знанием предмета и деловыми резкими выступлениями против представителей картелей», вскоре после этого был приглашен на высокооплачиваемую должность в стальной трест⁴.

А в дальнейшем бывали случаи, когда также новоиспеченные капиталисты получали очень высокие государственные посты. На-

¹ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 100.

² Ленин. Соч. Т. XII, стр. 290.

³ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 274. Ленин имеет в виду графа Ольденбурга-Янушау, председателя «Союза сельских хозяев», и графа Гейдебранда фон дер Лаза, председателя консервативной фракции прусского ландтага.

⁴ Ленин «Тетради по империализму», стр. 144—145.

пример, Гельферих, бывший в 1901 г. референтом по колониальным вопросам в министерстве иностранных дел, в 1908 г. — член дирекции Немецкого банка, а в 1916 г. — вице-канцлер. Гугенберг был в 1907 г. ответственным референтом в прусском министерстве финансов, в 1909 г. он председатель дирекции крупновских заводов, а в 1933 г. — министр хозяйства в правительстве Гитлера.

Групповые интересы предпринимателей тяжелой индустрии требовали все более и более агрессивной внешней политики. Для подготовки общественного мнения и формирования внешнеполитической агрессии тяжелой индустрии и создала свой «Всенемецкий союз», действовавший независимо от существующих партий, хотя он и включал в свой состав представителей всех наиболее реакционных буржуазных партий — консерваторов имперской партии и национал-либералов.

«Всенемецкий союз» формально основан был в Берлине, но настоящей колыбелью его был Эссен, где находились и дирекция крупновских заводов и правление рейнско-вестфальского угольного синдиката, председателем которого в 1893 г. был избран генерал-директор гельзенкирхенского горного общества Эмиль Кирдорф — тот самый Кирдорф, который уже с 1923 г. начал финансировать Гитлера.

«Всенемецкий союз» количественно никогда не был особенно крупной организацией. В 1913 г. он насчитывал всего лишь 20 тыс. членов. Сторонние наблюдатели — Луазо, Мюре, Бурдон — отмечали поразившее их несоответствие между небольшим количеством членов «Всенемецкого союза» и чрезвычайно большим политическим весом этой «гибкой и могущественной организации», этого, как выражался Бурдон, «государства в государстве»⁵.

Генрих Класс в своих мемуарах объясняет, что союз такого типа и не мог быть массовой организацией, так как «в основном можно было рассчитывать только на членов из образованного и независимого среднего сословия. Количественная ограниченность состава союза должна была уравновеситься значимостью и энергичной работой его членов... Задача заключалась в создании национально-политических командных кадров, возглавляемых в качестве главного штаба главным управлением (Hauptleitung) и исполнительным комитетом (Geschäftsführender Ausschuss) «Всенемецкого союза»⁶.

По свидетельскому показанию левобуржуазного журналиста Роберта Брейера, писавшего под псевдонимом «Германякус», этот политический аппарат тяжелой индустрии вербовался из офицеров, учителей, мелких чиновников и «других филистеров, за- всегда пивных, из патетических напы-

⁵ Loiseau H. «Le rangermanisme. Ce qu'il fut, ce qu'il est», p. 139—140. Paris. 1921; Muret M. «L'orgueil allemand», p. 297—299. Paris. 1915. Bourdon G. «L'enigme allemande», p. 191—194. Paris. 1918.

⁶ Glass H. Op. cit., S. 131.

шенных пасторов и плохих поэтов»¹. Если бы ко всем перечисленным категориям автор вынес за скобки два кратких определения — «продажных и корыстолюбивых», — тогда его характеристика состава «Всенемецкого союза» была бы совершенно точной.

Лишь во время войны 1914—1918 гг. представители тяжелой индустрии ощутили потребность превратить свой подсобный политический аппарат в широкую политическую партию. Как подготовительный шаг в этом направлении можно отметить петицию о ведении неограниченной подводной войны, поданную в 1916 г. рейхстагу, под которой было собрано 90 тыс. подписей.

В 1917 г., когда часть буржуазных партий была встревожена возможностью неблагоприятного для Германии исхода войны и приняла вместе с социал-демократией резолюцию о мире на основе соглашения, тяжелая индустрия создала так называемую «Отечественную партию».

Эта партия была организована 2 сентября 1917 г. вокруг популярной среди аннекционистов фигуры адмирала Тирпица при ближайшем участии земляка и друга Г. Класса — генерала Кейма, члена правления «Всенемецкого союза», одного из руководящих работников «Флотского союза» и организатора «Верферейна».

В октябре 1917 г., когда социал-демократы внесли в рейхстаг запоздалый запрос о пангерманской агитации в армии, на заседании «малого комитета» отечественной партии было постановлено, что «в интересах дела следует избегать всего того, что могло бы дать повод рассматривать «Отечественную партию» как иную форму «Всенемецкого союза»².

Во внутренней политике «Отечественная партия» стремилась оказать самое решительное сопротивление каким бы то ни было попыткам модернизировать государственную машину военного деспотизма. Вполне естественно, что за несколько дней до ноябрьского переворота 1918 г. представители тяжелой индустрии получили от одного из умеренно-консервативных публицистов

¹ Germanicus «Wir und die Alldeutschen». «Weltbühne», № 17, 14. Jahrgang S. 383.

² Wortmann K. «Geschichte der deutschen Vaterlands-Partei, 1917—1918 (Hallische Forschungen zur neueren Geschichte. Historische Studien. Heft 3)», S. 46. 1926. Автор, выпустивший эту книгу в 1926 г., и ставил своей задачей рассказать историю «Отечественной партии» таким образом, чтобы затушевывать преемственную связь между «Всенемецким союзом» и «Отечественной партией». Так требовалось писать историю в период расцвета веймарской республики: о «Всенемецком союзе» напоминать как можно меньше. Совсем в ином настроении писал свои воспоминания председатель «Всенемецкого

«добрый совет»: раслушать теперь же «Отечественную партию», и притом «как можно скорее»³. Уже в конце ноября 1918 г. совет был принят к исполнению.

К выборам в национальное собрание почти все прежние политические партии Германии переименовали свои вывески. На крайнем правом крыле выступила «Немецко-национальная народная партия», сложившаяся на основе аппарата прежней консервативной партии, но включившая в свой состав всех тех, которые, по словам того же публициста, «участвовали до самой последней точки над i во всех штуках пангерманцев и «Отечественной партии»⁴.

В 1928 г. председателем этой партии вместо графа Вестарпа стал А. Гугенберг, а в 1930 г. прусские аграрии вообще вышли из «Немецко-национальной народной партии». Последняя сделалась теперь партией, представляющей в рейхстаге исключительно интересы тяжелой индустрии. Но никаких особых успехов на парламентской арене за этим не последовало. Курддорф, Крупп, Тиссел и другие магнаты на это, собственно, и не рассчитывали. Полностью используя опыт деятельности «Всенемецкого союза», они исподволь создавали в лице фашистской партии новый наемный политический аппарат обмана и запугивания для восстановления военного деспотизма в еще более brutальной и оголенной форме.

Шовинистические кадры, воспитанные «Всенемецким союзом» и примыкавшими к нему организациями, вроде «Верферейна», «Союза школьной реформы», «Союза для гражданского воспитания и образования германского народа», пошли в дело при организации фашистской партии. И в еще большей степени пригодилась для обмана народных масс самым хищным среди империалистов — современным германским фашистам — та растленная литература, которую планомерно растил «Всенемецкий союз»: все эти Генрихи Вольфы и Генрихи Классы, все органы «чистого тевтонства и пангерманства», «образования германского народа на биологической основе», «преподавания истории и гражданского воспитания на всех студенческих школах»,

союза» Класс. В 1932 г., т. е. за год до фашистского переворота, «заслуги» «Всенемецкого союза» и его деятелей надо было возможно больше популяризировать. В частности в отношении Альфреда Гугенберга, в течение длинного ряда лет орудовавшего «в тени» и выступившего теперь на политическую авансцену, уместно было сообщить, что в 1891 г. именно он, совсем еще молодым человеком, составил первое воззвание «Всеобщего немецкого союза» по поводу занзибарского вопроса.

³ Grabowsky A. «Das Neue Deutschland», № 3. I November 1918, S. 55.

⁴ Ibidem, № 5, I Dezember 1918, S. 86.

ГОЛЛАНДИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

О. Рыковская

В памятные для каждого голландца дни 10—15 мая 1940 г. политическая и экономическая свобода Голландии была уничтожена германской военной машиной. Однако дух ее народа не может быть сломен ни молниеносными ударами германских армий, ни продолжительным национальным порабощением.

Голландия сохранила до последнего времени свою независимость в значительной мере благодаря соперничеству своих могущественных соседей: Англии, Франции и Германии, — которые зорко следили за тем, чтобы ни одна из соперниц не завладела в ущерб другим лакомым куском, каким являлась Голландия со своими богатейшими колониями в силу своего географического положения, сделавшего ее ключом к Средней Европе.

Несмотря на незначительность территории Голландия до оккупации занимала по удельному весу своей экономики одно из первых мест среди капиталистических держав мира. Это была страна мощного капитала, сильно развитой промышленности и интенсивного сельского хозяйства. Благодаря своему расположению при устье трех больших рек, на перекрестке торговых путей она занимала четвертое место в мировой торговле. Голландские торговые суда водоизмещением общей сложностью более 6 млн. тонн плавали по всем морям и вели торговлю со всеми странами земного шара.

Основным устоем внешней политики Голландии ввиду ее военной слабости с давних пор было соблюдение строго нейтральной позиции. Со времени последней войны с Бельгией, ликвидировавшей в 1839 г. неудачную унию, навязанную Нидерландам венским конгрессом, голландцы на разе не повалили. В борьбе между 50 религиозными сектами и более чем 30 политическими партиями Голландии главным содержанием были вопросы внутренней политики. Единственной партией, которая была тревогу — предостерегала против опасности германской агрессии и требовала усиления обороны, — была коммунистическая партия. Боясь войны, Голландия давно уже не претендовала на расширение своих европейских границ. Она уделяла мало внимания вопросам вооружения и обороны, хотя и побаивалась своей воинственной соседки.

Вопросы обороны отставались на заднем плане даже накануне и во время первой мировой империалистической войны. Одну из причин такой беспечности надо искать в том, что в Голландии были убеждены, что гораздо большему риску вторжения подвергается Бельгия. Недаром Ленин отзывался о Голландии, что она страдает «всею более от узкой, заскорузлой, корыстной и отупляющей замкнутости: пусть весь свет горит, наша хата с краю»¹.

Так как в 1914 г. германское нашествие обрушилось на Бельгию и в самом деле миновало Голландию, голландцы, торгуя, сте-

кулируя и богатея и в дни войны и после нее, наивно уверовали во всемогущество Лиги наций и тщательно избегали даже договоров о ненападении, оправдывая это нежелание тем соображением, что «либо они находятся в порядочной международной компании и тогда всякие пакты излишни, либо в непорядочной, и тогда никакие договоры все равно несостоятельны»².

Слабо реагировала Голландия даже на гитлеровский переворот 1933 года. Вносимые в Генеральные штаты предложения правительства об увеличении военного бюджета неизменно встречали упорную оппозицию. Мотивировалась она именно теми соображениями, которые высмеивал Ленин: «Мы же страна маленькая, войско у нас маленькое, мы ничего не можем поделать против великих держав»... «мы хотим остаться в покое в своем уголке-захолустье и продолжать вести захолустную политику»³.

Только оккупация Германией Австрии, Чехословакии и Польши встрянула общественное мнение Голландии. Стало очевидно, что ни одна из малых стран Европы не гарантирована от фашистской агрессии. Правда, гитлеровское правительство тщательно маскировало подготовляемый им поход на Голландию актами, символизирующими доверие и уважение к ней, однако правительство Колейна и королева Вильгельмина не могли более оставаться спокойными.

Наивная убежденность в незыблемости нейтралитета Голландии поддерживалась в значительной степени верой в непреодолимость естественных способов защиты страны водными ограждениями, уже не раз сыгравшими решающую роль в военной истории Голландии. Впрочем, не в одной только Голландии считали, что она вполне ограждена от неприятельского вторжения четырьмя линиями плотин и укреплений, которые могут быть взорваны в момент опасности для затопления полей и торфяных болот. Как показали события 10—15 мая 1940 г., надежды на спасительную силу водонепроницаемых ограждений не оправдались: ею даже не успели воспользоваться в полном объеме.

В последние месяцы перед нашествием немцев голландская полиция обнаружила множество германских шпионов. Обратило на себя внимание непомерное расширение штатов германского посольства; впоследствии выяснилось, что оно было в самом деле центром нацистской шпионско-диверсантской деятельности, которой руководил секретарь посольства барон фон Ган, участник переворота в Австрии.

Ряд крайне тревожных симптомов: стягивание германских войск к голландским и бельгийским границам и скопление понтонных на пограничных реках и каналах, рас-

¹ Van Kleffens «Juggernaut over Holland. Preface».

² Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 331.

³ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 264.

положение вдоль германо-голландской границы большого числа складов оружия и усиленное строительство германских аэродромов — заставил голландское правительство принять первые меры к самозащите. Но все они страдали беспомощностью и нерешительностью.

С осени 1939 г. голландское правительство понемногу отрешалось от своей боязни взглянуть в лицо надвигающейся опасности и обратило внимание на состоянии своей армии. С конца декабря начали приниматься экстренные меры, связанные с приближавшейся грозой: была объявлена трудовая повинность для мужчин от 18 до 60 лет, отменены отпуска военнослужащим, усилена охрана правительственных зданий, мостов, радиостанций, банков; в провинциях Северной и Южной Голландии (почему-то не со стороны Германии) введено военное положение.

Вступать в союз с Англией и Францией, которые неоднократно предлагали это, голландское правительство не решалось, опасаясь ускорить этим нападение Германии. С Бельгией никак не могли договориться. Созванная 23 августа 1939 г. в Брюсселе конференция малых стран имела результатом только выпущенный королем Леопольдом от их имени призыв к европейским державам — разрешить назревающий конфликт путем мирных переговоров. Безрезультатным оказалось также свидание Вильгельмины с Леопольдом в Гааге 5 ноября. Они предложили воюющим державам свое посредничество. Естественно, что такие бумажные способы борьбы с фашистскими агрессорами не могли привести ни к каким реальным успехам.

Два раза назначенное было наступление германских войск на Голландию — в ноябре 1939 и январе 1940 г. — откладывалось Гитлером, но надо было ожидать его со дня на день. В ожидании войны правительство лихорадочно спешило накопить запасы продовольствия, фуража и удобрений, нефти и сырья из колоний, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение армии и населения.

Как бы то ни было, время для решительных мер было упущено, а почва для успешного молниеносного нападения Германии подготовлена. Германский военный теоретик Банзе предсказывал полный успех предприятия: «Учитывая, что голландский народ сделался ленивым и невоинственным, нельзя ожидать от него стойкого сопротивления... Скорее можно допустить, что правительство удовлетворится бумажным протестом»¹.

Однако протестом голландское правительство не ограничило: оно мобилизовало пятисоттысячную армию и до последней минуты не переставало твердить о своем непоколебимом намерении отстаивать нейтралитет силой оружия, подчеркивая при этом, что не пуждается для этого в союзниках. Только 10 мая 1940 г. правительство через своих послов в Париже и Лондоне обратилось с просьбой о помощи к

агрессорам Англии и Франции. В тот же день соединения английских воздушных и французских наземных сил вступили в Голландию. Однако их незначительные размеры не могли оказать сколько-нибудь решительного влияния на исход военных действий.

Гитлер не искал веских поводов для агрессии. Обвинительный акт против Голландии, заранее состряпанный и «основанный» на «неопровержимых материалах», безательционно доказывал фиктивность голландского, равно как и бельгийского нейтралитета. Голландии предъявлялось обвинение в том, что она давно вела переговоры с западными державами о пропуске их войск через свою территорию и помощи им; ее обвиняли в укреплении только восточной границы (тогда как на самом деле наблюдалось обратное) и в отказе пропустить германские войска, направляемые для предупреждения англо-французского вторжения в Рурскую область. Германские солдаты-де шли в Голландию «не как враги, а как друзья», чтобы избавить ее от «трагической обреченности быть всегда сферой английских интересов»².

В ночь на 10 мая германская западная армия под командой ген. Кейтеля перешла на широком фронте голландскую границу и открыла военные действия. В приказе Гитлера по армии 10 мая говорилось: «Настал час решительной битвы... Начавшийся сегодня бой решает судьбу германской нации на ближайшие тысячелетия»³.

Среди ночи деревня за деревней, город за городом просыпались от гула моторов бесчисленных аэропланов, летевших из Германии. Вслед за тем началась бомбардировка беззащитных мирных сел и городов Голландии.

Спускавшимися с четырех часов утра тысячами парашютистов были прежде всего захвачены военные аэродромы в Ваальгафене, близ Роттердама, и другие. Почти одновременно началась интенсивная бомбардировка Амстердама и Гааги. Прибывшие по Рейну под видом «товаров из Германии» нацистские солдаты и прилетевшие за ними офицеры рассеялись 10 мая по Роттердаму с заранее намеченными заданиями и способствовали взятию ваальгафенского аэродрома, в чем им помогали и местные голландские нацисты-мюссертовцы. В 6 час. утра спустились воздушные десанты в Дельфте и Дордрехте. Гаага подверглась непрерывной бомбардировке с воздуха с 5 до 10 час. утра. О силе бомбардировки можно судить уже по тому, что только за эти 5 час. гаагскими зенитчиками было сбито до 100 германских самолетов. Отдельные отряды парашютистов спускались неожиданно в тыл голландских частей и причиняли им значительные потери. Некоторые нападали под прикрытием голландских жевщиц, которых они гнала перед собой. Очень многие парашютисты были переодеты голландски-

² «Archiv der Gegenwart», S. 4502. 1940; Rheinfahe n W. «Aussenpolitische Kriegschronik», S. 342—344. «Berliner Monatshefte». Juni 1940.

³ Ibidem.

¹ Banse «Wehrwissenschaft», S. 356.

ми или бельгийскими военными, полицейскими, почтальонами, кондукторами, священниками и даже сестрами милосердия. Нередко встречались среди них немки, служившие до того домашними работницами в Голландии и состоявшие, очевидно, на службе гестапо.

По трем рекам прибывали из Германии все новые силы, а с воздуха сыпалась новая туша парашютистов. В Роттердаме их снизилось после овладения аэродромом более 10 тыс., даже с полевой артиллерией. В воздушных боях при захвате роттердамских мостов было уничтожено свыше 150 германских самолетов, но голландцы потеряли до 90% своих воздушных сил. Для Германии такие потери не имели значения, голландские же силы иссякали в неравной борьбе с влетающими новыми и новыми эскадрильями. Оба моста через Маас в Роттердаме и очень важный в стратегическом отношении Мурдайковский мост, близ Дордрехта, были захвачены обманом: голландцы не успели взорвать их, не признав сразу замаскированных врагов. При чрезвычайной плотности населения Голландии (около 270 чел. на 1 кв. километр) оно терпело с первого же дня войны жесточайшие потери.

В 6 час. утра к министру иностранных дел ван Клеффевсу явился германский посол фон Цех со следующим заявлением: «Извещаем вас о вступлении в пределы Голландии колоссальных германских сил. Никакое сопротивление недопустимо. В случае покорности Германия гарантирует неприкосновенность голландской территории в Европе и за океаном и сохранение Оранской династии. В противном случае возникает опасность полного уничтожения страны и ее государственного строя»¹. На это длинное заявление министр ответил в немногих словах: «Голландское правительство считает себя в состоянии войны с Германией».

Изданный в тот же день королевский манифест о начавшейся войне гласил между прочим: «Наша родина, соблюдавшая неизменно строжайший нейтралитет, подверглась сегодня нападению военных сил Германии без предупреждения и вопреки данному ею торжественному обещанию уважать наш нейтралитет, если мы сами будем поддерживать его. Мы заявляем самый резкий протест против этого. Я и мое правительство исполнили свой долг. Пусть исполняют его так же все голландцы»².

Между тем дипломатическим представителям Голландии, Бельгии и Люксембурга в Берлине был вручен в 6 час. 15 мин. утра заготовленный заранее, еще 29 марта, меморандум, подписанный командующим действующей в Голландии германской армией ген. Кейтелем. Меморандум обвинял голландское и бельгийское правительства в пособничестве англо-французским агрессивным намерениям, в частности английскому «Интеллидженс сервис» в его попытках организовать в Германии государственный переворот с устранением от

власти фюрера. Неопровержимые доказательства антигерманской политики Нидерландов якобы вынудили Гитлера отдать приказ германским войскам «обеспечить всеми имеющимися в их распоряжении средствами нейтралитет названных стран».

Другой меморандум германского правительства с приложением донесений германского высшего командования и министров Гимmlера и Фрика был передан Риббентропом голландскому послу в Берлине на следующий день—11 мая. В меморандуме утверждалось, что «вполне доказанные и совершенно неоспоримые факты» свидетельствуют о том, что Голландия стала с самого начала войны на сторону союзников вопреки официально провозглашаемой политике нейтралитета, которая является «в свете установленных фактов» лишь попыткой скрыть истинные ее цели; что «неопровержимые доказательства» неизбежности англо-французского вторжения в Рур через Нидерланды не позволяют сомневаться в решимости Голландии и Бельгии даже способствовать этому вторжению. В итоге «германское правительство не намерено пассивно ожидать нападения и позволить противнику вести войну на германской земле»³.

Прогрессивное человечество взглянуло, как известно, другими глазами на разгром Гитлером Голландии и ряда других стран Европы, а также на его выступление против Советского Союза. Выразителем этого взгляда является товарищ Сталин, который в своем приказе 1 мая 1942 г. писал: «Только обманщики могут утверждать, что Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Греция, Советский Союз и другие свободолюбивые страны покушались на целостность и независимость Германии. На самом деле немецкие фашисты являются не националистами, а империалистами, захватывающими чужие страны и высасывающими из них кровь для того, чтобы обогатить немецких банкиров и плутократов».

Не прошло и нескольких часов после открытия военных действий, как уже выяснилось, что все планы ведения войны, разработанные голландским генеральным штабом, вскоре подорваны германской авиацией, к борьбе с которой Голландия абсолютно не была подготовлена. Вскоре самое сердце страны очутилось в руках немецких парашютистов, которые в полном вооружении рассыпались в сопровождении членов «пятой колонны» по окрестностям, вселяя ужас и растерянность среди мирного населения и замешательство в ряды войск.

Голландская армия под верховным командованием ген. Вискельмана оказывала агрессорам отчаянное сопротивление, по ей была не под силу борьба с германской военной машиной, превосходившей ее во много раз как по численности, так и по технике. Уже на второй день войны, 11 мая, голландский фронт отодвинулся с боями до главной линии укреплений вдоль реки Эйсселя. При этом был затоплен ряд полей. 12 мая немцами были заняты провинция Фрисландия, восточное побережье залива

¹ «Archiv der Gegenwart», S. 4530. 1940.

² Ibidem.

³ «Archiv der Gegenwart», S. 4524 ff.

Зейдерзее, прорваны линии обороны Эйсельская и Греббе. Вся Голландия превратилась в одно обширное поле битвы. Немцы продвигались сплошными колоннами с северо-востока через Зейдерзее и провинцию Северную Голландию и с юга—через прорыв между голландской и бельгийской линиями обороны и через Мурдайкский мост. 13 мая ни у кого уже не оставалось надежды на спасение. Линия Греббе еще держалась, на востоке отмечались кое-какие удачи, но не было сил сдержать неиссякаемый приток фашистских войск.

Ввиду угрозы личной безопасности королевы и правительства они эвакуировались на английских военных кораблях в Лондон.

По плану германского правительства и командования предполагалось произвести одновременно с вторжением в метрополию также захват власти в Голландской Индии. Центром фашистской деятельности являлись, как всегда и везде, германские консульства. Заговором руководил «спортсмен, охотник и этнолог» барон фон Плессен. К дню вторжения в метрополию 10 мая (по яванскому времени 11-го) все было в боевой готовности. Ожидался только приказ о восстании, назначенном на 12 мая. Заговор открылся благодаря бдительности скромного чиновника багавского почтамта, которому пришедшая утром 11 мая шифрованная телеграмма на имя германского генерального консула показалась подозрительной, и он пригласил военных для ее расшифровки. Оказалось, что это был приказ немедленно поднять восстание по всему архипелагу при участии находившихся в индонезийских портах 23 германских судов. Рекомендовались предельные быстрота и натиск.

Генерал-губернатором был немедленно отдан приказ об аресте всех проживающих в Индонезии немцев и сочувствующих фашизму голландцев и о захвате германских судов. Путч не удался.

День 14 мая отмечен одним из величайших злодеяний германского фашизма — разрушением Роттердама, объявленного открытым городом. Мстя за сожжение английской авиацией роттердамских нефтяных складов, в которых хранился запас нефти на 3 года, германское командование отправило на беззащитный город 125 бомбардировщиков. В 25—30 мин. они превратили центральные и соседние с портом районы Роттердама в груды дымящихся развалин. Разрушены тысячи зданий, в том числе много ценных исторических памятников. Погибло свыше 30 тыс. жителей, около 80 тыс. осталось без крова. Пожары бушевали две недели, так как не было воды, чтобы тушить их. Над очисткой города работали в течение 6 мес 20 тыс. человек. Роттердам «капитулировал».

14 мая был последним днем голландской отечественной войны. Голландская армия в своем отступлении достигла последней линии укреплений. Авиация больше не существовала: последний летчик сбросил последние бомбы на ваальгафенский аэродром, занятый немцами, и погиб вместе со своим самолетом. К испытанному когда-то средству обороны—открытию шлюзов—не успели

прибегнуть, а может быть, утратили веру в его эффективность. Армия потеряла 1/3 своего состава. Полученным из Лондона правительственным распоряжением генералу Винкельману предоставлялась свобода действий в принятии решений о войне и мире. Исход неравной борьбы был в достаточной мере ясен. Винкельман издал приказ о прекращении сопротивления.

В пять дней богатая, цветущая страна была приведена в состояние разрушения. Госпитали переполнились ранеными, десятки тысяч семейств оплакивали своих убитых. Причиненные военными действиями убытки оценивались в сумму, равную почти половине годового национального дохода (в 1939 г.—627,6 млн. флоринов государственных доходов).

«Свет померк над свободной Голландией,—говорило голландское правительство в обращении по радио ко всему миру.—Голоса свободы, милосердия, терпимости и религии вынуждены умолкнуть»¹. «Но не будем отчаиваться!»—призывал королевский манифест от 13 мая. «Правительство, как таковое, не сдалось». И хотя «неизвестен день, когда Голландия станет опять свободной... но все мы верим, что он наступит»,—прибавил фан Клеффенс.

После капитуляции голландской армии, подписанной ген. Винкельманом в 11 час. утра 15 мая, в течение трех дней продолжались еще кое-где военные действия. Последние бои на Зеландских островах прекратились 18 мая. 16 мая германские войска вступили в Гаагу и Амстердам. К 20-му вся Голландия, за исключением небольшого уголка на югозападе, была в немецких руках. В тот же день последовало назначение гражданским правителем новой «германской области» имперского комиссара Зейс-Инкварта, а военным—генерала от авиации Христиансена. До их приезда Голландия оставалась под управлением военной комиссии во главе с ген. фон Фалькенгаузенем. Передача им власти вновь назначенным правителям состоялась 29—30 мая, а 1 июня приказом за подписью Гитлера и Браухича была официально провозглашена оккупация Голландии.

Катастрофически быстрый захват Голландии германскими фашистами следует рассматривать как результат недалековидности ее правительства, не попытавшегося даже укрепить свое положение союзом с демократическими странами, результат его непонимания политической ситуации, недооценки военной мощи Германии, близорукости снисходительности к прояскам немцев, а также и к своим доморожденным нацистам с их тлетворной пропагандой и предательским образом действий, терпимости к «лжтой колонне».

Введение «нового порядка» в Голландию началось с уничтожения демократических завоеваний народа.

Приказом 15 мая Гитлер упразднил Генеральные штаты. Приказом Зейс-Инкварта присваивалась сила закона. Наместник вы-

¹ Van Kleffens. Op. cit., p. 160.

ступил со своей «тронной речью» в зале древнего рыцарского замка в Гааге, где произносились всегда тронные речи королевы при открытии сессий Генеральных штатов. Наместник объявил себя высшей «законной» властью и обещал охранять интересы тех жителей, которые пожелают работать совместно с германской администрацией, подчеркнув, однако, что «все интересы должны быть подчинены борьбе за жизнь германского народа». Министерства были заменены генеральными комиссариатами, возглавленными сподвижниками Зейса. Во все 11 провинций и в главные города были немедленно назначены комиссары из заслуженных германских, а позже и голландских нацистов. В вышеупомянутом приказе от 15 мая Гитлер обещал сохранение голландского кодекса законов и судопроизводства. Но очень скоро от голландских законов и независимости суда осталось очень немного. В середине июня Христиансен подчинил компетенции военных судов дела о саботаже, 17 июня были открыты военные трибуналы, ведению которых подчинены «преступления» против «третьей империи», ее фюрера, германской армии и ее вождей. А с 20 июня на Голландию было распространено действие германских уголовных законов. Голландская полиция подчинена германской. С середины июня гитлеровское правительство лишило Голландию права дипломатических сношений с другими государствами. Все голландские миссии были отозваны. Огненные все вопросы внешней политики решаются в Берлине. Голландская конституция заменена абсолютной властью гитлеровского сатрапа, парламент — фашистскими канцеляриями, законность — военными трибуналами.

Наряду с насильями в области политической шли разрушения и в области экономической. Все отрасли народного хозяйства были разделены на 6 групп, соответственно имперским группам. Распределение продуктов, индустриального сырья и рабочей силы подчинено имперским комитетам (Rijksbureaus) подобным имперским комитетам «третьей империи».

Последствия введения «нового порядка» не замедлили дать себя почувствовать. Наступила полоса конфискации, секвестров, изъятий, «скупки». В Германию потянулись поезда и пароходы, груженные молочными продуктами, живым и битым скотом и птицей, овощами и фруктами. За три месяца оккупации, до 20 августа 1940 г., было вывезено 700 тыс. т одного только картофеля против обычной годовой нормы его экспорта в Германию—43 тыс. тонн. Сельскому хозяйству Голландии был нанесен огромный ущерб. У Голландии даже в мирное время не хватало кормов для скота и удобрений. Она ввозила из-за границы 66% кормового зерна, сырье для концентрированных кормов и искусственное удобрение в среднем на 120 млн. флоринов в год¹. После оккупации

ей было отказано в снабжении столь важными для нее продуктами. Следствием этого было уменьшение поголовья скота на $\frac{1}{2}$, молочных продуктов—на $\frac{1}{4}$, а масла—даже больше того. Около 20% коров немцы скупали за бесценок. К началу 1941 г. ими было забрано 25 тыс. лошадей. Количество домашней птицы сократилось за год на $\frac{1}{4}$; с 29 до 7 миллионов. Рыбная ловля прекратилась почти совсем, отчасти еще до оккупации, из-за блокады.

Традиционной свободе торговли был положен конец, колониальная торговля замерла.

В конце июня вышел приказ о секвестре имущества подданных враждебных держав и о сдаче в Нидерландский банк, уже приобретенный захватчиками к рукам, всего золота, платины и иностранных девизов, находившихся во владении частных лиц. Хранившиеся в Нидерландском банке государственные ценности и оставшаяся в его хранении часть золотого запаса от общей суммы 1,48 млн. флоринов были присвоены захватчиками.

Разграбив наличные запасы продовольствия, оккупанты ввели рacionamento продуктов. Норма хлеба — менее 300 г в день. Потребление мяса ограничено до последней степени. При этом многих продуктов недостает, или же они вовсе отсутствуют. Растет дороговизна. Ограничилась донельзя возможность приобретения одежды и обуви. Сильно расстроился транспорт, так как фашисты вывезли в Германию все запасы бензина и керосина и угнали значительную часть железнодорожного подвижного состава, барж и грузовых машин.

Гитлеровцы не признают за Голландией даже права на собственную историю: до оккупации истории у голландцев якобы не было, они не играли никакой роли в судьбах Европы, были «неисторичны» — «geschichtslos». Чтобы ввести Голландию «в сферу историчности», Гитлер решил создать в ней «новый» государственный строй «из ничего». Порабощение голландского народа фашистскими палачами прикрывалось гитлеровской демагогией о том, будто задачей оккупантов является превращение голландцев «в трудящих и мукающих в здоровый и сильный нидерландско-германский народ»².

Ни рабочий класс Голландии, ни ее буржуазия, ни интеллигенция не хотят, однако, признавать себя «членами германского семейства» и не идут навстречу немцам. Для фашизации голландского народа взяты под надзор все стороны духовной жизни страны, все области ее культуры. Надзор осуществляется через комиссариат народного образования, разделенный на департаменты, возглавленные голландскими фашистами — ван Дамом и Гудевагеном. Фаши-

² Schobert «Embruch in Holland. Zeitschrift für Politik». Oktober 1941, S. 608—623.

¹ «Politiek en cultuur». Amsterdam. 1938.

стской цензуре подвергнуты все библиотеки, из которых изъяты все негодные оккупантам книги и школьные учебники. Печать унифицирована. Союз журналистов распущен. Все кинокомпании секвестрованы. Радиовещание заменено принудительными фашистскими сообщениями. В итоге число абонентов радио уменьшилось на одну треть.

Голландцы вынуждены смотреть немецкие пьесы, немецкие фильмы, слушать немецкую музыку; русская музыка вовсе не допускается.

Коммунистическая партия Голландии загнана в глубокое подполье. Запрещена также социал-демократическая рабочая партия Голландии, которая представляла вместе с коммунистической партией Голландии почти четверть всех избирателей.

Руководство «профсоюзами» поручено нацисту Вауденбергу, который в спешном порядке превратил совет профсоюзов в национально-социалистскую организацию. Для молодых, как и для старых рабочих, энергично проводится в жизнь принцип «чести труда», во славу фашистской Германии, провозглашенный Зейсом в речи 22 ноября 1940 года. «Мы прямо говорим рабочим,— сказал, Зейс,— что... общность нашей судьбы начнется с ограничений... Речь идет о существовании 85-миллионного народа, который, разумеется, не должен погибнуть из-за того, что голландцы не желают быть вовлеченными в историю... Они обязаны разделить участь этих 85 миллионов немцев: так сказал фюрер»¹.

На германские предприятия к концу 1940 г. было загнано уже около 95 тыс. голландцев, завербованных под угрозой лишения трудового пособия и прочих льгот. Позже были отправлены туда еще 160 тысяч. Вырвавшиеся с германской каторги счастливыцы говорят в один голос, что предпочитают голодать дома, чем работать в Германии.

Голландская фашистская партия пижкетера А. Мюссерта и Роста ван Тоннинген «Национал-социалистическое движение», основанная в декабре 1931 г., в высшей степени непопулярна в народе. Большинству ненавистно само имя Мюссерта. Но под активным покровительством немцев она развивает свою деятельность. Неудачи на идеологическом фронте побудили Мюссерта прибегнуть к физическим методам воздействия на массы. Им организованы скопированные с гитлеровских шюцкоровских организаций «боевые дружины», которые занимаются травлей евреев и провоцированием уличных беспорядков.

Положение евреев стало невыносимым. Декретом Зейс-Инкварта от 6 октября 1940 г. и дальнейшими 120 тыс. голландских евреев были лишены всех прав на человеческое существование. Однако антиеврейские мероприятия не встречали сочувствия среди голландского народа. Ответом на преследование евреев явились студенческие забастовки и протесты духовенства.

По инициативе Зейс-Инкварта, в июне—июле 1940 г. образовалось новое партийное

объединение, задуманное им как профашистское. Но оккупанты вызвали духа, причиняющего им массу беспокойства. Первое названное наместником воззвание оказалось для него неприемлемым, так как выражало желание Голландии быть независимой и жить под скипетром Оранского дома. Другое воззвание, опубликованное 24 июня тремя голландцами: Линдхорстом Хоманом, Эйндоффеном и де Кейем,—отстаивало идею объединения политических партий на базе компромиссной программы, носившей в общем фашистский характер, однако с требованием свободы и терпимости. Начинание «триумvirата» имело громадный успех как единственная отдушина для привычной голландцам политической деятельности. К концу 1940 г. в новой партии, названной Нидерландской унией, насчитывалось более 700 тыс. членов, т. е. чуть ли не 10% населения. Фашистам, однако, пришлось не по вкусу подозрительный успех унии, и они сильно ограничили круг ее деятельности.

Насколько позволяют о том судить чрезвычайно скудные сведения из Голландии, часть социал-демократов вошла в унию. Остальные образовали 15 сентября 1940 г. под руководством оппортуниста ван дер Зее «Нидерландское рабочее социалистическое объединение», поставившее себе целью вести рабочее движение «в рамках современности», т. е. подчинить рабочих фашистскому режиму.

Коммунистическая партия Голландии в условиях нелегального существования ведет борьбу под знаменем единства голландского народа в его национально-освободительном движении, под лозунгом полного изгнания фашистских угнетателей.

Коммунистическая партия Голландии является организатором антифашистского движения, вначале стихийного. В тяжелых условиях оккупации КПГ четко ставит вопрос о двух лагерях: за оккупантов или против них, направляя огонь против той части буржуазии, которая работает с гитлеровцами. Все те, кто борется против оккупантов, независимо от социального положения и партийности, составляют один лагерь борцов за свободу и демократию. На таких именно началах была проведена в феврале 1941 г. совместная забастовка рабочих и предпринимателей против общего врага — гитлеризма. Даже «возвращение к прошлому,— говорит ЦК компартии в своем воззвании по вопросу о национальном единстве,— большой шаг вперед по сравнению с настоящим положением»².

Голландцы борются с фашистами бойкотом и саботажем. Кино, где демонстрируются германские фильмы, пустуют; немецкие газеты не читаются. Акты саботажа на предприятиях стали бытовым явлением. Значительное участие в антифашистском движении приняло духовенство, особенно католическое. Совет католических епископов предостерег желающих вступить в мюссертовскую партию, что ее члены не будут допускаться к причастию. В Гарлеме гитле-

² См. «Коммунистический Интернационал» № 1—2 за 1942 г., стр. 93

¹ «Archiv der Gegenwart», 1940.

ровцы с возмущением требовали отозвания в Рим «священников-политиков» и замены их такими, которые интересуются только религией. Протестантское духовенство резко выступило против расовой политики. Надо знать, каким влиянием пользуются в Голландии церковь и духовенство, чтобы понять все значение проявляемого ими отношения к фашизму.

Возмущение было вызвано в стране заключением в тюрьму, а затем ссылкой в Германию ген. Винкельмана якобы за беспорядки, допущенные им при демобилизации армии, а фактически за разоблачение немецких фальшивых документов, «доказывавших» договоренность Голландии и Бельгии с западными державами о пропуске их армий через свои территории.

На недоброжелательное отношение населения к оккупантам и их агентуре военный губернатор Христиансен ответил строгими карами. До смертной казни включительно караются выступления против представителей германской власти и армии, выражение сочувствия англичанам и укрывательство сторонников Англии. Дружелюбие в отношении СССР считается государственным преступлением, а уличенным в поддержке Советского Союза грозит смертная казнь.

Но драконовские меры не ослабляют, а усиливают ненависть голландцев к оккупантам и их симпатии к антигитлеровской коалиции. Пленных английских летчиков встречают овациями, а в случаях вынужденной посадки самолета экипажу оказывается всесторонняя помощь.

В феврале 1941 г. имели место крупные народные волнения в Амстердаме, спровоцированные 2 февраля антиеврейской демонстрацией мюссертовцев. Забастовали амстердамские коммунальщики, затем роттердамские докеры и рабочие провинции Северной Голландии, где было ввиду этого введено военное положение, а управление ею передано Христиансену. На заводах, выполняющих германские заказы, резко понизилась производительность труда. В итоге массовых отказов от работы на военных заводах был введен закон о принудительной трудовой повинности; отказывающихся от работы отправляют в Германию, а взамен людей, полных сил, оттуда возвращают рабочих с подорванным здоровьем, лишившихся трудоспособности.

В начале 1942 г. был раскрыт заговор против оккупационных властей. Фашисты приписывают заговорщикам подготовку к

вооруженному восстанию в момент ожидаемой с нетерпением высадки английского десанта. Военный суд приговорил к расстрелу 79 участников заговора. Но на репрессии и казни население отвечает новыми массовыми актами саботажа, диверсиями, стихийными антигерманскими демонстрациями, организацией взрывов военных складов. Волна открытых возмущений, прокатившаяся по всей стране, вызвала даже приезд в Голландию верховного палача Гимmlера. Вся страна насыщена ненавистью к фашизму и фашистам.

Боясь вредного влияния населения на солдат, оккупационные власти не оставляют их долго на одном месте и не расквартировывают по домам. Но несмотря на эти предосторожности настроение германских гарнизонов заметно снижается перед лицом все растущей ненависти населения к оккупантам. Чаше и чаще находят в каналах тела убитых немцев и мюссертовцев, учащаются пожары и взрывы военных заводов и складов, спускаются под откосы воинские поезда, возникают новые антифашистские заговоры. Голландия не сдастся.

Настроения голландского народа при «новом порядке» прекрасно резюмируют слова бывшего министра иностранных дел ван Клеффенса: «Немцы могут заигрывать с голландским народом или терроризировать его. Могут морить его голодом, как морят свое собственное население, или еще хуже. Могут обращаться с голландцами, которые никогда не причинили им зла, прилично или грубо и грабить их. Но что бы они ни делали, они не смогут убедить свои жертвы, что не Германия виновата в том, что они голодают, тогда как обычно в стране царил изобилие..., что не Германия виной в том, что торговля замирает, ресурсы быстро тают, нищета и голод выглядывают из-за каждого угла там, где прежде было счастье и богатство; что магазины пусты не оттого, что Германия завладела всем с первого момента оккупации; что во всей Голландии воцарились мрак, подозрительность, плохо скрытая ненависть; что развалины Роттердама вопиют к небу... Наступит день, и Голландия снова возвратит себе свободу, как в дни испанской тирании или после наполеоновских войн. Она не потерпит рабства»¹.

¹ Van Kieffens. Op. cit.

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ОТВЕТЫ тов. И. В. СТАЛИНА НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОГО АГЕНТСТВА АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

Московский корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс г. Кэссиди 12 ноября обратился к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталину с письмом, в котором он просил ответить на три вопроса, интересующие американскую общественность.

Тов. И. В. Сталин ответил г-ну Кэссиди следующим письмом:

«Г-н Кэссиди!

Отвечаю на Ваши вопросы, присланные 12 ноября:

1. «Как Советская сторона расценивает кампанию союзников в Африке?»

Ответ. Советская сторона расценивает эту кампанию как выдающийся факт большой важности, демонстрирующий растущую мощь вооруженных сил союзников и открывающий перспективу распада итало-немецкой коалиции в ближайшее время.

Кампания в Африке лишней раз опровергает скептиков, утверждающих, что англо-американские руководители неспособны организовать серьезную военную кампанию. Не может быть сомнения, что только первоклассные организаторы могли осуществить такие серьезные военные операции, как успешные десанты в Северной Африке через океан, быстрое занятие портов и обширных территорий от Касабланка до Бужи и мастерски проводимый разгром итало-немецких войск в Западной пустыне.

2. «Насколько эффективна эта кампания в смысле уменьшения давления на Советский Союз и какой дальнейшей помощи ожидает Советский Союз?»

Ответ. Пока еще рано говорить о степени эффективности этой кампании в смысле уменьшения непосредственного давления на Советский Союз. Но можно сказать с уверенностью, что эффект будет не малый и известное уменьшение давления на Советский Союз наступит уже в ближайшее время.

Дело, однако, не только в этом. Дело прежде всего в том, что поскольку кампания в Африке означает переход инициативы в руки наших союзников, она меняет в корне военно-политическое положение в Европе в пользу англо-советско-американской коалиции. Она подрывает авторитет гитлеровской Германии, как руководящей силы в системе государств оси, и деморализует союзников Гитлера в Европе. Она выводит Францию из состояния оцепенения, мобилизует антигитлеровские силы Франции и дает базу для организации антигитлеровской французской армии. Она создает условия для вывода из строя Италии и для изоляции гитлеровской Германии. Наконец, она создает предпосылки для организации второго фронта в Европе поближе к жизненным центрам Германии, что будет иметь решающее значение в деле организации победы над гитлеровской тиранией.

3. «Какова вероятность присоединения советской наступательной силы на Востоке к союзникам на Западе в целях ускорения окончательной победы?»

Ответ. Можно не сомневаться в том, что Красная Армия выполнит с честью свою задачу, так же как она выполняла ее на протяжении всей войны.

С уважением
И. СТАЛИН

13 ноября 1942 года.
Правда от 14/XI—42 г.

С ФРОНТОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДАР ПО ГРУППЕ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ ВЛАДИКАВКАЗА (гор. ОРДЖОНИКИДЗЕ)

Многодневные бои на подступах к Владикавказу (гор. Орджоникидзе) закончились поражением немцев.

В этих боях нашими войсками разгромлены 13 немецкая танковая дивизия, полк «Бранденбург», 45 велосипедный батальон, 7 саперный батальон, 528 дивизион противотанковой обороны, батальон 1 немецкой горно-стрелковой дивизии и 336 отдельный батальон.

Нанесены серьезные потери 23 немецкой танковой дивизии, 2 румынской горно-стрелковой дивизии и другим частям противника.

Наши войска захватили при этом 140 немецких танков, 7 бронемашин, 70 орудий разных калибров, в том числе 36 дальнебойных, 95 минометов, из них 4 шестиствольных, 84 пулемета, 2.350 автомашин, 183 мотоцикла, свыше 1 миллиона патронов, 2 склада боеприпасов, склад продовольствия и другие трофеи.

На поле боя немцы оставили свыше 5.000 трупов солдат и офицеров. Количество раненых немцев в несколько раз превышает число убитых.

Совинформбюро.

«Правда» от 20/XI—42 г.

УСПЕШНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ гор. СТАЛИНГРАДА

На днях наши войска, расположенные на подступах Сталинграда, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада и с юга от Сталинграда. Прорвав оборонительную линию противника протяжением 30 километров на северо-западе (в районе Серафимович), а на юге от Сталинграда — протяжением 20 километров, наши войска за три дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись на 60—70 километров. Нашими войсками заняты гор. КАЛАЧ на восточном берегу Дона, станция КРИВОМУЗГИНСКАЯ (Советск), станция и город АБГАНЕРОВО. Таким образом, обе железные дороги, снабжающие войска противника, расположенные восточнее Дона, оказались прерванными.

В ходе наступления наших войск полностью разгромлены шесть пехотных и одна танковая дивизия противника. Нанесены большие потери семи пехотным, двум танковым и двум моторизованным дивизиям противника.

Захвачено за три дня боев 13.000 пленных и 360 орудий.

Захвачено также много пулеметов, минометов, винтовок, автомашин, большое количество складов с боеприпасами, вооружением и продовольствием. Трофеи подсчитываются.

Противник оставил на поле боя более 14.000 трупов солдат и офицеров.

В боях отличились войска генерал-лейтенанта т. РОМАНЕНКО, генерал-майора т. ЧИСТЯКОВА, генерал-майора т. ТОЛБУХИНА, генерал-майора т. ТРУФАНОВА, генерал-лейтенанта т. БАТОВА.

Наступление наших войск продолжается.

Совинформбюро.

«Правда» от 23/XI—42 г.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В течение 23-го ноября наши войска, продолжая наступление, в северо-западном направлении прошли 10—20 километров и заняли гор. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ, гор. ПЕРЕЛАЗОВСКИЙ и местечко ПОГОДИНСКИЙ. На юге от Сталинграда наши войска продвинулись на 15—20 километров и заняли гор. ТУНДУТОВО и гор. АКСАЙ.

К исходу 23-го ноября количество пленных увеличилось на 11 тысяч и теперь количество пленных составляет 24 тысячи.

Всего захвачено трофеев к исходу 23-го ноября: орудий — 557, автомашин — 2.826, железнодорожных вагонов — 1.200, пулеметов — 2.625, самолетов исправных — 32, танков исправных — 35 и большое количество ручного оружия и боеприпасов, пока еще не учтенных.

Уничтожено: самолетов — 70, танков — 157, орудий — 186.

За 23-е ноября противник оставил на поле боя 12 тысяч трупов солдат и офицеров.

Совинформбюро.

«Правда» от 24/XI—42 г.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В течение 24 ноября наши войска под Сталинградом продолжали развивать наступление. На северо-западном участке фронта наши войска продвинулись на 40 километров и заняли город и станцию СУРОВИКИНО. В районе излучины Дона наши войска продвинулись на 6—10 километров и заняли населенные пункты ЗИМОВСКИЙ, КАМЫШИНКА, БЛИЖНЯЯ ПЕРЕКОПКА, ТРЕХОСТРОВСКАЯ, СИРОТИНСКАЯ. Юго-западнее Клетская нами взяты в плен три ранее окруженных дивизии противника во главе с тремя генералами и их штабами. Наши войска, наступающие севернее Сталинграда, заняв населенные пункты ТОМИЛИН, АКАТОВКА, ЛАТОШАНКА на берегу Волги, соединились с войсками, обороняющими северную часть Сталинграда. На юге от Сталинграда наши войска продвинулись на 15—20 километров и заняли город САДОВОЕ и населенные пункты УМАНЦЕВО, ПЕРЕГРУЗНЫЙ.

К исходу 24 ноября количество пленных увеличилось на 12.000 человек. Всего за время боев взято в плен 36.000 солдат и офицеров противника.

По неполным данным, за время боев с 19 по 24 ноября нашими войсками захвачены трофеи: орудий всех калибров — 1.164, танков исправных и неисправных — 431, самолетов исправных и неисправных — 88, автомашин — 3.940, лошадей — более 5.000, 3 миллиона снарядов, 18 миллионов патронов, большое количество ручного оружия, склады с боеприпасами, снаряжением и продовольствием, которые учитываются.

За 24 ноября противник оставил на поле боя свыше 15.000 трупов солдат и офицеров.

«Правда» от 25/XI—42 г.

Совинформбюро.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В течение 25 ноября наши войска в районе гор. СТАЛИНГРАДА, преодолевая сопротивление противника, продолжали наступление на прежних направлениях. На северо-западном участке фронта наши войска заняли железнодорожные станции РЫЧКОВСКИЙ, НОВОМАКСИМОВСКИЙ, СТАРОМАКСИМОВСКИЙ и населенные пункты МАЛОНАБАТОВСКИЙ, БИРЮЧКОВ, РОДИОНОВ, БОЛЬШАЯ ДОНЩИНКА, МАЛАЯ ДОНЩИНКА.

В районе населенных пунктов Большая Донщинка и Малая Донщинка разгромлены ранее окруженные части 22 танковой дивизии противника.

К исходу 25 ноября количество пленных увеличилось на 15.000 человек. Всего за время боев с 19 по 25 ноября наши войска захватили в плен 51.000 солдат и офицеров противника.

За время боев с 19 по 25 ноября нашими войсками захвачено орудий всех калибров — 1.300, автомашин — 5.618 и 52 склада с боеприпасами, снаряжением и продовольствием.

За 25 ноября противник потерял убитыми до 6.000 солдат и офицеров.

Совинформбюро.

«Правда» от 26/XI—42 г.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК ПОД СТАЛИНГРАДОМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В течение 26 ноября наши войска в районе гор. СТАЛИНГРАДА, преодолевая сопротивление противника, продолжали наступление на прежних направлениях. На северо-западном участке фронта наши войска заняли населенные пункты КРАСНОЕ СЕЛО и ГЕНЕРАЛОВ. В районе излучины реки Дон наши войска заняли населенные пункты КАЛАЧКИН, ПЕРЕПОЛЬНЫЙ, ВЕРХНИЙ и НИЖНИЙ ГЕРАСИМОВ, ВЕРХНИЙ АКАТОВ, отбросив на этом участке остатки частей противника на восточный берег реки Дон. К юго-западу от Сталинграда наши войска заняли населенные пункты ЯГОДНЫЙ, СКЛЯРОВ, ЛЯПИЧЕВ, НИЖНЕ-КУМСКИЙ, ГРОМОСЛАВКА, ГЕНЕРАЛОВСКИЙ, ДАРГАНОВ.

Южнее Сталинграда успешно отражены контратаки двух пехотных дивизий противника, пытавшихся пробиться на юго-запад. Противник понес большие потери.

К исходу 26 ноября количество пленных увеличилось на 12.000 человек. Всего за время боев с 19 по 26 ноября наши войска захватили в плен 63.000 солдат и офицеров противника.

За время боев с 19 по 26 ноября нашими войсками захвачено орудий всех калибров — 1.863, пулеметов — 3.851, винтовок — около 50.000, танков исправных и неисправных — 1.320, лошадей — около 9.000. Захвачено также 108 складов с военным имуществом, боеприпасами и продовольствием.

Совинформбюро.

«Правда» от 27/XI—42 г.

НОВЫЙ УДАР ПО ПРОТИВНИКУ

НАЧАЛОСЬ НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ФРОНТЕ

На днях наши войска перешли в наступление в районе восточнее г. Великие Луки и в районе западнее г. Ржев. Преодолевая упорное сопротивление противника, наши войска прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника. В районе г. Великие Луки фронт немцев прорван протяжением 30 км. В районе западнее г. Ржев фронт противника прорван в трех местах: в одном месте протяжением 20 км., на другом участке протяжением 17 км. и на третьем участке протяжением до 10 км. На всех указанных направлениях наши войска продвинулись в глубину от 12 до 30 км. Нашими войсками перерваны железные дороги Великие Луки — Невель, Великие Луки — Новосokolьники, а также железная дорога Ржев — Вязьма.

Противник, пытаясь задержать продвижение наших войск, ведет многочисленные ожесточенные контратаки. Контратаки противника с успехом отбиваются с большими для него потерями.

В ходе наступления наших войск освобождено свыше 300 населенных пунктов и разгромлены 4 пехотных дивизии и одна танковая дивизия немцев.

За три дня боев захвачены до 400 человек пленных, 138 орудий, 110 минометов, 593 пулемета, 3.592 винтовки, склады с боеприпасами, продовольствием и вещевым имуществом.

Уничтожено 106 орудий, 180 минометов, 300 пулеметов и 50 танков.

Противник оставил на поле боя до 10.000 трупов солдат и офицеров.

В боях отличились войска генерал-майора ТАРАСОВА, генерал-майора ГАЛИЦКОГО, генерал-майора ЗЫГИНА, генерал-майора ПОВЕТКИНА, полковника ВИНОВАТОВА, полковника РЕПИНА, майора ЗУБАТОВА, полковника МАСЛЮВА, полковника МИХАЙЛОВА, полковника КНЯЗЬКОВА, полковника БУСАРОВА, полковника АНДРЕЮШЕНКО.

Наступление наших войск продолжается.

Совинформбюро.

«Правда» от 29/XI—42 г.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

I

ПОД СТАЛИНГРАДОМ

В течение 29 ноября наши войска под Сталинградом, преодолевая сопротивление противника, прорвали его новую линию обороны по восточному берегу Дона. Наши войска заняли укрепленные пункты ВЕРТЯЧИЙ, ПЕСКОВАТКА, СОКАРЕВКА, ИЛЛАРИОНОВСКИЙ. Эти пункты являлись в этой линии обороны основными узлами сопротивления немцев. Юго-западнее Сталинграда наши войска, преследуя противника, заняли населенные пункты ЕРМОХИНСКИЙ, ОБИЛЬНОЕ, ВЕРХНЕ-КУРМОЯРСКАЯ и станцию НЕБЫКОВСКИЙ.

К исходу 29 ноября количество пленных увеличилось на 3.000 человек. Всего за время боев с 19 по 29 ноября взято в плен 66.000 солдат и офицеров противника.

За время боев с 19 по 29 ноября нашими войсками захвачено: орудий всех калибров — 2.000, пулеметов — 3.935, танков исправных и неисправных — 1.379, автомашины — свыше 6.000, повозок с военным имуществом — 4.677, лошадей — 10.700, а также 122 склада с военным имуществом, боеприпасами и продовольствием. В районе Сталинграда уничтожено 72 трехмоторных транспортных самолета.

II

НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ФРОНТЕ

В течение 29 ноября наши войска на Центральном фронте, преодолевая сопротивление противника и отражая контратаки его подошедших резервов, успешно продолжали наступление. Контратакующим частям противника нанесены значительные потери.

Нашими войсками занят ряд населенных пунктов и за день боев захвачено: 55 орудий, 64 пулемета, 8 танков, 15 складов с военным имуществом, боеприпасами и продовольствием. Уничтожено и подбито 49 танков противника.

Противник оставил на поле боя 4.800 трупов солдат и офицеров.

Совинформбюро.

«Правда» от 30/XI—42 г.

ЗВЕРСТВА ФАШИЗМА

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩИКОВ И ПРИЧИНЕННОГО ИМИ УЩЕРБА ГРАЖДАНАМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ СССР

Вероломно напад на Советский Союз, немецко-фашистские захватчики и их сообщники совершают на временно захваченной ими советской территории чудовищные преступления — пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увод в иллезное рабство сотен тысяч советских граждан; всеобщее ограбление городского

и сельского населения и вывоз в Германию личного имущества советских граждан, накопленного их честным трудом, а также колхозного и государственного имущества; разрушение памятников искусства и культуры народов Советского Союза и расхищение художественных и исторических ценностей; разрушение зданий и разворовывание утвари религиозных культов.

За все эти чудовищные преступления, совершаемые немецко-фашистскими захватчиками и их соучастниками, и за весь материальный ущерб, причиненный ими советским гражданам, колхозам, кооперативным и другим общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Советского Союза, преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники несут всю полноту уголовной и материальной ответственности.

Для полного учета злодейских преступлений немцев и их пособников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР;

для объединения и согласования уже проводимой советскими государственными органами работы по учету этих преступлений и причиненного захватчиками ущерба;

для определения ущерба, причиненного немецкими оккупантами и их сообщниками гражданам Советского Союза, и установления размеров возможного возмещения за понесенный личный ущерб;

для определения, на основе документальных данных, размеров ущерба, понесенного советским государством, колхозами и общественными организациями и подлежащего возмещению, в соответствии со справедливыми требованиями советского народа;

для установления во всех случаях, где это представляется возможным, личностей немецко-фашистских преступников, виновных в организации или совершении злодеяний на оккупированной советской территории, с целью предания этих преступников суду и их сурового наказания,—

Президиум Верховного Совета * Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Образовать Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

2. Возложить на Чрезвычайную Государственную Комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков собрание документальных данных, их проверку и подготовку всех материалов о злодеяниях гитлеровских преступников и материальном ущербе, причиненном советским гражданам, колхозам и государству, в результате оккупации советских территорий армиями гитлеровской Германии и ее сообщников.

С этой целью Комиссии надлежит проводить возможно более полный учет —

а) фактов убийств мирных граждан и насилий оккупантов над беззащитными людьми, женщинами, детьми и стариками, а также фактов увода советских людей в немецкое рабство;

б) ущерба, причиненного гитлеровскими захватчиками советскому населению путем разрушения жилых домов и других строений, расхищения и уничтожения хозяйственного инвентаря, продовольственных запасов, скота и птицы, домашнего имущества, а также путем наложения на население контрибуций, штрафов, налогов и других поборов;

в) ущерба, причиненного вторжением и разбойничьими действиями немецко-фашистских оккупантов колхозам, кооперативам, профсоюзным и другим общественным организациям путем разграбления и уничтожения зданий, сооружений и оборудования производственного и культурно-бытового назначения, запасов сырья, материалов, продуктов и товаров, посевов сельско-хозяйственных культур, лесных площадей, плодовых и других насаждений и иной колхозно-кооперативной собственности;

г) ущерба, причиненного оккупантами государственным предприятиям и учреждениям Советского Союза, путем разрушения и ограбления заводов, фабрик, электростанций, шахт, рудников, нефтепромыслов, разных промышленных сооружений и оборудования, железных и шоссейных дорог, мостов, каналов и гидротехнических сооружений, станций и портовых сооружений, морских и речных судов, автомобильного и гужевого транспорта, средств связи, а также лесов, угодий, урожая, многолетних насаждений и иного всенародного достояния;

д) ущерба, причиненного гитлеровскими захватчиками путем расхищения и уничтожения художественных, культурных и исторических ценностей народов СССР, разрушения музеев, научных учреждений, больниц, школ, высших учебных заведений, библиотек, театров и других культурных учреждений, а также зданий, оборудования и утвари религиозных культов;

е) ущерба, причиненного населению и советскому государству эвакуацией граждан, промышленных предприятий, имущества колхозов и других общественных организаций в глубь СССР.

3. Предоставить Чрезвычайной Государственной Комиссии право поручать надлежащим органам производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к насилиям, зверствам, грабениям, разрушениям и другим преступным действиям гитлеровских оккупантов и их сообщников.

Возложить на местные органы государственной власти обязанность оказывать Чрезвычайной Государственной Комиссии всемерное содействие в ее работе.

4. Утвердить следующий состав Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР:

Н. М. Шверник (Председатель)
 Академик **Н. Н. Бурденко**
 Академик **Б. Е. Веденеев**
В. С. Гризодубова
А. А. Жданов
 Николай — Митрополит Киевский и Галицкий
 Академик **Т. Д. Лысенко**
 Академик **Е. В. Тарле**
А. Н. Толстой
 Академик **И. П. Трайнин**.

5. Поручить Совету Народных Комиссаров СССР утвердить Положение о Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 2 ноября 1942 г.

«Правда» от 4/XI—42 г.

ПРЕСТУПНАЯ КЛИКА ГИТЛЕРА ГРАБИТ И УНИЧТОЖАЕТ КУЛЬТУРНЫЕ БОГАТСТВА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В районе Моздока захвачен в плен обер-штурмфюрер 4-й роты батальона особого назначения германского министерства иностранных дел Норман Ферстер. Пленный обратился к советским военным властям со следующим письменным заявлением:

«СОВЕТСКИМ ВОЕННЫМ ВЛАСТЯМ»

О батальоне особого назначения считаю своим долгом сообщить следующее:

В августе 1941 года, будучи в Берлине, я с помощью моего старого знакомого по Берлинскому университету доктора Фокке, работавшего в отделе печати министерства иностранных дел, был откомандирован из 87 противотанкового дивизиона в батальон особого назначения при министерстве иностранных дел. Этот батальон был создан по инициативе министра иностранных дел Риббентропа и действовал под его руководством.

Командиром батальона является майор эсэсовских войск фон Кюнсберг. Задача батальона особого назначения состоит в том, чтобы немедленно после падения крупных городов захватывать культурные и исторические ценности, библиотеки научных учреждений, отбирать ценные издания книг, фильмы, а затем отправлять все это в Германию.

Батальон особого назначения состоит из четырех рот. 1-я рота придана германскому экспедиционному корпусу в Африке, 2-я — северной армейской группе, 3-я — центральной армейской группе и 4-я — южной армейской группе. 1-я рота находится в настоящее время в Италии, в Неаполе, где она ожидает возможности переброски в Африку.

Штаб батальона находится в Берлине, улица Германа Геринга, дом № 6. Конфискованный материал помещается в залах магазина фирмы Адлер на Гарденбергштрассе.

Перед отъездом в Россию майор фон Кюнсберг передал нам приказ Риббентропа — основательно «прочесывать» все научные учреждения, институты, библиотеки, дворцы, перетрясти архивы и накладывать свою руку на все, что имеет определенную ценность.

Из рассказов моих товарищей мне известно, что 2-я рота нашего батальона изъясала ценности из дворцов в пригородах Ленинграда. Я лично не присутствовал при этом. В Царском Селе рота захватила и вывезла имущество Большого дворца-музея императрицы Екатерины. Со стен были сняты китайские шелковые обои и золоченые резные украшения. Наборный пол сложного рисунка увезли в разобранном виде. Из дворца императора Александра вывезена старинная мебель и богатая библиотека в 6—7 тысяч книг на французском языке и свыше 5 тысяч книг и рукописей на русском языке. Среди этих отобранных книг было очень много исторической и мемуарной литературы на французском языке и большое количество произведений греческих и римских классиков, являющихся библиографической редкостью.

4-я рота, в которой я находился, захватила в Киеве лабораторию медицинского научно-исследовательского института. Все оборудование, а также научные материалы,

документация и книги вывезены в Германию. Активное участие в этой операции принимал военный врач Бауэр.

Богатые трофеи нам достались в библиотеке Украинской Академии Наук, где хранились редчайшие рукописи персидской, абиссинской, китайской письменности, русские и украинские летописи, первые экземпляры книг, напечатанных русским первопечатником Иваном Федоровым, и редкие издания произведений Шевченко, Милкевича, Ивана Франко.

Из киевских музеев: украинского искусства, русского искусства, западного и восточного искусства, Центрального музея Шевченко, отправлены в Берлин многие оставшиеся там экспонаты. Среди них были картины, этюды и портреты, написанные Репиным, полотна Верещагина, Федотова, Ге, скульптура Антокольского и другие произведения русских и украинских художников и скульпторов.

В Харькове в библиотеке им. Короленко отобраны и отправлены в Берлин несколько тысяч ценных книг в роскошных изданиях. Остальные книги уничтожены. Из Харьковской картинной галереи вывезено несколько сот картин, в том числе 14 картин Айвазовского, произведения Репина, многие работы Поленова, Шишкина и других. Также вывезены все скульптуры и весь научный архив музея. Вышивками, коврами, гобеленами и другими экспонатами воспользовались немецкие солдаты.

В Краснодаре д-р Либен изъясил из с.-х. библиотеки до 30 ящиков книг. Представитель хозяйственной команды опротестовал действия Либена, поскольку Краснодар находится не в зоне военных действий, а в зоне тылового управления.

Мне также известно, что и при штабе Альфреда Розенберга существуют специальные команды по изъятию музейных и антикварных ценностей в оккупированных странах Европы и восточных областях. Во главе этих команд стоят штатские компетентные лица.

Как только войска занимают какой-нибудь крупный город, немедленно туда приезжают начальники этих команд со специалистами разного рода. Они осматривают музеи, картинные галереи, выставки, культурные и художественные учреждения, устанавливают, в каком они находятся состоянии, и конфискуют все, что представляет ценность.

Я считаю своим долгом поставить в известность об этом Советские власти.

Д-р ФЕРСТЕР.

Москва, 10 ноября 1942

СС обер-штурмфюрер, 4 рота батальона
Особого назначения войск СС».

В заявлении пленного Ферстера перечислена лишь незначительная часть культурных, научных и исторических ценностей, награбленных гитлеровцами в оккупированных советских районах. Советскому Информбюро доподлинно известно, что батальоном особого назначения Риббентропа и командами штаба Розенберга расхищены и уничтожены огромнейшие ценности, оставшиеся в научных и культурных учреждениях оккупированных районов.

Из Павловского дворца в городе Слуцке вывезена в Германию ценнейшая дворцовая мебель, созданная по эскизам знаменитого русского мастера Воронихина и крупнейших мастеров XVIII века, и часть коллекции редчайшего фарфора XVIII века. Во дворце снят паркет из дорогого дерева величайшей художественной ценности. Со стен дворца сорваны барельефы, гобелены, стенные и потолочные плафоны. Сняты все ручки и дверные украшения из бронзы и дерева. Из дворцового парка вывезены скульптуры.

Из Петергофских дворцов немцы вывезли все оставшиеся там лепные и резные украшения, ковры и картины. Статуя-фонтан «Самсон, раздирающий пасть льва» — скульптора Козловского, распилена на части и отправлена в Германию. В верхнем и нижнем парках сняты фонтан «Нептун», скульптурные украшения террасы «Большого каскада» и другие ценные скульптурные произведения. Большой Петергофский дворец, заложенный еще при Петре Первом, после ограбления был варварски сожжен.

В городе Львове немецкие оккупанты полностью разграбили городской музей. В Германию направлены десятки ящиков с картинами русских и украинских мастеров, коврами и старинным фарфором. Вывезена также знаменитая коллекция часов Львовского музея, в том числе 2.000 золотых часов работы мастеров XVI, XVII и XVIII веков. Львовская библиотека опустошена: наиболее ценные книги отправлены в Германию, а тысячи томов русских и украинских писателей сожжены.

В Одессе немецкие и румынские войска разграбили музей западного искусства и Художественный музей русского искусства. Многие полотна Перова, Серова, Боровиковского, Левитана, Рубо, Шишкина и других, ценнейшие копии скульптуры греческих и римских мастеров, а также коллекция старинной мебели увезены в Германию. Немецкие вандалы уничтожили Одесскую государственную публичную библиотеку, насчитывавшую более 2.000.000 томов, а наиболее ценные рукописи и уникальные произведения, находившиеся в этой библиотеке, увезены

В Виннице гитлеровские громилы ограбили областную библиотеку им. Горького, имевшую 470.000 томов. Похищены редчайшие экземпляры средневековой рукописной литературы и первые печатные книги XVI и XVII веков. Недавно выстроенный морфологический корпус Винницкого медицинского института разграблен. Оттуда увезены точные медицинские инструменты, различные микроскопы, приборы для изготовления тончайших срезов — микротомы, поляриметры, рентгеновская аппаратура и другие.

В Чернигове расхищена знаменитая коллекция украинских древностей Гариновского, долгие годы собиравшего материалы по истории украинского народа и жизни украинских деятелей и писателей. Из коллекции выкрадены рукописи и картины большой ценности, портреты русских и украинских писателей, а также богатое собрание икон работы русских и украинских мастеров.

В Киево-Печерской Лавре немцы захватили документы из архива Киевских митрополитов и книги из личной библиотеки Петра Могилы, собиравшего ценнейшие памятники мировой литературы.

В научно-исследовательских институтах Киева немцы разграбили все библиотеки, архивы и оборудование лабораторий. Например, из медицинского института вывезены в Германию сложнейшие приборы — микропроекторные аппараты, микроманипуляторы, микроскопы, микротомы и другое точное медицинское оборудование, стоимостью в десятки миллионов рублей.

В Полтаве немцы ограбили областную библиотеку, насчитывавшую 500.000 томов. Похищена вся личная библиотека Гнедича — автора перевода на русский язык «Илиады» Гомера, первые издания русских писателей XIX века — Пушкина, Жуковского, Гоголя, Крылова и других, с автографами авторов и все книги древнейшей в России библиотеки Переяславской духовной семинарии, редчайший памятник — Рукописное Пересопницкое евангелие, а также десятки старинных церковных книг, первое издание книги Сервантеса «Дон-Кихот» на испанском языке, юбилейная коллекция, собранная к столетнему юбилею Отечественной войны 1812 года, 500 томов старинных японских изданий на шелковой бумаге. Из Полтавского музея вывезены в Германию более шестидесяти ящиков с картинами крупных русских, украинских и польских мастеров.

Все эти и многие другие факты ограбления научных, культурных и исторических ценностей советского народа, которые невозможно перечислить в настоящем документе, еще раз подтверждают, что повсеместные грабежи в оккупированных районах СССР производятся по прямому приказу германского правительства и носят организованный государственный характер.

Немецкая армия уже давно зарекомендовала себя перед лицом всего мира, как орда профессиональных бандитов и громил. Однако никто до сих пор не подозревал, что в составе германских вооруженных сил имеются специальные формирования, которым официально вменяется в обязанность грабить все культурные и исторические ценности временно захваченных стран Европы и районов СССР. Характерно, что эти подразделения существуют при германском министерстве иностранных дел, то есть при германском правительстве. Стало быть, германское правительство несет всю полноту уголовной и материальной ответственности за их преступные действия. Гитлеровское правительство не только не обуздывает солдат, а напротив, создавая при различных министерствах специальные батальоны и команды мародеров и взломщиков, сама выступает в роли организатора и вдохновителя грабежей. Впервые мир встречается с такой военно-бандитской организацией, поставленной на широкую государственную ногу.

Гитлеровцы бесцеремонно попирают все общепринятые законы и обычаи ведения войны. Статья шестая Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 года, к которой присоединилась Германия, воспрещает захват, повреждение и истребление собственности образовательных, художественных учреждений, а также исторических памятников, научных и художественных ценностей, принадлежащих как частным лицам и обществам, так и государству. Но гитлеровская клика преступно попирает общепринятые всеми цивилизованными народами правила и законы ведения войны.

Гитлеровцы уничтожают и разворовывают сокровищницы культуры народов СССР. Они расхищают и уничтожают научные ценности, произведения искусства и литературы, памятники старины. Они хотят уничтожить, искоренить русскую национальную культуру и национальную культуру других народов Советского Союза. Они поставили своей целью не только материально, но и духовно обезоружить народы СССР, дабы легче было онемечить советских людей и превратить их в бессловесных рабов немецких баронов.

Советские люди никогда не забудут злодеяний, совершенных гитлеровскими мерзавцами на нашей земле. Преступные гитлеровские правители и их пособники, посланувшие на культурные сокровища советского народа, получат по заслугам. От ответственности не уйдут ни главарь разбойничьей шайки из Берлинского вертепа, именующие себя правительством, ни исполнители их чудовищных грабительских планов. Карающая рука советского народа достигнет всех взломщиков и грабителей, где бы они ни были, и воздаст им сполна за все преступления.

Совинформбюро.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ян В. Батый. Историческая повесть. «Новый мир» № 3—4. 1942.

Историческая повесть В. Яна представляет собой ряд последовательно, в хронологическом порядке расположенных картин, иллюстрирующих хронике грозных для Руси событий 1236—1238 годов. Исторических повестей в нашей литературе немного, поэтому надо приветствовать появление нового историко-литературного произведения. Литературных качеств повести в своей краткой рецензии я касаться не собираюсь. Ограничусь лишь общим замечанием, что книга читается легко и с интересом. В ней много живых картин и образов. Главнее внимание мне хотелось бы обратить на те стороны этого произведения, которые непосредственно связаны с историей.

Автор показывает двух противников, сталкивавшихся в разрешении стоявших перед ними целей. С одной стороны, продолжение начатого Чингис-ханом огромного военно-политического предприятия, с другой — защищающаяся Русь. Несмотря на перевес сил на стороне монголов Русь не сразу не обнаружила малодушия, растерянности или паники. Она всегда достойно встречала врага, и если оказалась в конечном счете разбитой, то военная честь ее несколько от этого не пострадала. Доблесть Руси была признана самим завоевателем. Изображение событий этих годов в повести В. Яна, с точки зрения исторической правды, на первый взгляд не вызывает каких-либо сомнений.

Однако если мы дадим себе труд посмотреть в книгу более внимательно, то заметим в ней немало недочетов, иногда даже очень крупных. Конечно, автор вправе допускать некоторыевольности в изображении действующих лиц. Но тут необходимы границы, определяемые исторической правдой. В этом отношении я мог бы сделать автору упрёк хотя бы в связи с его трактовкой рязанского князя Глеба Владимировича.

В. Ян изображает Глеба Владимировича блестящим завоевателем: от него с прекрасным отражением даже татары, которыми он одушевил с самого начала Батыева похода. Между тем историк не говорит ничего о переходе князя Глеба на сторону татар. Детонзон лишь отмечает, что он, правитель своим происходившим братом, князем Рязанским, бежал к своим союзникам половкам, принимавшим участие в этой борьбе на стороне Глеба и его брата Константина, где и умер, «обезумев», то есть сойдя с ума.

Клеймить изгрозом одного из крупнейших по-

литических деятелей абсолютно нет оснований. Может быть, автор не мог простить Глебу убийства шестерых рязанских князей? Но ведь в политической борьбе подобные убийства встречались очень часто. Весь вопрос в характере самой борьбы, в целях, поставленных тем или иным политическим деятелем. Глеб решил истребить князей, которые мешали ему объединить Рязанскую землю и сделать ее сильной. Он боролся с феодальным расклевыванием Рязанского княжества, от которого оно, несомненно, слабело и неизбежно делалось жертвой соседнего, Владимирского княжества, сильного именно окрепшей властью своего князя Всеволода Большое Гнездо. Глебу не удалось сделать то, чего достиг Всеволод. Только и всего. За что же клеймить его как изменника?

Этот неправильный подход к оценке русских политических деятелей XIII в. случается. Это результат неправильного понимания автором общественного и политического состояния Руси того времени. «Я веду войну на запад, — выставляет автор рассуждать Бату-хана, — и знаю, что я там встречу. Мои лазутчики и купцы, посланные мною в землю урусотов (так автор предпочитает называть русских. — Б. Г.), мне все рассказывали... Покорить урусотов, этих лесных медведей, будет не трудно. Они все разбиты на маленькие племена, и их ханы — князья — ненавидят друг друга. У них до сих пор не было своего Чингис-хана, который собрал бы их в один народ». Что это не случайная обмалетка, а подлинное представление самого автора о Руси того времени, видно из других мест его повести: на стр. 32 автор говорит, что между приближенными татар дрожали от страха (по словам Бату-хана. — Б. Г.) «племена»; на стр. 43 князь Глеб завещает татарам, что он «спосал от великого племени рязанского», и т. д.

Тут вполне законны сомнения: если бы Батый именно так представлял себе Русь, то едва ли он смог бы ее покорить. В том-то и дело, что Батый лучше знал своего врага, а потому и сумел подготовиться, как следует к встрече с противником. У Руси был свой Чингис-хан, и даже не один. Целое поколение княжеских князей сколачивало разрозненные части русского народа в один народ и стало во главе могущественного и блестящего Киевского государства. Это государство, подобно другим дофеодальным государствам, с успехами феодализма распалось на части и продолжало

дробиться, что предстояло пережить и Золотой Орде, которая в момент нашествия на Русь представляла собой еще дофеодальное военное государство.

Племенной строй у славян — это IV—VI века. Да уже и тогда племена объединялись в большие военные союзы, растворявшие в себе племенное деление.

А «рязанского племени» вовсе никогда и не было. Рязанская земля получила свое название не от племени, а от города. Выделившись из Черниговского княжения, Рязанская земля выросла на базе славянских и неславянских племен (северяне, кривичи, вятичи, мордва, мещера). Князь Глеб Владимирович не мог говорить «от великого племени рязанского».

К счастью для всего произведения, эти представления автора о Руси XIII в. в дальнейшем развитии повести ступенькаются, и дальше говорится уже о княжествах и родах.

Осталось только на всем протяжении повести неотмеченным, что Русь в своем экономическом, государственном и культурном развитии стояла выше монголов, что сила монголов заключалась главным образом в возможности выставить огромное, спаянное одной волей войско, каким располагала и Русь в период Киевского государства, но которого у нее уже не было в момент нашествия монголов.

Едва ли удачен также эпизод (стр. 50) с гонцом от князя Рязанского. Собрались «мужики», среди них — Кудряш. Гонец возвещает призыв князя на борьбу с врагом и в своем обращении к народу назвал князя отцом. «Какой там отец! — прервал его Кудряш. — Никогда мы этого отца не видывали! Тебе да псу лысому он отец!» Смысл этого диалога ясен: князь не может найти отклика в мужицком сердце. Надо все-таки считаться с эпохой. Именно в это время княжеская власть была прогрессивной, объединяющей народные массы силой. И если для кого княжеская власть была неприемлемой, то не для мужиков, а для князей же и бояр, не желавших подчиняться центральной власти. Народная масса тянулась к князьям, как к силе, способной защитить их от непрерывных и бессмысленных феодальных войн, разорявших «мужиков». Владимирские князья достигли своего могущества, опираясь на народные массы. Галицкий князь Даниил тоже с помощью народа побеждал боярство. Народная масса, особенно городская, не была пассивной, а представляла собой политическую силу. Именно это время есть время подъема деятельности городских вечевых собраний, для которых совсем не было безразлично, кто из князей садился на стол их родного города. Поэтому совсем фальшиво звучат слова старика-владимирца: «Нам-то не все ли равно, какой брат (из князей. — Б. Г.) будет сидеть на нашей спине, Константин или Георгий» (стр. 9). Именно «не все равно», и мы прекрасно знаем, как владимирцы остро реагировали на вопрос о кандидатурах на княжеский стол. Непонятно, зачем понадобилось автору напоять до полного опьянения Бату и в пьяном виде заставить освободить русское духовенство

от платежей татарской дани. Непонятно также, зачем тут же Бату вспоминает и об арабских муллах и монгольских шаманах и заодно и им дает ту же привилегию. Арабские муллы тут совсем не при чем; своих шаманов он знал очень давно, и сейчас говорить о них как будто не было повода.

Пьяный человек, конечно, может говорить, что угодно. Но ведь автору по ходу дела надо было в художественной форме показать один из важнейших моментов в политике монголов по отношению к Руси. Едва ли это ему удалось.

Вот основные недостатки исторической повести Яна, вытекающие из неверного понимания эпохи. В повести нет правильного исторического фона.

Из мелких недочетов мне хотелось бы отметить неверное пользование отдельными историческими терминами.

Монах в келье писал не «летописи», а летопись (стр. 49). Это — такое же недоразумение, как сказать об историке, что он сидит и пишет «историю». «Большой полк» выражает не количественную сторону войска (стр. 51 и др.), а есть деталь построения армии. Дружину надо отличать от войска; не каждый боец — дружинник. «Шляги» не были на Руси столь распространенной монетой, чтобы встречные люди могли раздавать их пленным боярам (стр. 52). Перезвон не может быть «бойкий». Это специальный траурный звон во время похорог. «Волостели» — термин более поздний. Они не стояли во главе «сотен» (стр. 57). Слова «сбегти» в смысле беженцев источника древней Руси не знают (стр. 75). «Пригороды» не могли слышать звона рязанского колокола (стр. 37). Автор хотел, очевидно, сказать о подгородных местах, а взял совсем не то слово. Что подразумевает автор под словом «погост», — непонятно. Ясно только, что он пользуется этим термином произвольно. «Погост» — в Волжско-Окском бассейне термин не употребительный. Это новгородский термин, равнозначный волости. Погостом же в Новгороде называлось и центральное селение погостоволости. В повести погостами, кажется, называются все селения, кроме городов, что, конечно, неверно (стр. 110, 115 и др.). Почему автору захотелось обуть князя Василько в «кожаные лапти»? (стр. 127). Зачем монгольскому воину, для того чтобы обнажить «кривые мечи» (!) и «положить их на правое плечо», надо «засучивать до локтя правый рукав», бывает ли при внимании меча из ножен «свистящий ляг», бывают ли кривые мечи (стр. 129, 72, 54 и др.)? Все это у читателя вызывает неизбежные недоумения. Ведь военные приемы с обнажением холодного оружия не могли замедляться предварительным засучиванием рукава до локтя правой руки. Меч тем и отличается от сабли, что он прямой, а не кривой. Меч — оружие обоюдоострое, и класть его ни на какое плечо нельзя. Автор, впрочем, не выдерживает характера татарского вооружения: у него татары вооружены то саблями, то мечами (стр. 72, 73). Невероятно, чтобы в рязанском глав-

лом крае окна были «затянуты пузырями». В это время прекрасно было известно стекло; пользовались также слюдой, но пузырками в церквях окон не затягивали. Епископы облачаются не в «ризы» (стр. 103). Изображать жизнь монастыря и монахов двумя словами «молятся и обедают» — ничем не оправдываемое упрощение (стр. 117). Предполагать здесь юмористический штрих нельзя, так как весь параграф ведется в эпических тонах. Откуда автор взял, что в центре России строились избы с «плоскими крышами»?

«Нойон» — это не «князь» (стр. 40), а общее наименование знатных людей (сотники, тысяцкие, темники), носивших общий титул «нойон» — сеньер; это вассалы татарских

ханов-царевичей. Липецкая битва не на 10 лет отстояла от осады татарами Рязани, а равно на 20 (стр. 53). Едва ли очень удачен прием частого пользования русскими терминами в монгольской огласовке. Допустим, что татары произносили «Галиб» (Глеб), «урусут» (русский), «коназ» (князь). Но зачем в этой огласовке пользуется этими словами сам автор в тех случаях, когда он говорит от себя (стр. 129 и др.)?

По обязанности рецензента-историка я должен был указать на промахи повести в области истории с целью дать возможность автору в следующем издании книги выправить недочеты. Книга от этого выиграет.

Акад. Б. Греков

ПОДОРОЖНЫЙ Н. Кутузов. Воениздат НКО СССР. 1942.

Имя великого русского полководца М. И. Кутузова неразрывно связано с Отечественной войной 1812 г., когда он, возглавив русскую армию, разгромил и изгнал захватчиков из пределов русской земли, навсегда оставшись в памяти грядущих поколений как победитель гениального полководца — Наполеона.

Интерес к личности Кутузова отражен в обильной литературе и научных исследованиях, посвященных Отечественной войне 1812 года. Изучая боевую деятельность Кутузова, историки не оценили в полной мере его полководческого искусства, его своеобразных стратегических и тактических методов ведения войны и боя. Таким образом, осталась невыясненной историческая роль Кутузова в развитии русского национального военного искусства. Тем больший интерес представляет книга полковника Н. Е. Подорожного «Кутузов», в которой автор не просто описывает жизнедеятельность Кутузова, но, обобщая его боевой опыт, научно анализирует его, вскрывает и показывает сущность полководческого искусства Кутузова.

На основе изучения архивных источников автор показывает, как из Кутузова — «кондуктора I-го класса» инженерных войск — постепенно на полях сражений выковывался образцовый офицер, предприимчивый начальник, выросший в полководца. Но Кутузов — не просто практик, получивший военные знания на полях сражений: он прежде всего высокообразованный человек, глубоко знавший и любивший военное дело.

В то время когда оперативно-тактический кругозор и стратегические идеи большинства военных деятелей были скованы образцами прусского военного искусства, Кутузов в своих действиях опирался на национальную военную доктрину — создателями которой являлись Петр I, Румянцева, Суворов, — обогащенную опытом последних войн. Тот опыт, мимо которого прошли другие полководцы, был учтен и обобщен Кутузовым. В результате Кутузов сумел выработать новые приемы вооруженной борьбы,

которые он в качестве главнокомандующего применял против своего противника, каждый раз находя верный способ для его разгрома.

Вскрывая и оценивая полководческое искусство Кутузова, автор во многом идет самостоятельным путем, отбрасывая тот традиционный западноевропейский взгляд на Кутузова, который был положен в основу оценки русского полководца и многими русскими историками. На фоне многогранной деятельности Кутузова, которую подробно развернул перед читателем полковник Подорожный, вырисовывается облик и выдающегося государственного деятеля. Огромный, пронзительный и гибкий ум Кутузова, его обширные познания, понимание людей и умение использовать их ради тех интересов, которым он служил, — все это дало ему возможность быть блестящим дипломатом в царствование Екатерины II. Те же качества ума и дипломатического таланта позволили Кутузову в 1812 г. добиться от Турции выгодного для России мира.

Полковник Подорожный правильно подметил и осветил многогранность и своеобразия полководческого искусства Кутузова. Его способ действий всегда соответствовал прежде всего характеру противника, которого Кутузов прекрасно изучал; он чрезвычайно искусно оценивал местность и умело пользовался ею; скрытность и быстрота его действий были могучим средством для достижения успеха, которым он пользовался изумительно талантливо; при неудаче он никогда не падал духом и всегда находил в себе умение и силы поддержать бодрое настроение в войсках. Действуя всегда самостоятельно, Кутузов и подчиненным предоставлял инициативу, сохраняя высшее управление в своих руках. В критические минуты боя он не останавливался перед тем, чтобы личным примером внести твердость и мужество в войска. Кутузов умело пользовался всеми средствами для нанесения поражения противнику: искусным маневром огня и могучим штыковым ударом. Он отлично знал свойства и качества русской армии, и у него была глубокая вера в рус-

ского солдата, который понимал Кутузова и доверял ему. Кутузов — главнокомандующий и его армия всегда составляли единое целое.

Верная оценка обстановки, неуклонное стремление к своей цели, строгий расчет, при котором Кутузов проявлял дальновидность и прозорливость, выдержка и осторожность, но в то же время, когда нужно, и бесповоротная решительность — таковы отличительные черты Кутузова как полководца, позволяющие ему создавать такие искусные стратегические комбинации, которые разрушали и опрокидывали все расчеты и предположения противника, в том числе и гениального Наполеона.

Кутузов был первым русским полководцем, скрестившим оружие непосредственно с самим Наполеоном. В 1805 г. Кутузов во главе 50-тысячной армии, снабженный подробнейшей инструкцией Александра I, направился в далекую Австрию (союзница России) для борьбы с армией Наполеона.

В кратком разборе полковник Подорожный делает правильные выводы относительно основных моментов полководческого искусства Кутузова, проявившегося в кампании 1805 г., но со всей силой развернувшегося позже, в войне 1812 года.

1811 год. Россия ведет войну с Турцией, одновременно готовится к войне с Наполеоном. Война с Турцией затягивается, над Россией нависает угроза борьбы на два фронта, чего так желал Наполеон. Александр, превозмогая неприязнь к Кутузову, вынужден назначить его главнокомандующим армией на турецком фронте, прекрасно понимая, что, кроме Кутузова, никто не выполнит задачи быстрейшего, победоносного окончания затягивающейся войны.

Русский полководец снова показывает свое непревзойденное мастерство. Дипломатическую ловкость он сочетает с военным искусством. В результате Турция вынуждена была заключить выгодный для России мир, по которому Бессарабия была присоединена к России; но что еще важнее — таким образом исключалась опасность войны на два фронта и предстоящей борьбе с Наполеоном.

Война 1812 г. — венец полководческого искусства Кутузова, и вполне понятно, что автор половины книги посвящает этому событию. Нужно отметить, что Отечественная война 1812 г. несмотря на многочисленность посвященных ей трудов все еще не достаточно изучена; в ней остается много «белых пятен», которые требуют новых исследований наших историков. Полковник Подорожный именно так и понимал свою задачу. Но, поднимая целый ряд новых больших вопросов, автор не всегда дает на них ответ, зачастую оставляя их на разрешение будущим исследователям.

Автор объясняет отход Кутузова от Царева Займища только неудовлетворительным качеством этой позиции (стр. 129) и приводит данные, которыми, по тактическим принципам того времени, должна была отвечать позиция. Полковник Подорожный правильно указывает, что основным видом препятствий считалась тогда высокая преграда, «поэтому

позицию стремились выбрать по течению реки» (стр. 130). Но ведь в одном переходе от Царева Займища, под Гжатском, у деревни Ивашкова, была такая позиция по течению р. Олешни, намеченная Барклай, и все-таки Кутузов не остановился на этой позиции, ибо это не входило в его расчеты.

Кутузов, полководец громадного военного опыта, не принадлежал к прусской школе «позиционной войны», или «стратегии местности». Качество позиции он считал меньше всего средством добиться успеха. Для Кутузова решающим фактом была численность войск на той или иной позиции, т. е. в данном случае вопрос шел о том, где он был сильнее: на позиции у Царева Займища или на другой позиции, намеченной им еще до приезда в армию. 17 августа, находясь несколько часов в Гжатске, Кутузов писал Ростовчину, а затем в инструкции Чичагову и Гормасову, что местом генерального сражения с противником для спасения столицы он наметил дальние подступы к Москве — район Можайска. И в доносении Александру он подчеркивает, что отступит на один марш от Гжатска, и если нужно, то и на два. Все идущие подкрепления он приказывает сосредоточить у Можайска. Сражение у Царева Займища не входило в расчеты Кутузова, и его отход обуславливался тем стратегическим планом, который он со всей последовательностью и стремился осуществить.

Остановившись на качествах Бородинской позиции, автор делает правильный вывод, что в стратегическом и тактическом отношении она более отвечала требованиям оборонительного боя, нежели позиция у Царева Займища, что «те невыгоды позиции, на которые так сильно обращали внимание критики Кутузова, в частности ее невыгоды на левом фланге, уравновешивались соответствующими невыгодами и для противника» (стр. 136).

Одним из нерешенных вопросов Бородинского сражения является вопрос о замысле Кутузова: правильно ли решил русский полководец свою сложную задачу, не допустил ли он ошибки в группировке войск, за которую его так обвиняли современные историки? Автор, располагая архивными материалами для решения этого вопроса, не останавливается на нем. Донесение Кутузова Александру от 23 августа (стр. 134) полковник Подорожный использует лишь для характеристики Бородинской позиции. А ведь этот документ в сочетании с диспозицией Кутузова и подписанным им планом сражения дает возможность установить то, чего не заметили историки.

Автор, правильно оценив значение правого фланга русской позиции, в то же время делает из этой оценки неверный вывод, считая, что это направление было наиболее уязвимым местом Бородинской позиции для атаки противника (стр. 136). Вывод автора приводит к заключению, что правы были Барклай и Беннигсен, предлагавшие Кутузову изменить боевой порядок, указывая на участок Бородино — Семеновская как на основное направление главного удара со стороны Наполеона, осуществившегося после

Шевардинского боя. По нашему мнению, для Кутузова, прекрасно разбиравшегося в местности, было совершенно очевидным направление главного удара и до Шевардинского боя, но он ожидал от Наполеона комбинированных действий, удара по основному участку и обхода правого фланга.

Автор не вскрыл значения отдельных частей боевого порядка русской армии на Бородинской позиции, не указал их численность и тактическое назначение. В этом наиболее интересном вопросе автор, следуя по устаревшему пути, видит только механическую связь между правым крылом, центром и левым крылом. Он не видит связующую общность их боевых задач, которые выявляются в процессе тщательного изучения боевого порядка русской армии на Бородинской позиции.

Автор недостаточно ясно осветил значение Шевардинского редута. Произошел ли бой за это укрепление 24 августа в силу нераспорядительности Беннигсена или он входил в расчеты Кутузова (стр. 144)? Прежде всего не Беннигсен отдал распоряжение о перенесении левого фланга от Шевардинского редута, а сам Кутузов¹. Барклай не понимал, почему левый фланг должен быть отнесен только после нападения противника, как на это указывал Кутузов, а не до него. Следовательно, бой у передового пункта, Шевардинского редута, входил в расчеты Кутузова, и его значение заключается в том, что русские в результате его выиграли целые сутки времени, в течение которых, хотя и неполностью, закончили укрепление.

Спорным является выдвинутое автором положение о том, что Кутузов в подкрепление армии Багратиона выслал на левый фланг из главного артиллерийского резерва (у дер. Псарева) около 100 орудий (стр. 154). У дер. Псарева находился артиллерийский резерв левого крыла в количестве 168 орудий², которые Багратион ввел в бой после двух первых атак из фланга, а главный артиллерийский (он же артрезерв правого крыла и центра) находился у Князькова в количестве 90 орудий, главным образом гвардейская артиллерия.

В описании сражения автор правильно показывает, как Кутузов постепенно захватывает инициативу боя в свои руки, расстраивая маневры Наполеона своими умелыми действиями. В результате частичный успех, которого добился Наполеон, захватив основной участок русских позиций, он не сумел превратить в общий успех. Обескровленная армия захватчиков не была способна к продолжению сражения.

На фоне Бородинского сражения автор дает образ Кутузова, ссылаясь главным образом на Михайловского-Данилевского. Нам кажется, что этим не должен исчерпываться анализ действий Кутузова в сражении.

¹ Изображение военных действий 1-й армии Барклая. Центральный военно-исторический архив ЦВИА, фонд ВУА, д. № 41045, лл. 1—31.

² «Исторический журнал» № 7—8 за 1941 год.

ибо сам Михайловский-Данилевский не смог дать того, что требовалось от историка. Полковник Подорожный, желая подчеркнуть правильность понимания Кутузовым сложившейся тяжелой обстановки для русской армии, приводит разговор Кутузова с адъютантом Барклая Вольцогеном, делая ссылку на III том «Истории русской армии и флота» (стр. 163). Но едва ли это исторически правдиво, ибо ни один из современников не упоминает подобного факта. Как известно, этот диалог приведен в произведении Л. Н. Толстого «Война и мир». Лучше всего было использовать ценнейший исторический документ, который не был известен историкам, личную записку Кутузова генералу Доктурову, временно командовавшему 2-й армией вместо раненого Багратиона (хранится в Государственном историческом музее). Этот документ с исключительной силой характеризует нестягаемую волю Кутузова, глубоко убежденного в успехе боя несмотря на тяжелую обстановку. Ни шагу назад, удержаться любой ценой, без приказа не отходить — таков смысл этого документа.

Каковы же стратегические и тактические результаты Бородинского сражения, каковы потери сторон, как сложилась обстановка в результате боя на театре войны, чего же добился Кутузов в этом сражении? — задаст себе вопрос читатель, и в первую очередь военный читатель. К сожалению, этих важнейших вопросов автор не осветил, оставив их на разрешение самого читателя.

Вопрос о сдаче Москвы Кутузовым был решен, и военный совет, как правильно подчеркивает автор, имел чисто психологическое значение. «Нужно было добиться того, чтобы виднейшие в армии генералы доводами собственного рассудка, а не по принуждению, пришли к такой же мысли и внедрились ее через своих подчиненных в толщу армейской массы» (стр. 166). Для Пруссии и Австрии с захватом Берлина и Вены армией Наполеона война позорно проигрывалась. На сдачу же Москвы Кутузов смотрел как на новый этап войны — народной войны, которая с возрастающей силой поднимала широкие народные массы на дальнейшую борьбу с захватчиками. «Москва будет губкою, которая его всосет», — так сказал о Наполеоне Кутузов на военном совете в Филях, и так было в действительности.

Сражению при Малоярославце автор уделял всего несколько строк (стр. 190), хотя оно имело не меньшее влияние на исход войны, чем Бородинское сражение, как это утверждает и сам автор (стр. 194—195). Это сражение являлось прямым следствием Бородинского. Историки (особенно Богданович) в дальнейших действиях Кутузова усматривают нерешительность и боязнь вступить с Наполеоном в генеральное сражение под Малоярославцем, в котором русская армия имела все данные для разгрома противника. Но этот вопрос значительно сложнее, и автор умело и правильно разрешает его. Основная задача Кутузова — не допустить Наполеона к Калуге, куда тот стремился

по дороге через Малоярославец. Оставаясь на позиции южнее города, Кутузов со всей решительностью готов к новому сражению, если Наполеон пойдет к Калуге прежним путем. Стычка казачьих отрядов на дороге в Медынь наводит Кутузова на правильную мысль, что противник снова пытается его обойти, поэтому он и решает отойти к Полотняным заводам, где сходятся дороги на Калугу из Малоярославца и Медыни. Тот же эпизод, повлиявший на решение Кутузова об отходе к Полотняным заводам, привел и Наполеона к решению, что дорога на Медынь закрыта русскими войсками и ему ничего не остается делать, как повернуть обратно к Можайску и двинуться на Смоленск по прежнему пути. Обе армии одновременно начинают отход в противоположные стороны. На первый взгляд, это кажется парадоксальным, но этот отход имел различное стратегическое значение для обеих армий. Кутузов, отходя к Полотняным заводам, не уклонялся от боя, а искал его на важнейшем стратегическом рубеже, между тем как его противник окончательно отказался от всякой мысли о новом сражении. И когда Кутузов об этом узнает, он начинает параллельное преследование армии Наполеона, ежеминутно угрожая ей уничтожающим ударом. На все попытки своих генералов вступить в решительное сражение с отступающей армией противника Кутузов отвечает: «Все развалится без меня».

Все это верно. Однако решительное сражение у Вязьмы едва ли стоило бы русской армии больших потерь, чем те, которые она понесла в результате параллельного преследования, не имея серьезных сражений. Это обстоятельство никак не вяжется со словами Кутузова: «За десятерых французов не отдам я одного русского» (стр. 202). Не приходится ли в данном случае искать ответа в политической установке Кутузова, который не хотел перенесения военных действий за пределы России и не добивался полного разгрома Наполеона, усматривая в этом усиление Пруссии и Австрии, что, безусловно, угрожало интересам России в будущем? Этот вопрос еще надлежит разрешить, и автор, не располагая соответствующими документами, не мог его осветить, но его следовало бы поставить как историческую проблему.

Книга полковника Подорожного «Кутузов» написана простым, ясным языком, иллюстрирована понятными схемами, она доступна и интересна не только военному читателю, но и широким читательским массам нашей страны. Ее научная ценность не подлежит никакому сомнению, ибо автор пытается разрешить (и это ему в известной мере удается) такие вопросы, которые, углубляя понимание стратегии Кутузова, обогащают и нашу военно-историческую науку.

Б. Соколов

Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг. Огиз. Госполитиздат. 1942. 79 стр. 1 рубль.

Рецензируемый сборник составлен из документов, извлеченных из ряда государственных архивов СССР (Центральный госархив Октябрьской революции и социалистического строительства, Центральный госархив Красной Армии, Центральный государственный исторический архив и Государственный военно-исторический архив). Все они относятся к периоду первой мировой империалистической войны и ко времени немецкой интервенции 1918 года. Это военные

документы, выдержки из показаний крестьян и солдат, бежавших из немецкого плена, отчеты Чрезвычайной следственной комиссии¹, телеграммы ПТА и РОСТА, выдержки из приказов немецких оккупационных властей и т. п.

¹ Чрезвычайная следственная комиссия была учреждена российским правительством 9 апреля 1915 г. с целью «расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и немецкими войсками». Она состояла из семи членов (1 — от Государственного совета, 1 — от Государственной думы, 2 — от военной юстиции, 2 — от гражданской юстиции, 1 — от министерства иностранных дел) с первоприсутствующим сенатором в качестве председателя во главе. Чрезвычайная следственная комиссия собрала и расследовала обширный материал о зверствах немцев в первую империалистическую войну. Результаты своей деятельности она опубликовала в виде «Трудов Чрезвычайной следственной комиссии».

Весь этот документальный материал с большой убедительностью и силой рисует звериный облик вильгельмовской армии, этой предшественницы гитлеровских орд. Германская армия, воспитанная на традициях пруссачества, издавна вызывала у современников гнев и возмущение своими злодеяниями, своими гнусными приемами ведения войны. Особенно широкого развития эти приемы достигли в эпоху империализма, когда немецкая армия выступила как орудие наиболее реакционной и агрессивной разновидности империализма, каким является германский империализм, стремящийся к мировому господству. Армии Вильгельма II в первую империалистическую войну прославились своими насилиями, издевательствами и грабежами по отношению к мирному населению, зверским обращением с военнопленными, своим величайшим коварством и наглым нарушением всех международных конвенций о правилах ведения войны.

При этом зверства и бесчеловечия немецкой военщины отнюдь не носили характер случайных эксцессов со стороны отдельных элементов армии: это являлось системой. В сборнике приведен интересный документ, раскрывающий смысл этой системы: показания пленного австрийского офицера. Последний сообщил, что один немецкий офицер в связи со зверствами немцев над русскими военнопленными сказал ему: «Так следует поступать с каждым русским военнопленным, и пока вы, австрийцы, не будете делать того же, вы не будете иметь никакого успеха, только — озверелый солдат хорошо сражается, и для этого наши солдаты должны упражнять свою жестокость на русских пленниках» (стр. 27). Разбойничьим целям германского империализма может успешно служить лишь армия, доведенная до состояния озверения, армия, состоящая из бандитов, готовых на любые преступления во имя своего личного обогащения за счет населения захваченных территорий, армия, лишенная каких-либо моральных устоев и элементарного чувства воинской чести.

Такую армию усиленно воспитывал германский империализм с момента своего появления на исторической арене. Задача создания такой армии была решена полностью лишь германским фашизмом, открыто провозгласившим своей целью превращение миллионов людей в рабов, их физическое истребление. Но и в первую империалистическую войну германская армия уже много преуспела в этом направлении, и ее традиции наряду с традициями грабительских походов тевтонских разбойников и прусских захватчиков воспринял и развил до чудовищных размеров гитлеровский фашизм.

Материалы сборника распадаются на два основных раздела: 1) зверства немцев во время первой мировой войны 1914—1918 гг. и 2) зверства немецких оккупантов в 1918 году. Первый раздел начинается с довольно обширной выдержки из записки ревизора калужско-петровского акцизного управления, в которой описана ужасная расправа, учиненная немецкой военщиной над мирными жителями гор. Калиша в самом начале первой мировой войны. Свойственные немецкой армии величайшее коварство, трусость и в то же время безудержный разгул насилий по отношению к беззащитным людям ярко выступают в этом документе. Город, из которого выехали все официальные лица, и который по стратегическим соображениям был оставлен русской армией, не оказал немцам никакого сопротивления. Немецкий развед был встречен делегацией жителей Калиша с белыми флагами. Обещав жителям сохранение жизни и неприкосновенность их имущества, немцы начали... обстрел города из пулеметов, а затем и из орудий. Орудийный обстрел они производили несколько раз, занимаясь в перерывах между бомбардировками беззастенчивым грабежом. Десять дней длилась кровавая расправа. Люди в панике покидали город. Насчитывавший до 80 тыс. жителей, он опустел совершенно. «Никто из

жителей города после стольких кошмарных сюрпризов, — пишет ревизор, — не хотел оставаться дольше под покровительством немецких культуртрегеров. Когда в воскресенье утром 27 июля (9 августа) я с семейкою покидал город, в нем царствовала мертвая тишина, и лишь дым догоравших зданий, разбросанные по улицам ценные вещи и кое-где валявшиеся еще не прибранные трупы людей свидетельствовали о том, что пережитой Калишем страшной кровавой трагедии» (стр. 15—16).

При допросах русских пленников немцы проявляли виртуозность в изобретении различного рода мучительных пыток, которым они подвергали опрашиваемых: отрезали уши, носы, сдирали кожу и т. п. Особенно зверствовали они по отношению к казакам, на теле которых они вырезали четыре продольные, параллельные борозды в виде двух лампасов.

Раненых, как правило, немцы варварски умерщвляли. 24 июня 1915 г. они на фронте Сохачев — Боржомов пустили на русские окопы удушливые газы. Русским частям пришлось временно покинуть окопы, в которых остались тяжело отравленные газами солдаты. Когда русские вновь заняли окопы, их взорам представлялась страшная картина. Они увидели «трупы солдат, которым в разные части тела и, между прочим, в глаза были вбиты русские патроны, труп солдата с обнаженными ягодицами и с воткнутом в задний проход штыком, 20 трупов с распоротыми животами, труп с отрезанной головой и труп офицера (капитан Горленко), у которого с левой руки была содрана кожа, в виде ремня, шириной в 2 сантиметра и длиной 15 сантиметров» (стр. 23).

О преступном обращении с военнопленными свидетельствуют и следующие выдержки из письма, найденного у убитого немца. «В том случае, когда наступление делается слишком трудным, — пишет один из них, — мы берем пленных русских и гоним их перед собой на их же соотечественников» (стр. 51—52).

Ужасно было обращение с русскими военнопленными и в концлагерях. Отрывок из отчета Чрезвычайной следственной комиссии рисует мрачную, чисто средневековую картину одного из таких лагерей, в котором русских военнопленных при помощи особых приспособлений по 14—16 человек запрягали в плуги и бороны, и они целыми днями, заменяя рабочий скот, вспахивали и боронили поля. В качестве дисциплинарных взысканий применялись до крайности мучительное подвешивание к столбу, порка, отрубание ушей, носа и т. п. Одному из пленников немецкие садисты в качестве наказания надели на шею цепь и загнали его в собачью будку, в которой несчастный не мог ни сидеть, ни лежать. Каждый вновь ставившийся на пост смеявшийся солдат вытягивал пленного за цепь из будки и, нанеся несколько ударов, загонял обратно в будку. Эта пытка длилась две недели.

В специальном разделе сборника собраны документы, свидетельствующие о коварных методах и приемах ведения немцами войны.

Сообщая ряд фактов по этой линии, начальник штаба верховного главнокомандующего из Минска писал, что «немцы давно отказались от всех законов и обычаев войны» (стр. 41). В то время как Гаагская декларация 1899 г., подписанная в числе прочих державами Германии, запрещала употребление разрывных пуль и снарядов, имеющих назначение распространять удушливые газы, немцы уже 26 декабря 1914 г. пустили против одного из пехотных полков на реке Равке удушливые газы, и затем эти газы применялись ими неоднократно и в дальнейшем. Они первые стали применять и разрывные пули. Прямо нарушая петербургскую декларацию 1868 г., признававшую недопустимым употребление такого оружия, которое по нанесении противнику раны, без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, немцы обливали русских горящими и едкими жидкостями. Пораженные кислотами люди умирали в жесточайших мучениях.

Немцы коварно злоупотребляли знаками сдачи в плен, нагло и подло нарушая § 23 постановления Гаагской конференции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны. Документы сборника приводят ряд случаев (см. вербальную ноту российского министра иностранных дел испанскому послу, стр. 48—49), когда немцы выбрасывали белый флаг только для того, чтобы открыть огонь по приближившимся русским. Злоупотребления белым флагом «введены у немцев в систему и рекомендованы военным начальством как стратегический прием», сообщает в материалах Чрезвычайной следственной комиссии (стр. 50).

Немецкие аэропланы и в первую империалистическую войну тщательно выискивали госпитали, санитарные поезда и другие учреждения, на которых были установлены знаки — флаги Красного креста, — и систематически бомбили их.

Подлое нарушение подписанных ими же самими обязательств отличало немецких бандитов, как мы видим, и в позднейшее время.

Документы, относящиеся к периоду германской оккупации 1918 г., разоблачают кровавые дела этих «цивилизованных насильников», в то время напавших на молодую, неокрепшую Советскую республику. Это было время, когда немецкий империализм выступал как «сободрившийся империалистский зверь», который стремился ко все большему умножению своих награбленных богатств. Оккупанты лихоградоно грабили Украину, Белоруссию, все города и села, в которые они вступали, вывозя хлеб, скот, угоняя к юбе в тыл людей. Германское командование издало распоряжение о запрещении вывоза из оккупированных районов скота, продуктов сырья и промышленных изделий, — все это оно рассматривало как собственность оккупантов.

«На протяжении 12 верст от Минска немцы выстроили 8 возрочных платформ, на которых днем и ночью кипит работа, — читаем мы в одном из документов сборника, — и десятки поездов составов, нагруженных

городским, земским и крестьянским имуществом, отходят в Германию» (стр. 66). На людей немцы буквально охотились, «ловят поголовно всех на улицах и в домах, держат в лагерях под стражей и затем грузят в вагоны, наглухо запечатанные, и увозят в неизвестном направлении», — читаем мы в другом документе (стр. 63). В деревнях восстанавливалось крепостное право. Под тяжелой пятой захватчиков наши города и села превращались в развалины, люди погибали от голода. Приехавший во Вильню общественный деятель так описывает город: «Улицы полны живыми привидениями, людьми в состоянии такого помешательства ума, изможденными до крайности, валяющимися без сил на камнях и в грязи и не имеющих сил подняться» (стр. 69).

Наряду с этим немецкие бандиты сжигали деревни, массами расстреливали жителей, многих закапывали в землю живыми. Даже тогда, когда под ударами священной отечественной войны советского народа против насильников и оккупантов немцы очищали захваченную ими территорию, немецкая армия в последнюю минуту перед уходом, зимой 1918 г., все еще пыталась продолжать свои насилия и грабежи. В связи с этим советское правительство в декабре 1918 г. заявило официальный «Протест против германских злоупотреблений в оккупированных областях».

Как ни омерзителен лик вильгельмовских вояк, отчетливо выступающий из документов сборника, он все же бледнеет перед еще более чудовищным обликом современного фашиста. За прошедшие с того времени 25 лет далеко шагнула вперед техника вооружений, а 9 лет фашистского господства в Германии создали законченный тип звероподобного солдата с разнузданными инстинктами палача. Штабы злодеяний германской армии в связи с этим достигли небывалых в истории размеров, но характер творимых ею кровавых преступлений и вводимые оккупантами «новые порядки» уже знакомы нам из прошлой империалистической войны и интервенции 1918 года.

Для сборника документов особенно важна тщательность: опечатки, неточности здесь совершенно недопустимы. К сожалению, сборник не лишен такого рода недостатков. В введении П. Софинова указано, что все даты в сборнике даны по новому стилю. «Для первого раздела в скобках дается и старый стиль» (стр. 10), — пишет Софинов. Однако на следующей же странице читатель убеждается, что в скобках дается как раз наоборот — новый стиль: «В ночь с 19 на 20 июля (с 1 на 2 августа)» (стр. 11). В названии документа № 1 инициалы инженера-технолога Опмана обозначены буквами З. И. В подписи под документом — Э. И. Документ № 4 следовало бы предположить № 3, так как в нем сообщается, что такой крестьянин Грелевич, выдержки из показаний которого приведены в обоих документах.

Сборник дает очень нужный материал, помогая уяснению исторических истоков тех зверств и преступлений, которые творит фашистская армия и за которые фаши-

стским главарям не уйти от суровой ответственности.

В. Ольгина

PAIM DUTT «India to day». London. 1940. 544 p.

ПАЛЫМ ДАТТ «Индия сегодня».

Книга известного знатока Индии, видного деятеля английской коммунистической партии Палым Датта, изданная в 1940 г., представляет большой научный и политический интерес. Автор затрачивает в своем обширном труде все основные вопросы современной Индии. Он освещает сложные процессы общественного развития в этой огромной стране с населением, равным 1/2 части всего человечества и состоящим из разнообразных по экономическому укладу и государственному устройству частей. Автор вместе с тем рисует бодрую, полную здорового оптимизма перспективу неизбежного переустройства Индии на демократической основе.

Автор считает, что творческие силы индийского народа, освобожденные от внешнего давления, сыграют большую роль в общем развитии человечества.

«Народ Индии всегда играл крупную роль в мировой истории не как завоеватель, а в сфере культуры, мысли, искусства и промышленности. Национальное и социальное освобождение Индии приведет к новому обогащению человечества» (стр. 24). — так заканчивается вводная глава рецензируемой книги.

Книга Палым Датта всесторонне освещает экономическое и стратегическое значение Индии в системе Британской империи, а также ее положение после принятия новой конституции (закона 1935 г.) и в результате изменений, связанных со второй мировой войной.

В свете последних событий в Индии отдельные выводы автора требуют некоторых изменений. Так, например, следует резко отметить опасность для Индии со стороны стран оси, пытающихся использовать существующие противоречия между Англией и Индией в своих империалистических интересах и для порабощения индийского народа. Несомненно, что в настоящее время это наиболее существенный вопрос для индийского народа. Передовое общественное мнение Индии поэтому выдвигает требования — мобилизовать народ на борьбу против агрессоров страны оси. Автор формулирует эту идею в общих словах: «Продуктивной индийский народ должен стремиться занять свое место среди других народов мира на стороне свободы и всеобщего мира» (стр. 21—22). Теперь это положение требует развития и конкретизации.

★

Первая часть рецензируемой книги озаглавлена «Индия как она есть и какой она могла бы быть». На протяжении трех глав (главы II, III и IV, стр. 27—82) автор исследует положение современной Индии в экономическом и политическом отношениях и с теми индийскими националистами, которые склонны идеализировать экономический и социальный строй Индии до прихода англичан:

«Ничего положительного невозможно добиться замазыванием тех мрачных сторон жизни индийского общества, которые проистекают не из империалистического господства, а унаследованы из исторического прошлого Индии» (стр. 39). — говорит автор.

Большой интерес в этой части книги представляет раздел, посвященный богатствам Индии. Автор опирается на новейшие статистические данные и данные геологических разведок и заключает ряд комиссий для характеристики ресурсов Индии.

Эти огромные ресурсы свидетельствуют о грандиозных возможностях, которые таятся в Индии и которые могли бы быть использованы в борьбе против агрессоров стран оси. Тем более достойно сожаления то обстоятельство, что Индия в настоящее время в связи с создавшимся внутренним положением не может использовать эти возможности в должной мере.

Глава «Индия в мировой политике» (глава XVII, стр. 475—485), как и другие главы, дается автором в историческом аспекте. Говоря о том, что на протяжении последних двух столетий Индия играла исключительно большую роль в английской стратегии, автор напоминает: «Война между Англией и Францией в XVIII в. была связана не только с каледонскокельтской сменой европейских группировок, как это могло показаться на первый взгляд, но с борьбой за новый мир и за господство над Индией» (стр. 476).

Автор приводит конкретные данные о роли Индии в вопросе о людских и материальных ресурсах в первой мировой войне:

«Война 1914—1918 гг. дала яркую иллюстрацию использования Индии в этом направлении. Почти 1 миллион человек, из которых свыше полумиллиона дрались на фронте, был отправлен за океан: во Францию, в Восточную Африку, Египет, Месопотамию и т. д., — в то время как сотни

миллионов фунтов стерлингов были извлечены из Индии на цели войны».

Изучение событий, связанных со второй мировой войной, имеет особый смысл для судеб Индии и Англии в настоящее время:

«Казалось естественным, что до тех пор, пока Индия лишена свободы, индийский народ не может надеяться играть сколько-нибудь независимую роль в мировой политике. Все это изменилось за самые последние годы под давлением новой мировой обстановки. Вопросы внешней политики выдвинулись на первый план в национальном движении» (стр. 475).

Книга написана задолго до войны на Тихом океане. Приведенные выше положения автора стали еще более актуальными в связи с угрожающей опасностью для Индии со стороны агрессоров.

Четвертая часть книги, озаглавленная «Индийский народ в движении» (главы XI, XII, XIII, стр. 253—384), посвящена вопросу о политическом положении и национальном движении в Индии. Автор оспаривает мнение тех видных деятелей в Англии, которые отрицали в прошлом самый факт существования индийского народа. Вынужденные ходом развития национального движения в Индии отказаться от этой точки зрения, они выдвинули «теорию», что рождение национальных идей в Индии произошло благодаря руководству Англии и что поэтому Индия обязана Англии своим рождением.

Отмечая, что политика, основанная на подобных отсталых мнениях, привела к печальному положению современную Индию, автор говорит:

«Политика, фактически поощряющая и поддерживающая внутренние антагонизмы и отсталость угнетенного народа и даже укрепляющая это зло при помощи своих административных методов, одновременно громко провозглашая, что эти последние являются печальным доказательством неспособности народа к единству и самоуправлению, выносит сама себе обвинительный приговор» (стр. 260).

С большим интересом читаются страницы, где автор отмечает «тяжелое бремя пережитков прошлого» в Индии и говорит о возможностях их преодоления, равно как и тех затруднений, которые создадутся на этом пути. К этим пережиткам относятся религиозно-общинная проблема, т. е. индусско-мусульманский вопрос, наличие княжеств, и каст.

Автор отмечает, что преодолению этих трудностей в общественной жизни Индии очень сильно мешает умышленная переоценка их значения английской печатью и политическими деятелями (стр. 261). В этой связи автор приводит чрезвычайно интересные данные о многоязычности Индии. Согласно переписи 1921 г. (которой пользовалась известная комиссия Саймона в 1930 г.), число языков, на которых говорят в Индии, равно 222. Эта цифра произвела глубокое впечатление на мировое об-

щественное мнение. Между тем среди этих «самостоятельных языков» имеются также, например, как кабуи, на котором говорят всего 4 человека; андро, на котором говорит 1 человек; касуи, на котором говорят 11 человек, и т. д.

На основании самостоятельного исследования этого вопроса автор приходит к выводу: «Проблема единства языка для Индии находится уже на пути к разрешению на базе языка хиндустани (хинди, или урду), который принят Конгрессом в качестве официального национального языка. На этом языке говорит или его понимает большинство индийского народа» (стр. 265).

Автор считает, что проблема языка в Индии на практике сводится к задаче объединения 12—13 языков, из которых 9 языков Северной Индии родственны друг другу. Весьма любопытен факт, приводимый автором: по всей Индии умеют читать и писать по-английски около 3,5 млн. человек, т. е. 1% всего населения (стр. 266).

Особое внимание, как уже отмечено выше, автор уделяет индусско-мусульманскому вопросу и вопросу о княжествах и кастах в Индии. Все эти проблемы, по мнению автора, могут быть разрешены на базе демократического преобразования Индии. Вместе с тем автор констатирует, что все эти проблемы приобрели особую остроту в последние годы и в особенности после объявления конституции в 1935 году. На внутреннее положение княжеств влияют два фактора: а) князьям, согласно конституции, предоставлено особое положение в федерации и б) в связи с конституцией направилось демократическое движение, направленное против абсолютистского режима и тирании в этих частях Индии.

Индия разделена на две части: Британскую Индию и княжества, или туземные государства. Туземных государств в Индии насчитывается 563 на территории в 712 тыс. кв. миль с населением в 81 млн. человек. Среди княжеств есть такие, как Хайдарабадское с 14-миллионным населением, по территории не уступающее Италии. Но имеются и такие княжества, как например Лало с площадью в 19 кв. миль или горные княжества Симлы, представляющие собой, в сущности, маленькие поместья» (стр. 391).

Автор подробно останавливается на характеристике княжеств, отмечая их реакционную роль в общественной жизни страны. При всем деспотизме и тирании князей, при творимом ими произволе и беззаконии в княжествах, они в действительности лишены самостоятельной политической власти в стране:

«Малые государства группируются вокруг английских политических агентов, из которых каждый руководит целой группой государств, расположенных в различных географических районах. В более крупных княжествах решающая роль принадлежит английскому резиденту» (стр. 392).

Говоря о политике Англии по отношению к княжествам, Датт считает, что она резко изменилась с 1857 г. (год сипайского

восстания). До 1857 г. Англия стремилась включить как можно больше княжеств во владения Британской империи, тем самым ослабляя значение княжеств; после 1857 г. Англия перешла к политике сохранения формальной самостоятельности этих княжеств. По мнению автора, правительство Англии исходило при этом только из интересов метрополии, колониальной политике которой на первом этапе угрожали феодальные силы Индии. После 1857 г. эти же силы стали опорой Англии, а угроза возникла со стороны новых социальных слоев, народившихся в результате общего развития производительных сил страны. На этом основании автор оспаривает официальную точку зрения, будто княжества поддерживаются в Индии из соображений сохранения старинных учреждений и традиций. В подтверждение своих высказываний автор приводит очень интересные выдержки из документов и выступлений видных общественных и государственных деятелей Англии и Индии (стр. 394—397). В книге приводится, между прочим, декларация народной конференции туземных княжеств, принятая в июне 1939 г., в которой говорится:

«В этих государствах, крупных и малых, за очень небольшим исключением, господствует личный самодержавный режим, в них царит бесправие и налоговое бремя совершенно невыносимо. Гражданские свободы отсутствуют...

На трудовые гроши нищего и голодающего народа покушаются развлечения князей, которые щеколяют своей роскошью в иностранных государствах и в Индии. Эта система не может продолжаться долго. Ни один цивилизованный народ не может этого терпеть. Вся логика истории протестует против этого» (стр. 397).

Останавливаясь на конституции 1935 г., согласно которой князьям предоставляется $\frac{2}{3}$ мест в Верхней палате и $\frac{1}{3}$ мест в Нижней палате, автор считает, что это мероприятие мешает демократизации государственного строя в Индии. Он полагает, что в интересах объединения и демократизации Индии должно произойти «полное растворение индийских туземных княжеств в объединенной Индии, уничтожение остатков феодального гнета и единение индийского народа в рамках подлинной федерации, основанной на естественных экономических, географических и культурных делениях и группировках народа» (стр. 403—404).

Разрешение этой проблемы автор считает возможным в связи с разрешением основных задач, стоящих перед Индией на путях демократического ее преобразования.

Индусско-мусульманской проблеме, или религиозно-общинному вопросу, автор, естественно, уделяет много внимания. Конкретному анализу данного вопроса автор предпосылает историческую справку, из которой видно, что причины возникновения религиозных и расовых конфликтов кроются не

в различии культур, обычаев и религий живущих по соседству народов, а в социально-политическом строе страны.

«В Индии, согласно переписи 1931 г., насчитывается 240 млн. индусов, т. е. 68% всего населения. Из них в Британской Индии — 178 млн., составляющих там 65,5% населения; в туземных княжествах живет 61 млн. индусов, составляя там 78% населения.

Мусульман насчитывается 78 млн., то есть 22% всего населения страны. Из них на долю Британской Индии приходится 67 млн. (24,7%) и на долю туземных государств 10,6 млн. (13,5%)».

Автор делает очень интересный экскурс в историю Индии за последние полвека, подводя читателя к истокам двух крупнейших политических организаций в Индии: Национального конгресса и Мусульманской лиги. Первая, представляющая собой общеиндийскую организацию, была образована в 1885 г. при содействии англичанина Юма, занимавшего крупные административные посты в Индии до 1882 года. Автор считает, что англичане содействовали организации Национального конгресса, исходя из того, что в стране поднялось тогда национальное движение, которое они сочли необходимым ввести в соответствующее русло. 70-е годы прошлого столетия были годами тяжелых лишений и голода в Индии. Пришедший огромные бедствия голод 1877 г. совпал со второй афганской войной. Вспыхнувшие в Индии беспорядки подавлялись силой. Именно в этот момент Юм считал необходимым содействовать организации Всеиндийского национального конгресса (стр. 279).

Мусульманская лига была создана в декабре 1906 года.

Как отмечает автор, это произошло в момент подъема первой волны национального движения и объявления некоторых конституционных реформ. Мусульманская лига должна была представлять мусульман Индии как самостоятельную религиозную общину или курию, принимающую участие в выборах на общинной основе.

Относительно антагонизма между мусульманами и индусами автор, основываясь на отчете комиссии Саймона, приходит к следующему выводу: 1) антагонизм преобладает не на территории индийских туземных княжеств, а в Британской Индии, «хотя население носит смешанный характер в обеих этих частях Индии и граница между ними носит чисто административный характер»; 2) «в Британской Индии одно поколение тому назад... напряженные отношения между религиозными общинами, угрожающие гражданскому миру, имели ничтожный масштаб» (стр. 406).

Анализируя индусско-мусульманские отношения на протяжении почти столетия, автор убедительно доказывает, что эти отношения обострялись главным образом в результате вмешательства извне. Автор среди других материалов цитирует письмо лорда Оливера от 10 июля 1926 г. в лондонский «Таймс»: «Ни один человек, хорошо знакомый с индийскими делами, не сможет

отрицать, что в кругах английского чиновничества в Индии преобладают тенденции в пользу мусульманской общины. Эти тенденции частично основываются на более тесных симпатиях, но главным образом на стремлении использовать мусульман в качестве противовеса индусскому национализму» (стр. 408).

Автор считает, что эта политика получила свое отражение в выборной системе в Индии — в реформе Морли-Минто — и осложнила индусско-мусульманские отношения, причем эта система в дальнейшем легла в основу закона о выборах в конституции 1935 года.

Освещая отношения между Национальным конгрессом и Мусульманской лигой на протяжении многих лет, начиная с 1906 г., автор доказывает, что имеются все возможности преодолеть антагонизм между ними. Уже в 1913 г. Мусульманская лига вступила в переговоры о единстве с Национальным конгрессом, а в 1916 г. это единство было фактически достигнуто на Лукноуском конгрессе.

«В послевоенные годы, в моменты национального подъема, толпы, охваченные энтузиазмом, демонстрировали на улицах, приветствуя единство индусов и мусульман», — говорит автор (стр. 412). К сожалению, эти настроения масс не нашли должной поддержки у руководства обеих организаций, которые продолжали держаться сепаратистского принципа.

В 1925 г. была организована во всеиндийском масштабе индийская организация Хинду Махасабха, которая положила в основу своей деятельности религиозно-общинный принцип. Таким образом, общинно-сепаратистские тенденции в стране усилились. В дальнейшем индусско-мусульманская рознь принесла немало вреда интересам индийского народа. Национальный конгресс, относясь отрицательно к трактовке общинного вопроса в духе конституции 1935 г. (введенной в действие в 1937 г.), на своем заседании в Харипур в 1938 г. заявил:

«...Изменение или аннулирование решения по общинному вопросу может произойти лишь на основе обоюдного согласия заинтересованных сторон. Конгресс всегда приветствовал и готов использовать любую возможность осуществить такую перемену с обоюдного согласия» (стр. 415).

Датт рассматривает эту резолюцию как стремление со стороны ее авторов найти разрешение очень деликатного вопроса путем разумного компромисса. Однако коренное решение вопроса он видит в демократизации страны и в адекватной к широким массам, сочувствующим единству, а не общинному сепаратизму.

Автор высказывает мнение, что неправильно утверждение, будто Мусульманская лига представляет все 90 млн. индийских мусульман. Он считает, что 20% всех мусульман — пинты — не идут за Мусульманской лигой и поддерживают Конгресс.

Моими, насчитывающие 4,5 млн. человек, имеют свою организацию, основанную на общинно-религиозных принципах и выдвигающую демократические требования. По мнению автора, «к самому Конгрессу примыкает гораздо больше мусульман, чем ко всей Мусульманской лиге» (стр. 421).

Трактуя мусульманскую проблему как проблему политическую, автор вместе с тем останавливается и на социально-экономической ее стороне:

«Позади общинных антагонизмов... лежат социально-экономические факторы... В Бенгалии или Пенджабе к индусам принадлежат богатые помещики, представители торгово-ростовщических кругов. Мусульмане по большей части представлены бедными крестьянами и должниками. В других случаях мы встречаем крупных мусульманских помещиков, которые находятся в окружении индусских крестьян» (стр. 421).

Отсюда автор делает вывод, что разрешение общинных проблем соответствует интересам социального и экономического прогресса страны (стр. 422).

Значительную часть рецензируемой книги занимает вопрос о новой конституции. Этому вопросу автор уделяет две главы (XV и XVI, стр. 423—475). Вначале автор дает интересную историческую справку об эволюции в политике Англии по отношению к Индии. Автор приводит высказывания Маколея, заявившего в июле 1833 г. в Палате общин, что никто в Англии не считает возможным дать Индии представительные учреждения.

Автор подчеркивает, что в период классического либерализма руководители английской политики не считали возможным осуществить конституционные формы управления в Индии. Точно так же в начале XX в. и накануне первой мировой войны государственные деятели и представители крупных политических партий считали невозможным ставить вопрос о конституции для Индии.

С 1917 г. позиция Англии в этом вопросе меняется; введение парламентских учреждений в Индии декларируется как цель правительства. Автор считает, что эта перемена явилась результатом влияния внешних событий.

Раньше чем перейти к изложению конституционных реформ начиная с 1917 г., Датт перечисляет важнейшие мероприятия английского правительства по отношению к Индии начиная с 1861 года.

В 1861 г. закон об индийских советах предусматривал дополнительное введение 6 назначаемых неофициально членом Законодательного совета при вице-короле, среди них несколько индийцев. В 1883—1884 гг. на основе закона о местном самоуправлении был введен религиозно-общинный принцип в муниципалитетах, а также созданы сельские палаты и окружные советы. В 1892 г. на основе закона об ад-

* В рецензируемой книге, по видимому, опечатка: указано 45 млн. человек. — Г. В.

дийских советах было избрано несколько членов провинциальных законодательных собраний, избираемых косвенным голосованием: «Эти провинциальные законодательные советы в свою очередь избирали членов в законодательный совет при вице-короле» (стр. 428). Наконец, в 1909 г. была проведена реформа Морли-Минто, заключающаяся в том, что установлены были выборы (частично косвенные, частично прямые) для большинства членов провинциальных законодательных советов и для меньшинства законодательного совета при вице-короле. Функции этих органов были крайне ограничены; они не имели права контроля над администрацией и финансами, а вице-король имел право наложить вето на решения этих органов. Тогда же были введены в избирательную систему отдельно мусульманские курии.

В результате первой мировой войны, когда поднялось национальное движение в колониях и наряду с другими демократическими требованиями стал очень популярным лозунг «Самопределиние народов», это движение коснулось и Индии. В этих условиях английское правительство декларировало 20 августа 1917 г. свою программу по отношению к Индии:

«Политика правительства его величества... направлена на укрепление индийских элементов во всех отраслях администрации и на постепенное развитие органов самоуправления, с целью постепенного осуществления представительного правительства в Индии как неотделимой части Британской империи... Английское правительство и правительство Индии, на которых лежит ответственность за благосостояние и прогресс индийских народов, должны сами судить о сроках и масштабах каждого продвижения вперед» (стр. 431).

Приводя текст этой декларации, автор считает, что попрежнему остается спорным вопрос, что понимать под «представительным правительством» и когда «новое управление» будет введено.

Через два года после этой декларации, в 1919 г., был выработан закон об управлении Индией, известный под названием «закон Монтегью», по имени статс-секретаря Англии, при котором он был введен в действие. Однако эта реформа коснулась только провинциального управления, не затрагивая центрального. Характерной чертой этого закона явилось введение системы джарки, т. е. двойной ответственности министров в провинциях: одни (здравоохранения и образования) ответственны перед провинциальным законодательным собранием, другие (ведущие полицией, земельными налогами и др.) — перед провинциальным правительством при губернаторе. Автор отмечает, что эта реформа с самого начала вызвала резкое недовольство в Индии, а затем и в Англии. Через 16 лет эта система была осуждена правительственной комиссией Саймона, предложившей ввести в провинциях систему единой ответственности индийских министров перед провин-

циальным собранием. Права губернатора налагать вето и вводить законы, не прошедшие через провинциальное собрание, остались неизменными.

Принятый на основании доклада комиссии Саймона в 1935 г. правительственный закон об управлении Индией (The Government of India Act) представляет собой новую конституцию Индии, введенную в действие в 1937 году.

Новая конституция состоит из двух частей: одной касающейся управления в провинциях Британской Индии, и другой, — касающейся федерального или центрального управления.

В связи с тем, что вопрос о новой конституции Индии стал в центре политической борьбы в стране в последние годы, автор дает ей подробный анализ. Националисты в Индии по-разному относятся к разделу конституции, касающемуся провинциального управления, и к федеральной части конституции. Автор объясняет это различие отношений тем, что новая конституция дает возможность индийским министрам в провинциях «если не выполнять функции правительства, то играть относительно полезную роль» (стр. 452). Это было доказано, по мнению автора, деятельностью провинциальных правительств в 7 из 11 провинций, где у власти оказались министры-конгрессисты после выборов в провинциальные собрания. В связи с этим Датт говорит:

«Образование в важнейших провинциях министерств, опирающихся на Конгресс, представляет собой важный шаг национального движения вперед... однако борьба за самоуправление еще остается впереди» (стр. 454).

В книге приведены интересные данные, характеризующие участие населения в провинциальных выборах и состав провинциальных собраний. Всего избирателей в 11 провинциях Индии насчитывается 30 млн. чел., т. е. 11% населения. На основании прошлой конституции Монтегью-Чалмерсфорда насчитывалось всего 2,8 млн. населения. Во всех законодательных собраниях провинций насчитывается 1585 мест. Однако «общих» — открытых — всего 657. Остальные же распределены по общинным кастам, представлены касте неприкасаемых, индийским христианам и т. д.

Резко отрицательное отношение индийской общественности к федеральной части конституции автор объясняет прежде всего тем, что на основании новой конституции остается попрежнему «...деление Индии на сотни преимущественно мелких государств... разделение ее на две совершенно различные административные системы (Британскую Индию и княжества. — Г. В.), из которых одна покрывает 55%, а другая 45% территории и границы которых пересекаются друг с другом, образуя невероятно сложный переплет, вопреки всем очевидным соображениям географического, экономического, расового, лингвистического или культурного порядка» (стр. 441).

И в этих условиях вводятся федеративные законодательные органы, в которых князья получают большие возможности влиять на политический строй Британской Индии, в то время как их княжества остаются вне влияния этих федеративных учреждений. Из 375 мест в федеральном собрании 125 предоставляются князьям, а из 260 мест в государственном совете князьям предоставляется 104. На эти места князья назначают своих депутатов. Проанализировав систему выборов в федеральное законодательное собрание, автор приходит к выводу, что никакой политической руководитель Индии, даже если он будет опираться на волю всего народа, не может получить больше примерно $\frac{1}{3}$ голосов.

Вот те вопросы федеральной части конституции, которые вызывают, по мнению автора, отрицательное отношение к ней со стороны общественного мнения Индии.

Сюда следует прибавить еще и то, что в конституции 1935 г., как и в прошлой конституции 1919 г., о статуте доминиона для Индии совершенно не упоминается. Выдвинутое же требование, чтобы конституция 1935 г. было предпослано предисловие, содержащее ясно выраженное обещание статута доминиона для Индии, было отклонено.

✱

Нынешняя война застала Индию в условиях все более обостряющейся борьбы вокруг всех этих вопросов.

Национальный конгресс Индии, как известно, в 1939 г. решил отозвать своих членов из провинциальных национальных собраний, а министрам провинциальных правительств предложил выйти в отставку. Все вопросы, касающиеся управления Индией, получили в условиях войны еще большую остроту, так как необходимость мобилизации людских, моральных и материальных ресурсов страны придавала еще большее значение вопросам управления.

Изучение книги Пальм Датта помогает лучше понять смысл происходящих в настоящее время событий в Индии. Сложность положения заключается в том, что разрешение освещенных автором политических вопросов в Индии затрудняется в настоящее время непосредственной угрозой агрессии со стороны стран оси. Между тем именно эта угроза требует быстрейшего разрешения назревших еще до войны политических проблем. Отсюда и вытекает исключительная напряженность обстановки в Индии.

Проф. Г. Войтинский

MEDLICOTT W. *British foreign policy since Versailles*. London, 1940. VIII, 316 p.

МЕДЛИКОТ У. *Британская внешняя политика после Версаля*.

GOOCH G. *British foreign policy, 1919—1939*. «Contemporary review», October, November, December 1940; January, February, March, April, May 1941.

ГУЧ Г. *Британская внешняя политика, 1919—1939*.

Новые работы двух английских историков посвящены одной теме — внешней политике Англии. Не приходится подчеркивать интерес и важность этой темы и особенно значение исторического двадцатилетия, которое описывается обоими авторами.

Первый из авторов, Медликот, сравнительно недавно выступил с большой работой по истории Берлинского конгресса — «Берлинский конгресс и после него» (Лондон, 1938). Имя второго автора очень хорошо известно историкам международных отношений. Гуч — плодовитый писатель и публицист (он является соредактором журнала «Contemporary Review»). Русскому читателю он хорошо знаком по его работе «История современной Европы». Более всего он известен как составитель, совместно с покойным Темперлеем, многотомной публикации английских документов о происхождении войны.

Авторы по-разному подошли к своей теме. Гуч дает общую картину внешней политики Англии, касаясь почти исключительно событий последних лет; только одну главу он уделяет двадцатым годам. Автор стре-

мится указать направление событий, сделать выводы, извлечь уроки.

Медликот дает общий, популярный очерк английской внешней политики за истекшие годы, стараясь охватить все важнейшие факты этого периода. Несмотря на очень небольшие размеры его книги ему удалось разрешить эту трудную задачу. Изложение в книге сжатое и ясное, конструкция книги простая и стройная.

Совсем иначе обстоит дело с попытками автора обобщить материал книги, дать свое объяснение событий. Эти объяснения никак не могут удовлетворить читателя.

Весь послевоенный период английской дипломатической истории автор делит на два крупных этапа. «Победа, одержанная в 1918 г., — пишет автор, — дала Великобритании безопасность и уверенность в себе, которые длились до 1929 г.» (стр. 4). После кризисного периода, длившегося с 1929 по 1931 г., в английской внешней политике начинается новый этап. С одной стороны, ей приходится иметь дело с «недовольны-

ми» державами — Германией, Италией и Японией, открыто требовавшими пересмотра всех мирных договоров. С другой стороны, в силу обязательств, налагаемых на Англию ее участием в Лиге наций, а также еще более в силу настроений английского общественного мнения, для Англии закрыт путь «и к вооружению и ко всяким сделкам и компромиссам с недовольными и агрессивными державами» (стр. 4). В результате этого внутреннего противоречия и родилась, как пишет автор, та «крайне осторожная, по всей видимости нерешительная фаза британской внешней политики» (стр. 4), которая продолжалась в течение всех тридцатых годов, вплоть до самой войны.

«Ключ к пониманию английской внешней политики после 1919 г., — пишет автор, — следует, пожалуй, искать в противоречии между идейностью и реальностью» (стр. 5). Под «идейностью» автор понимает настроения широких масс в Англии, требовавших решительной и последовательной внешней политики; «реальностью» автор называет действительную политику правительства. «Трезвые и не очень наделенные воображением британские политики этого периода, — пишет автор, — не могли принять, какой мощной силой может оказаться либеральное общественное мнение, и предпочли игнорировать эту силу» (стр. 9).

Несомненно, противоречивость английской внешней политики подмечена автором верно. Но объяснение этой противоречивости, даваемое автором, ничего не объясняет.

Конфликт между идейностью и реальностью, как будем называть вслед за автором две линии английской внешней политики, проявлялся на протяжении всего послевоенного периода, но особенно заметен он стал после прихода к власти в Германии Гитлера. Дело объясняется весьма просто: некоторые реакционные круги в Англии решили использовать бешеного фашистского зверя против «большевистской опасности» и предоставить ему с этой целью свободу рук на востоке Европы. Однако сказать об этом английскому народу открыто реакционеры, конечно, не решились. Поэтому они на словах выступали за Лигу наций, за коллективную безопасность, за отпор агрессии. На деле они шли на стовор с агрессором. Такова сущность конфликта между «идейностью» и «реальностью».

Этот конфликт проявился особенно ярко во время захвата Абиссинии Италией. Английская реакция не решалась ссориться со «старым другом» — Муссолини, — но и не решалась открыто ему помогать в захвате Абиссинии. Результатом явилась крайне путаная, извилистая линия английской дипломатии на протяжении всего итало-абиссинского конфликта.

11 сентября 1935 г. на пленуме Лиги английский делегат заявил, что Англия безоговорочно поддержит Лигу. А через три месяца английский министр прилагает руку к сделке Лавала с Муссолини: итальянский империализм в виде подарка получал большую часть еще не покоренной Абиссинии.

То же произошло с санкциями против Италии. Все прекрасно знали, что Муссолини крайне нуждается в горючем, и стоит ему не дать нефти, как он вынужден будет умерить свои аппетиты. Но именно в нефти и не решились отказать Италии. Санкции, наложенные на другие предметы, не дали, разумеется, никаких результатов — Муссолини без помех закончил свою кампанию в Абиссинии. Английская реакция, однако, объявила, что в неудаче санкций виновата Лига наций. Она стремилась ослабить и дискредитировать Лигу наций, чтобы легче было проводить свою политику «умиротворения» и «невмешательства».

О политике «невмешательства» автор говорит только мимоходом. Но политику «умиротворения» он, очевидно, целиком разделяет. Только в этой защите ему не удается свести концы с концами, и защита получается не очень удачная.

Уступчивость в отношении итальянского империализма, по словам автора, настоятельно диктовалась обстоятельствами. «Политика санкций, — пишет автор, — могла заставить Англию приложить усилия, которые, может быть, и были ей под силу, но, во всяком случае, ослабили бы ее ресурсы: война в Средиземном море, вероятно, ослабила бы Францию, Италию и Англию настолько, что они не смогли бы создать эффективное препятствие германской или возможной японской агрессии» (стр. 187—188).

Таков мотив, которым руководилось, по мнению автора, английское правительство в его уступчивой политике в отношении Италии. Однако тот же аргумент автор вытаскивает через несколько страниц, когда он говорит о причинах уступок в отношении Германии. «К началу 1938 г., — пишет автор, — Англии приходилось иметь дело с более или менее непосредственной угрозой для ее империи со стороны трех великих держав — Германии, Италии и Японии. В этот момент политические, военные и экономические ресурсы Англии были недостаточны для того, чтобы она могла воевать с некоторыми надеждами на успех одновременно более чем с одной из этих держав... Было настоятельно необходимо сделать попытку упростить проблему, придя к соглашению, по крайней мере с одним из этих противников. Правительство надеялось на то, что в Европе, а не в Азии ему удастся уладить дело без войны. Япония оставалась самой страшной прямой угрозой для империи» (стр. 219).

Итак, уступки в Европе Англия была вынуждена делать, исходя из стратегии будущей войны на Дальнем Востоке. Но как же в таком случае объяснить политику «дальневосточного умиротворения», излагаемую автором в отдельной главе книги? Если Англия уступала в Европе, чтобы быть сильнее в Азии, то для чего же она уступала в Азии? Приходится признать, что «умиротворение» в его специфическом выражении тех лет являлось «универсальным» принципом английской политики.

В последних главах своей книги автор излагает события, непосредственно предшеств-

вовавшие началу нынешней войны. Эти главы, пожалуй, самые слабые в книге. Единственным источником, на котором автор строит свой рассказ, являются официальные английские документы. Сам автор понимает, как трудно объяснить Мюнхен и все события 1938 года. Поэтому он пытается уверить нас, что политика «умиротворения» окончилась «летом 1938 года». «Политика нацистов к концу лета 1938 г., — пишет он, — содействовала примирению между «индейностью» и «реальностью», ибо она, по словам автора, «привела английский народ в состояние непримиримого раздражения» (стр. 9). Здесь у автора грубая ошибка: ни для кого не секрет, что политика «умиротворения» продолжалась до конца 1938 г. (Мюнхен) и даже в течение нескольких месяцев 1939 года.

В одном месте книги у автора вырывается восклицание: «Действительно, конечные цели политики Чемберлена просто темны» (стр. 221). Однако он тут же спешит отвергнуть предположения об антисоветской направленности этой политики как «несостоятельные» (стр. 221). Принимая на веру аргументацию мюнхенцев, автор пытается доказать, что твердая политика в отношении гитлеровской Германии не помогла бы делу. Твердая позиция в отношении Германии, если бы и была проявлена, скажем, в 1936 г. в связи с оккупацией Рейнской зоны, по мнению автора, «скорее всего еще больше убедила бы германский народ в целесообразности нацистского режима» (стр. 220).

Стремясь во что бы то ни стало выгородить инициаторов и проводников политики «умиротворения», автор доходит до того, что умалчивает значение захвата Гитлером Чехословакии. «Действительную силу независимой Чехословакии, — пишет он, — переоценили и в Германии и в Западной Европе» (стр. 229).

Готовность автора защищать каждый шаг правительства, политику которого так безжалостно осудило время, лучше всего свидетельствует о беспомощности автора как историка. Эта беспомощность сказывается в книге не раз. Так, неудачу конференции по разоружению автор склонен приписать тому обстоятельству, что к началу ее работ Гендерсон, избранный председателем, вынужден был уйти с поста министра иностранных дел, а также неважными личными отношениями между Гендерсоном и Макдональдом (стр. 132).

Автор другой рецензируемой работы Гуч гораздо резче высказывается о политических неудачах британской дипломатии в послевоенные годы, и хотя он не решается критиковать полным голосом, его критика все же поучительна.

Подробно и весьма критически автор говорит об англо-германском морском соглашении 1935 г., о котором только мимоходом упоминает Медликот. Между тем этот эпизод действительно заслуживает весьма серьезного внимания как первый и очень отчетливый шаг в сторону «примирения во что бы то ни стало». Заслуживает внимания, какой момент выбрало английское правительство

для попытки сближения с Германией. Только что в апреле того же года державы, и в том числе Англия, в Стресе решительно заявили, что не позволят Гитлеру или кому бы то ни было нарушать международные договоры и обязательства, но не успели обсохнуть чернила на документах, подписанных в Стресе, как ведущая держава стресского фронта дезертировала, заключив соглашение с Германией. Британское адмиралтейство в свое оправдание заявляло, что Германия все равно вооружилась бы и поэтому лучше было договориться с ней добровольно, попытавшись хоть немного ограничить ее вооружения. На этот аргумент автор совершенно справедливо замечает, что он ничего не оправдывает, ибо «принять германское вооружение как неизбежный факт — это одно дело, а признать его в договоре — совсем другое».

Особенно резко автор критикует политику английского правительства в отношении Италии. Из изложения автора с несомненной вытекает, что Англия не только не собиралась удерживать Италию от ее абиссинской авантюры, но, напротив, усиленно ее на эту авантюру подталкивала. Между тем в распоряжении Англии были все возможности для того, чтобы вовремя удержать Муссолини. Так было в начале 1935 г., когда Муссолини прощупывал почву в Англии и Франции, выясняя их отношение к походу в Абиссинию. Ответом со стороны Англии был доклад парламентской комиссии под председательством Мэффи. В этом докладе черным по белому было написано, что у Англии нет в Абиссинии таких интересов, которые побуждали бы Англию препятствовать завоеванию Абиссинии Италией. Муссолини правильно понял этот намек и еще более поспешил с приготовлениями к войне. Еще два раза Англия, по словам автора, имела возможность остановить Муссолини, но каждый раз английское правительство не делало в этом отношении ничего. Трудно в этой линии усмотреть что-либо иное, нежели поощрение агрессии. Это была, по существу, попытка купить Муссолини и таким образом оторвать его от Германии. Известно, что эта политика привела к обратным результатам.

Автор подробнее и определеннее говорит о противоречиях в английской политике, на которые с такой осторожностью намекает Медликот. Гуч прямо уличает правительство Болдуина в лицемерии. Так было, например, с выборами в парламент в 1935 году. «Когда Болдуин распустил палату, поддержка Лиги наций являлась объявленной программой и правительства и оппозиции». Но как только выборы закончились, в Париже возобновились облеченные в глубокую тайну переговоры между представителями Франции и Англии об удовлетворении претензий итальянского разбойника, позднее ставшие известными под названием плана Хора — Лавала.

Погоно за симпатиями Муссолини автор считает большой ошибкой британской дипломатии, которой в конце концов так и не удалось перетянуть Муссолини на свою сторону. Англичане позволяли водить себя за

нос и веряли миролюбивым декларациям Муссолини, который готовил все новые покушения на мир. Автор вежливо, но довольно прозрачно квалифицирует недогадливость английской дипломатии. «Если британские государственные деятели, — пишет он, — принимали за чистую монету эти пацифистские заверения недовольного диктатора, то они в действительности должны были бы знать больше».

Как известно, английское правительство еще долго продолжало надеяться на невозможное и заигрывать с Муссолини. Политику «умиротворения» автор также склонен объяснить недальновидностью английской дипломатии. Вот пример: ремилитаризация Рейнской зоны, введенная Германией вопреки взятым ею на себя обязательствам в силу Локарнского договора, была весьма серьезным и угрожающим фактом. Французы вполне резонно забеспокоились и обратились за поддержкой к Англии, но последняя предпочла бездействовать. Между тем, как замечает автор, «поощрение из Лондона могло бы перетянуть чашу весов». «К сожалению, — признается автор, — более глубокое значение этого события было скрыто от наших ничего не подозревавших глаз». Не помогли и неоднократные предупреждения британских послов, сообщавших из Германии о том, в каком бешеном темпе вооружается и готовится к войне германский фашизм: все это прошло мимо ушей государственных руководителей Англии. Тем не менее общую линию дипломатии Чемберлена автор принимает, хотя и с поправками. Так, в вопросе о Чехословакии он заме-

чает, что «ввиду неопределенности настроений общественного мнения по поводу тех целей, за которые предстоит драться, было бы в самом деле трудно идти далее», чем пошел Чемберлен. Кроме того, замечает автор, состояние английских вооружений было далеко не на высоте, и поэтому «если уж порицать Чемберлена, то разве за то, что он не изложил свою точку зрения в Праге раньше, чем разразилась буря». Однако тут же автор вспоминает «таинственные» эпизоды весны и осени 1938 г., когда Чемберлен в беседе с канадскими журналистами открыто соглашался с тем, чтобы судетские районы отошли к Германии, а «Таймс» заявлял о неизбежности и даже желательности этого. Но даже это автор склонен объяснить просто дипломатической неопытностью Чемберлена.

Оправдание мюнхенской политики, по мнению автора, заключается в том, что «было выпущено время для усиления наших вооружений». Однако автор забывает, что было утеряно другое: тактические позиции, а также союзники. «Британская политика после 1931 г., — пишет автор, — поражает даже дружественно настроенного наблюдателя какой-то усталостью, истощенностью, безволием, робостью, сложными признаками их дряхлости».

Что же касается всего двадцатилетия в целом, то автор называет его «самой неудовлетворительной главой в истории британской дипломатии». Не приходится спорить с такой оценкой, данной авторитетным историком английской внешней политики.

Н. Ерофеев

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Aghion R. *War in the desert; the battle for Africa*. New York. 1941. XVII, 300 p.

Агион Р. *Война в пустыне. Битва за Африку*.

Автор дает характеристику африканского военного театра и излагает ход военных действий в Северной Африке. Дается также очерк истории военных сил Египта. Изложение военных действий доведено до осени 1941 года. Дано несколько карт и снимков. В конце книги библиография вопроса.

Beneš Ed. *Czechoslovakia's second struggle for freedom*. London. 1941. 31 p.

Бенеш Э. *Вторая борьба Чехословакии за свободу*.

В основу брошюры легла речь Бенеша, произнесенная им 11 декабря 1940 г. в Лондоне на первом заседании Чешского государственного совета. Автор дает характеристику задач чешского народа в борьбе за разгром гитлеровского фашизма, поработившего страну.

Harrison H. *The soul of Yugoslavia*. London. 1941. X, 288 p.

Гаррисон Г. *Душа Югославии*.

История Югославии, главным образом после войны 1914—1918 гг. Дана характеристика внутренней политической жизни Югославии и ее внешнеполитических проблем. Показана также система ограбления страны в результате ее расчленения. В приложении даны очерки: сербский и хорватский языки (Морисон) и продовольственный вопрос в Югославии (М. Гаррисон). В тексте книги — карты и снимки.

Grèce. *Documents diplomatiques. L'agression de l'Italie contre la*

Grèce. Athènes. Ministère royal des affaires étrangères. 1940. 139 p.

Греция. *Дипломатические документы. Итальянская агрессия против Греции*.

Официальная «Белая книга» министерства иностранных дел греческого правительства о разбойничьем нападении итальянского фашизма на Грецию в 1940 году. В книге даны документы, полностью устанавливающие единственную и неоспоримую ответственность фашистской Италии за войну на Балканах. Рисует грабительская политика итальянского фашизма на Балканском полуострове. Параллельно текст этой книги вышел на греческом, французском и английском языках.

Dachau, the Nazi hell. Arranged by Kay. London. 1939. 216 p.

Дахау, нацистский ад.

Описывается концлагерь в Дахау на основании заметок бывшего заключенного, бежавшего из этого лагеря. Автор рисует потрясающие сцены зверских мучений, садистских издевательств фашистских тюремщиков над заключенными. В книге даны портреты отдельных заключенных революционеров и просто либералов, несогласных с фашистским режимом.

Evans J. *The Nazi new order in Poland*. London. 1941. 184 p.

Эванс И. *Нацистский «новый порядок» в Польше*.

Автор описывает результаты германского хозяйничанья в Польше за истекшие годы после захвата ее гитлеровскими полчищами. Наряду с экономическими фактами приводятся данные о положении трудящихся, рисуется режим, установленный оккупантами в Польше. В книге имеется карта.

Molotov V. M. *Soviet peace policy*. London. Anglo-russian new bulletin. 1941. 101 p.

Молотов В. М. *Мирная политика СССР.*

В книге дан текст четырех речей тов. Молотова о внешней политике СССР и краткая биография тов. Молотова. Предисловие к книге написал известный английский левый политический деятель Притт.

Norgwid-Neugebauer M. *Kampanja wrzesniowa 1939 w Polsce.* London. 1941, X, 160 str.

Норвид - Нейгебауэр М. *Сентябрьская кампания 1939 г. в Польше.*

Описание польско-германской войны. Изложение и анализ основных операций польской кампании, германской стратегии и техники. В книге дано несколько карт и таблиц.

Responsabilité de la guerre. Paris. 1940, III, 113 p.

Ответственность за войну.

Сборник официальных документов об истории происхождения нынешней войны. Материал извлечен из официальных публикаций английского («Синяя книга»), французского («Желтая книга») и польского правительств («Белая книга»). В предисловии дана краткая характеристика истории нынешней войны на основании этих публикаций.

Petrović S. *Free Jugoslavia calling.* New York. 1941, XVII, 356 p.

Петрович С. *Свободная Югославия призывает.*

Очерк внешней политики Югославия после начала нынешней войны, а также описание кампании в Югославии. Автор дает очерк военных действий на территории Югославии, описание зверств фашистской солдатчины и героических подвигов югославских партизан.

Reabody P. *Occupied territory.* London. 1941. 292 p.

Рябоди П. *Оккупированная территория.*

Описывается положение в оккупированной немцами Европе, главным образом во Франции. Автор основывается на своих личных наблюдениях и на материалах периодической печати. Книге предпослано предисловие Ваксгарта.

Pogrom. *Zürich. Soziale Literatur.* 1939. XV, 221 S.

Погром. *Цюрихская социальная литература.* 1939.

Сборник материалов о варварской анти-семитской политике гитлеровцев. В сборнике даны материалы — свидетельские показания, отчасти помещенные в газетах и журналах, о еврейских погромах в Германии, разоблачающие систематическую, хладнокровную политику истребления евреев в Германии. Один из разделов книги содержит резолюции протестов, принятых в демократических странах против погромов в Германии. Предисловие к сборнику написал Генрих Манн.

Felstead S. *Edith Cavell; the crime that shook the world.* London. 1940, X, 211 p.

Фельстид С. *Эдит Кавелл; преступление, потрясшее мир.*

На основании новых материалов автор излагает дело Э. Кавелл — американской сестры милосердия, расстрелянной немцами в 1915 году за то, что она помогла нескольким английским раненым, находившимся в германском плену на территории оккупированной Бельгии, бежать на родину. Автор привлекает новые, доселе неизвестные материалы из архива германской тайной полиции, а также воспоминания очевидцев и дает резкую характеристику методов германского террора в оккупированной Бельгии.

Ergang R. *The Potsdam Führer — Frederick William I, father of Prussian militarism.* New York. Columbia University. 1941. 290 p.

Эрганг Р. *Фюрер из Потсдама — Фридрих Вильгельм I, отец прусского милитаризма.*

Характеристика прусского короля Фридриха-Вильгельма I (1713—1740), отца Фридриха II («Великого»). Автор рисует весьма нелестный портрет Фридриха-Вильгельма. Указывая на его преклонение перед солдатчиной и грубой силой, автор считает подлинным основателем прусского милитаризма именно Фридриха-Вильгельма I. В книге дана большая библиография вопроса.

Huxley E. *Atlantic ordeal.* New York. 1942. 102 p.

Хэксли Э. *Пытка в Атлантике.*

Излагаются обстоятельства чудовищного злодеяния фашистских разбойников — похищение ими парохода «City of Benares» в сентябре 1940 года. На этом пароходе в Америку ехали дети, эвакуированные из Англии. Большинство детей погибло. Автор излагает обстоятельства, при которых фашисты вопреки всем нормам международного права и гуманности атаковали и потопили корабль.

Н. Ерофеев.

Butler H. *The lost peace. A personal impression.* London. 1941. 224 p.

Батлер Г. *Потерянный мир. Личные впечатления.*

Гарольд Батлер, который с 1920 по 1938 г. был директором департамента, а затем директором Международного бюро труда при Лиге наций в Женеве, описывает свои личные впечатления от Женевы, Франции, Германии, Австрии и других стран Европы, Африки, Азии и Америки (особенно Канады и США), в которых он был как представитель Лиги наций в период 1920—1938 годов. Батлер встречался в этот период с виднейшими политическими деятелями мира, о которых он знает много закулисных историй.

Carter A. *The Battle of South America. Indianapolis.* New York. 1941. 332 p.

Картер А. *Битва за Южную Америку.*

Описываются экономика стран Южной Америки, их политика, политические и государственные деятели этих стран. Указывается на опасность как для самих латиноамериканских стран, так и для США и Великобритании, возникающую из деятельности «пятой колонны» в этих странах. В книге подробно рассматривается проникновение Германии, Японии, Италии и Испании в страны Латинской Америки, во все области хозяйства и культуры этих стран, а также пути и способы профашистской пропаганды и деятельности «пятой колонны».

Edelman M. *Production for victory not profit.* London. 1941. 184 p.

Эдельман М. *Производство ради победы, не ради прибыли.*

Рассматривается вопрос о прибылях промышленников во время прошлой мировой войны, а также в настоящей, и оценивается роль промышленных ассоциаций в вопросе о себестоимости продукции. В книге подвигается критике политика гражданского ведомства в отношении цен, рассматривает-

ся влияние на производство и себестоимость налогов на сверхприбыль, концентрации промышленности и других факторов. Здесь же приведены высказывания рабочих и профсоюзных организаций об организации промышленности в военное время и о политике цен.

Lipson E. *Europe in the XIX-th and XX-th century (1815—1939).* London. 1940. 500 p.

Липсон Е. *Европа в XIX и XX столетиях (1815—1939 гг.).*

Пятое издание написанной еще до настоящей войны известной книги этого автора — «Европа в XIX столетии», — расширенное и дополненное специальной главой по истории важнейших европейских государств периода 1914—1939 годов. В этой главе (последнее двадцатипятилетие — 1914—1939 гг.) изложены следующие исторические события: война 1914—1918 гг., договоры о мире 1919—1923 гг., образование Лиги наций, рост Советского Союза, история нацистской Германии, фашистской Италии и других европейских стран. Описанию Советского Союза уделено 36 страниц и столько же Германии. В приложении 12 портретов и 6 карт.

Ireland Tom. *Ireland Past and Present. With an introduction by general John F. O'Ryan.* 46 illustrations and a map. New York. 1942. 1010 p.

Айерленд Том. *Ирландия, ее прошлое и настоящее. С предисловием ген. Джона О'Райн.*

Капитальный труд в 1010 страниц по истории Ирландии — обзор от легендарных времен святого Патрика до наших дней. Детально описывается вся длинная история борьбы Ирландии за свою независимость. Более подробно рассматривается период 1916—1940 годов. Описываются виднейшие ирландские деятели: Майкл Коллинз, Артур Гриффитт, Уильям Косгрев, Имон де Валера и др. Особенное внимание уделено положению Ирландии в настоящей войне.

А. Шубников

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Юбилейная сессия АН СССР

С 15 по 18 ноября 1942 г. в Свердловске работала сессия Академии наук СССР, посвященная 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Сессия привлекла большое внимание общественности Свердловска. Огромный зал Дома Красной Армии переполнен был гостями — представителями научных учреждений, партийных и других общественных организаций.

Во вступительной речи президент АН СССР акад. В. Л. Комаров подвел итоги развития Академии за 25 лет существования советской власти; он показал, какую роль сыграли в ее развитии В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Большое место в повестке дня Академии наук занимали вопросы развития общественных наук.

Сессия заслушала доклад акад. Е. М. Ярославского «Место и значение Великой Октябрьской социалистической революции в истории человечества». Е. М. Ярославский в своем докладе вскрыл величие Октябрьской социалистической революции и показал ее достижения на фоне всемирной истории. Докладчик подчеркнул, что за 25 лет существования советского государства мировая наука, человечество убедились в величайшей силе и жизнеспособности того общественного строя, зарождение которого было возведено выстрелом с крейсера «Аврора» в 1917 году. Октябрьская революция спасла Россию от катастрофы, открыла перед народом выход из вековой отсталости, дала миру новые формы государства — советского социалистического государства, — разрешила крестьянский и национальный вопросы. Ни одна революция в прошлом не дала такого толчка развитию культуры и науки, как Великая Октябрьская социалистическая революция.

Советский народ, сказал тов. Ярославский, а также его доблестная Красная Армия в испытаниях войны против фашизма показали всю крепость своего государства. Акад. Ярославский закончил свой доклад словами: «Пройдут десятилетия. Замолкнут навсегда войны на земле, покроются ржавчиной в музеях орудия, под грозный гром которых мы сегодня ведем заседание Академии наук. Мы верим, что наша борьба

за союз всех народов на земле, объединенных общими интересами и нерушимой дружбой, приведет к успеху. Настанет такой великий день, когда миллионы людей с любовью, благодарностью оглянутся назад и увидят в новом свете октябрь 1917 года. Там, на переломе человеческой истории, в пламени восстания, человечество переступило порог новой эры — эры социализма. И впереди героического поколения борцов они увидят двух гениев человечества, трогательно простых и великих, двух славных ученых, двух верных вождей человечества, бесстрашных полководцев, — Ленина и Сталина».

С большим вниманием сессия заслушала доклад проф. Г. Александрова «25 лет Великой Октябрьской социалистической революции и отечественная война советского народа». Доклад проф. Александрова состоял из трех разделов: «Четверть века», «Первые 500 дней войны» и «Перспективы войны». Докладчик указал, что будущие историки потратят многие годы труда, чтобы подробно и глубоко разобраться в нашей великой и вместе с тем сложной и противоречивой эпохе. Их внимание займут три выдающихся события мировой истории, первой половины XX в.: совершившаяся 7 ноября 1917 г. Великая Октябрьская социалистическая революция, 25 лет создания советским народом нового, невиданного в прежние века социалистического общественного строя и великая освободительная война советского народа против гитлеризма.

Уже в наши дни ясно, что именно эти три события самым прочным образом войдут в мировую историю XX в. и что под их влиянием будут жить многие поколения людей.

Во втором разделе своего доклада проф. Александров дал анализ военного и международного положения СССР. На основе конкретных данных о ходе войны докладчик установил, что закономерное развитие войны и всех сил, способных влиять на ее направление, привело к изменению тенденции войны. Советские войска сегодня сильнее, чем были вчера, а немецкая армия в начале войны была сильнее, чем сегодня. В последнем, заключительном разделе своего доклада тов. Александров показал нашу перспективу. После 17 месяцев величай-

пей из войн, — сказал он, — налицо два вполне осязаемых реальных результата: 1) вражеская армия, хотя и представляет весьма большую и опасную для нас силу, идет по нисходящей линии — ее силы слабеют, ее резервы иссякают; дни самого большого военного могущества Германии остались позади; 2) прошедшие 500 дней отечественной войны явились периодом, в который Красная Армия, советский народ завоевали фундамент для будущих побед. В заключительной части своего доклада тов. Александров призвал академиков и всех ученых нашей страны отдать все силы на помощь родине в ее героической борьбе с коричневой фашистской чумой.

Сессия заслушала доклад акад. А. Вышинского «Советское государство — новый тип государства». Тов. Вышинский показал основной результат Великой Октябрьской социалистической революции — создание нового типа государства — диктатуры пролетариата. Без этого главного условия мы бы не имели успехов в мирное время и особенно в настоящее время на фронтах великой отечественной войны. Докладчик показал роль нашей партии и лично В. И. Ленина и И. В. Сталина в создании и строительстве нового государства. Он продемонстрировал богатыми примерами из жизни Советского Союза положение товарища Сталина о том, что наш строй является самым прочным, выдержавшим самые серьезные испытания. Докладчик указал, что великая отечественная война явилась самой серьезной проверкой прочности нашего строя — нашего государства. Наше гигантское сопротивление озверелому врагу, перед которым не устояли многие государства Европы, со всей ясностью показало преимущества нашей системы.

Акад. М. Митин сделал доклад на тему «О развитии философских наук в СССР за 25 лет советской власти». Используя данные о достижениях науки в нашей стране (а также и о достижениях мировой науки), докладчик показал их значение в развитии философской мысли. На фоне общей картины развития передовых наук он показал роль товарища Сталина в разработке важнейших философских проблем. Докладчик наметил главнейшие задачи философов Советского Союза и призвал их отдать все силы и мысли делу борьбы советского народа за спасение цивилизации, науки и искусства от вандализма германских фашистов.

На пленарном заседании сделал доклад акад. Б. Греков — «Развитие исторических наук в СССР за 25 лет». Докладчик указал, что советская историческая наука, занимаясь проблемами всемирной истории, все же главное внимание за пройденные 25 лет уделяла изучению истории народов СССР. Наша наука, сказал Б. Греков, пересмотрела все научное наследство старой школы под углом зрения марксистско-ленинской теории общественного развития. Важнейшим достижением исторической науки нашей страны является ликвидация так называемой «школы» М. Н. Покровского. Историки-марксисты разоблачили клеветни-

ческие выпады на историческое прошлое нашего народа, которые делались враждебными элементами в интересах иноземных насильников. Акад. Греков подчеркнул роль товарища Сталина в развитии исторической науки и в борьбе с враждебными направлениями в этой области. Докладчик показал большие достижения нашей науки в разыскании и публикации новых исторических памятников. В этой работе выгодно выделяются научные учреждения и отдельные работники национальных республик. Интересные данные привел докладчик по вопросу о развитии источниковедения в нашей стране. Докладчик показал далее, что наша историческая наука обогатилась рядом оригинальных монографий. И в данном отделе исторической науки большие достижения имеют наши братские национальные республики. Докладчик перечислил общие работы, вышедшие в свет за годы советской власти. Он подчеркнул также, что при помощи товарищей Сталина, Молотова, Жданова и Кирова созданы марксистско-ленинские учебники для средних и высших школ. Эти учебники воплотили в себе последние достижения исторической науки у нас и за границей. В заключение акад. Греков сказал: «25 лет советской власти в нашей стране оказались и на историческом фронте. Сделано нашими историками немало. Но предстоит еще большие задачи. Армия советских историков хорошо понимает свои задачи и ответственность перед родиной. Великая отечественная война советского народа не уменьшила, а увеличила ответственность и задачи наших ученых. Они готовы отдать все свои силы на разработку исторических проблем, выдвинутых отечественной войной».

По докладу акад. Грекова выступил акад. Е. В. Тарле. Он отметил большие пробелы и в советской исторической науке и в старой, дореволюционной. Основным пробелом акад. Тарле считает то, что наши историки (как дореволюционные, так и советские) мало занимались изучением истории Германии. Он говорил о необходимости пересмотра существующего наследия по истории Германии и ряда важнейших вопросов международных отношений. Говоря об успехах советских историков в области всеобщей истории, акад. Тарле ограничился общим замечанием о том, что советским ученым не приходится краснеть перед учеными Англии, Америки и Франции, ибо они сделали не меньше и не хуже, чем ученые Европы и США. Акад. Тарле высказал пожелание, чтобы темы диссертаций нашими учеными выбирались из наиболее актуальных проблем.

С докладом «Советская литература за 25 лет» выступил акад. А. Толстой. Он указал, что великая отечественная война сильно повлияла и будет влиять в дальнейшем на нашу литературу, что она уже выдвинула талантливых поэтов, публицистов и писателей других жанров. Докладчик отметил, что армия советских писателей принимает активнейшее участие в великой борьбе советского народа с озверелым германским фашизмом.

В секциях были заслушаны доклады: акад. Струве — «25 лет советского востоковедения», проф. Артамонова — «25 лет советской археологии», акад. Обнорского — «Об изучении истории русского языка за 25 лет советской власти», проф. Кары-Ниязова — о работе Узбекского филиала Академии наук СССР.

На секция был заслушан доклад акад. Варга «Особенности и исторические корни германского империализма». Докладчика критиковали за то, что он не придал должного значения традициям пруссачества, которые обусловили некоторые особенности внешней политики германского империализма. Академик Вышинский вскрыл поверхностный характер доклада тов. Варга.

Участники сессии по предложению вице-президента АН СССР В. П. Волгина единогласно избрали почетным членом Академии видного ученого и общественного деятеля дружественного Ирана — Мохамеда Али Форуша. Были приняты приветствия товарищу Сталину и защитникам Сталинграда.

Участники сессии обратились с воззванием к ученым всего мира, призывая их двигать науку вперед, помогать прогрессивному человечеству в борьбе с олицетворением варварства, деспотизма и человеческой ненависти — германским фашизмом.

В заключительной речи президент АН СССР В. Л. Комаров подвел итоги работы сессии, отметив широкий интерес, который вызван был ею в стране. «Тот факт, — сказал акад. Комаров, — что в условиях войны нам удалось организовать сессию в таких широких масштабах, является еще одним свидетельством силы и крепости советского государства, ярким примером того неустанного внимания, которое уделяет науке советское правительство».

Закрывая сессию, акад. Комаров призвал всех ее участников и ученых страны с еще большей энергией продолжать свою работу для великого дела разгрома немецко-фашистских захватчиков.

И. Ивашич;

Исторические факультеты университетов и педагогических институтов к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции

С первых дней нового учебного года исторический факультет Вологодского педагогического института имени В. М. Молотова включился в предоктябрьское социалистическое соревнование. В своих социалистических обязательствах факультет обязался быть передовым в учебной и оборонной работе. Студенты совмещают напряженную учебную работу с участием в субботниках по заготовке топлива для института и города. Преподаватели читают доклады в госпиталях, воинских частях и на предприятиях.

Работники истфака приняли активное участие в подготовке и проведении институтом научной сессии, состоявшейся 10—12 ноября и посвященной 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Доцент И. Т. Козлов участвовал в работе местного архива по составлению сборника документов по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Вологодской губернии. В архиве обнаружен ряд интересных документов, свидетельствующих о борьбе вологжан за укрепление советского строя и об их участии в разгроме немецких оккупантов в 1918 году. Вологжане создавали добровольческие отряды, организовывали сбор теплых вещей, «недели помощи» транспорту и Красной Армии. Граждане Благовещенской волости по докладу о текущем моменте 4 марта 1918 г. заявляли в своей резолюции: «Если германское империалистическое правительство в слепом безумии вознамерится уничтожить советскую власть, власть народа, и заменить ее вла-

стью монархов или же властью буржуев, мы, как один, грудью встанем на защиту нашей родной свободы и советской власти». Граждане Несвойской волости заявляли, что всякое посягательство со стороны германских империалистов на «нашу советскую власть в намерении заменить ее буржуазной властью помещиков и капиталистов встретит с нашей стороны железный отпор и мы все, как один, с открытой грудью поднимемся на защиту нашей родной свободы»¹.

Все эти документы проливают новый свет на то, как спланивались вологжане вокруг партии большевиков и советского правительства на защиту великих завоеваний нашей революции. На основании этих документов тов. Козлов прочитал на заседании научной сессии института доклад об Октябрьской революции и гражданской войне в Вологодской губернии.

Исторический кабинет вместе с кабинетом марксизма-ленинизма подготовил выставку на тему «25 лет Октября». В ней показаны четыре раздела: 1) «Октябрьская революция», 2) «Разгром немецких оккупантов в 1918 г.», 3) «Социалистическое строительство» и 4) «Советский Союз в дни великой отечественной войны против немецких оккупантов» (лаборанты — А. С. Воскресенская и М. Н. Деметьева).

И. Киссельгоф

¹ «Известия Вологодского губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» № 59 от 15 марта 1918 года.

К знаменательной дате 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции исторический факультет Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова совместно с Институтом истории Академии наук СССР подготовил сборник «25 лет советской исторической науки». Этот сборник дает представление о большой работе и больших достижениях советских историков, археологов и этнографов за 25 лет, о том новом, что ими внесено в науку.

Кафедры исторического факультета провели доклады, подводившие итоги по различным областям исторической науки: проф. А. В. Ефимова, Л. И. Зубока — новая

и новейшая история, С. В. Киселева — археология, С. К. Толстова — этнография.

Ученый совет исторического факультета организовал 9 ноября текущего года открытое заседание с докладами: И. И. Минца — об историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции, З. Р. Неудлы — о задачах в области славяноведения. Второе заседание Ученого совета в декабре посвящается подведению итогов в области исторической науки за 25 лет.

В декабре проводятся теоретические конференции студентов с докладами по тематике истории Великой Октябрьской социалистической революции.

А. Ефимов.

Исторический факультет Московского государственного педагогического института имени Ленина в связи с 25-летней годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции провел научную общестудентскую конференцию на тему «25 лет советской исторической науки».

На этой конференции, созванной 8—12 ноября, был заслушан доклад проф. А. М. Панкратовой «Великая Октябрьская социалистическая революция в трудах советских историков». На общестудентском заседа-

нии заслушаны доклады проф. Бочкарева «Проблема русского национального государства в советской историографии» и проф. Грацианского «Работа советских ученых за 25 лет советской власти по истории средних веков».

На кафедре по истории СССР доц. Сыроечковский прочел доклад «Преподавание истории в средней школе за 25 лет советской власти».

Б. К.

Группа историков при Академии наук СССР в Казани

Под редакцией акад. Тарле, чл.-корр. А. Ефимова, А. Иванова и др. сдан в печать сборник «Героическое прошлое русского народа». Акад. Тарле выпустил ряд брошюр в помощь комсоставу и политработникам, дополнил в новом издании книги «Адмирал Нахимов», «Нашествие Наполеона на Россию», подготовил II том «Крымской войны». Под непосредственным руководством акад. Тарле работает в Казани ряд молодых историков: над кандидатской диссертацией — аспирант Кертман, над докторской — канд. исторических наук Е. Юровская.

Казанские историки готовят второй сборник — «Борьба славянских народов против немецкой агрессии». В сборнике принимают участие и работники Института русской литературы.

Ряд публичных лекций был прочтен акад. Тарле на темы «Год отечественной войны», «Война и дипломатия», «Гитлеровщина и наполеоновская эпоха» и др. Ряд лекций по борьбе славян против немецкой агрессии прочитал акад. Державин и др.

Е. Юровская

Работа исторических факультетов университетов и педагогических институтов в дни Великой отечественной войны

Историко-филологический факультет Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина насчитывает всего три года своего существования. Сократившийся по количеству студентов за время войны, он значительно вырос качественно, так как имеет возможность использовать высококвалифицированные кадры эвакуированных в Казань научных работни-

ков институтов Академии наук СССР, Московского и Ленинградского университетов и других учреждений. Под руководством этих научных сил кафедры факультета, в частности кафедра истории, развернули научно-исследовательскую и общественную работу, а также направляли и возглавляли научную и общественную работу студенческого коллектива.

Наличие в Казани высококвалифицированных историков дало возможность историко-филологическому факультету университета поставить ряд специальных курсов и семинаров по отдельным историческим вопросам. Студенты 3-го курса исторического факультета прослушали специальный семинар по истории международных отношений у чл.-корр. АН СССР проф. Иванова и по истории Византии — у д-ра исторических наук проф. Левченко и успешно сдали экзамены по этим курсам.

24-я годовщина Красной Армии была ознаменована на историко-филологическом факультете научной сессией. Наряду с местными научными силами в сессии приняли участие крупные ученые, живущие в настоящее время в Казани: академики Тарле, Державин, Обиорский, Трахтенберг; чл.-корр. АН СССР проф. А. Н. Иванов; проф. Вайнштейн и др.

На сессии были заслушаны 24 доклада, из них 6 — на пленарных заседаниях и 18 — на секциях. Работали историческая, филологическая и педагогическая секция. Во всех отраслях науки советские ученые ни на минуту не прекращают своей работы. Большое количество научных исследований посвящается оборонной тематике, вопросам, связанным с идейно-политическим вооружением нашего народа и разоблачением фашистского мракобесия. Тематика антифашистского характера была посвящена значительная часть докладов на сессии: доклад акад. Тарле «Гитлеровщина и наполеоновская эпоха», акад. Трахтенберга «Экономические ресурсы фашистского и антифашистского блоков», чл.-корр. АН СССР Иванова «Вторая мировая война на море», проф. Вайнштейна «Национальная дегмагогия фашизма», проф. Поршнева «Гевтонско-пруссацкие традиции и фашистский империализм», проф. Лиспера «Концентрационные лагеря в изображении антифашистской литературы».

Большой интерес вызвали среди слушателей доклады на пленарных заседаниях сессии: акад. Державина «Болгарский и русский народы в их племенных и культурно-исторических связях и взаимоотношениях». Доклад богатый новыми данными из области географии, этнографии, фольклора, истории славян (русских и болгар), раскрыл перед аудиторией ряд новых научных проблем; акад. Обиорского; «О происхождении русского, украинского и белорусского языков»; с большим подъемом был прочитан профессором Казанского университета Вознесенским глубокий и содержательный доклад «Романтические поэмы Янки Купалы — народного поэта братской Белорусской республики».

На секционных заседаниях особый интерес вызвал блестящий доклад по истории дипломатии лауреата Сталинской премии акад. Тарле «Царский мир 1856 года по архивным документам», основанный на неопубликованных архивных материалах, и доклад работника местного музея тов. Казина, посвященный обзору богатейших местных археологических памятников по истории Каменной Булгарии. Доклад тов. Ка-

зина сопровождался выступлениями собравшихся на заседание местных и приезжих археологов. Героическому прошлому Красной Армии был посвящен доклад тов. Лукомской «Пролетариат Донбасса и реализация сталинского плана разгрома Деникина», основанный на неопубликованных архивных материалах.

Научная работа советских историков, филологов, педагогов не прекращается и над темами, казалось бы, далекими от непосредственных запросов военного времени. На сессии нашли свое место такие доклады, как проф. Левченко «Византия времен первого крестового похода», доц. Юрской «Русско-французские отношения при Петре I», доц. Рогинской «Исторические и политические взгляды Коммина», доц. Бахмутовой «Язык народных героев отечественной войны в произведениях Л. Н. Толстого».

Местная тематика была отражена в докладах: тов. Славина «О центральном государственном архиве Татарской Республики», тов. Дьяконова «Об архиве Флоринского», тов. Чернышева «Крестьянская реформа в Казанской губернии».

Доклады, прочитанные на сессии, стояли на высоком политическом и научно-исследовательском уровне. Сессия содействовала объединению работников историко-филологического фронта Казани между собою и крупными работниками Москвы и Ленинграда. Особенно отрадно серьезные достижения, глубокие интересы местных казанских научных учреждений и отдельных работников. Сессия вызвала большое оживление в среде студенчества и, несомненно, имела для него большое воспитательное значение.

В течение трех лет работает на историко-филологическом факультете студенческий научно-исследовательский кружок. На первом заседании кружка в этом году было заслушано сообщение студента Булыфосова на тему «Куликовская битва». Оживленные прения, горячие споры и интересные выступления участников характерны для заседаний кружка, которые посещаются и студентами других факультетов. Члены кружка занимаются также изучением архивных материалов, истории Запада, философии, литературы. Студент Туровский прочел в оригинале произведения Лейбница и подготовил большую работу на тему «Политические идеалы Лейбница в связи с исторической действительностью его времени». Тов. Бондаренко изучает социально-политические взгляды Гоббса. Интересна работа тов. Хамкина по архивным материалам о партизанском движении в годы гражданской войны в Казанской губернии. Много студентов занимаются вопросами культуры наполеоновской Франции, эпохи Возрождения, а также вопросами истории местного края.

По инициативе комитета комсомола Казанского государственного университета и научно-исследовательского кружка историко-филологического факультета 9, 10 и 11 апреля текущего года прошла впервые в университете историческая конференция студентов на тему «Героическое прошлое рус-

ского народа». На конференции было зачитано шесть докладов: «Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Минин и Пожарский», «Александр Суворов», «Михаил Кутузов» и

«Сталинский план разгрома Деникина». В каждый из указанных вечеров ставилось по два доклада.

А. Шкляева

В мае 1942 г. в Казанском государственном педагогическом институте была проведена научная сессия, на которой читали доклады: доц. Бушмакин — «Из истории дипломатии (великий замысел Генриха IV Бурбона)»; доц. Юровская — «Секретная дипломатия европейских дворов во время Семилетней войны»; проф. Башкиров — «Денис Давыдов», проф. Дитякина — «Из истории Италии XX века», доц. Сидорова — «Клубы во время Парижской коммуны», преподаватель Тагиров — «Участие татар в партизанской войне 1812 г.» и др.

Работники института приняли активное участие в сборнике Академии наук под редакцией акад. Тарле — «Героическое прошлое русского народа». Сборник содержит статьи: доц. Бушмакина «Битва при Гангуте», Е. Юровской «Взятие Берлина русскими войсками в 1760 г.», В. Дитякина «Славная страница из истории русской авиации» и др. Доцент Е. Юровская подготовила для печати книгу «Семилетняя война в Парижский мир».

Научные работники института готовят и докторские диссертации: доц. Сидорова работает над темой по истории средневековой философии «Философские взгляды Абельяра»; доц. Юровская — над темой по истории дипломатии «Франко-русские отношения первой половины XVIII века». В этой работе автор ставит своей целью показать возрастающее влияние русской дипломатии начиная с Петра I и отношение отдельных стран Западной Европы к усилению Российской империи. Особый раздел посвящен секретной дипломатии перед Семилетней

войной, кауницевской коалиции, победившей Пруссию в Семилетней войне, и шпионажу Фридриха II Прусского.

Работники Педагогического института принимают участие в сборнике Академии наук по вопросам борьбы славянских народов против немецкой агрессии. Археолог проф. П. Ефименко работает над книгой, посвященной истории первобытного общества. Книга имеет целью восполнить пробел в обобщающих руководствах по этому разделу исторического знания. По замыслу автора, его труд должен дать читателю сведения об общем ходе исторического процесса на протяжении всех эпох первобытности и представление о путях развития первобытного общества в разных областях земного шара. П. Ефименко работает также над темой «Этапы освоения человеком территории Татарской ССР», в которой особое внимание уделяется вопросу об изменениях, происходивших в окружающей человека условиях природной среды, вопросу об определении времени этих изменений и влияния раннего земледелия (болгарский период) на природу страны. В связи с этими задачами создана бригада в составе профессоров П. Ефименко, С. Замятнина, Н. Воробьева, Н. Калинина, Л. Варахсиной и М. Паничкиной по составлению исторической карты Татарской ССР. Проф. С. Замятнин, помимо участия в указанных выше работах по исторической карте Татарской ССР, разрабатывает материалы по своей многолетней теме «Первобытная идеология» (наскальные изображения, мифы, верования).

Е. Ю.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ В английской печати сообщается об убийстве немцами в Праге осенью 1942 г. известного чешского историка и филолога Пата, взятото оккупантами в качестве заложника. Проф. Пата занимал кафедру славянской филологии в Карловом университете в Праге. Он был широко известен своими работами по изучению одного из последних славянских племен на территории нынешней Германии — племени вендов. Проф. Пата составил вендскую грамматику и словарь, написал введение в историю вендской литературы и дал ряд исследований по истории племени вендов. Пата был также известным специалистом по истории болгарской литературы. Новое злодеяние фашистов вызвало негодование во всем мире.

◆ Одной из первых жертв бомбардировки Лондона, начатой фашистской авиацией осенью 1940 г., явилась известная Библиотека «Еврейского исторического общества» в Лондоне. Эта библиотека начала создаваться на основе коллекции, пожертвованной в 1905 г. «Еврейскому историческому обществу» библиофилом и ученым Мокаттой. С тех пор библиотека пополнилась большими суммами денежных пожертвований и подарками, и к 1932 г. в библиотеке было представлено почти без исключений все, что имеет интерес для истории еврейства в Англии, начиная от правления Елизаветы вплоть до наших дней. В частности богато представлена периодическая литература по еврейскому вопросу последних десятилетий. В библиотеке насчитывалось также очень большое число уникальных изданий. На основе фондов библиотеки в 1937 г. ученый С. Рот начал издание библиографии по еврейскому вопросу (*Magna Bibliotheca Anglo-Judaica*). В результате бомбардировки библиотека потеряла громадный ущерб: погибла большая часть фондов. Лишь незначительное количество наиболее ценных изданий было в начале войны переправлено в безопасное место. Руководство библиотеки обратилось к ученым других стран с призывом пополнить библиотечные фонды путем добровольных пожертвований. К лету 1942 г. на призыв откликнулись большое число научных организаций и отдельных лиц; пожертвования, поступившие в библиотеку, позволили восстановить значительную часть потерь.

◆ В небольшом английском городе Вигане (графство Ланкашир) состоялась выставка войны и военного искусства. Основная часть экспонированного материала поступила из личных коллекций лорда Кроуфорда; последний возглавляет Комитет публичных библиотек г. Вигана. Особенно богато представлен на выставке материал по истории наполеоновских войн. На выставке в Вигане представлены некоторые уникальные документы и коллекции, например оригиналы наполеоновских приказов по армии во время его похода в Россию в 1812 году.

◆ В Англии продолжается издание архивных документов средневековья. В част-

ности продолжается издание документов так называемого «суда казначейства». Эти документы, известные под названием *pipe rolls*, содержат подробные приходные и расходные записи казначейства и хранятся в публичном архиве (*Public Record office*). Их издание начато несколько лет назад специальным историческим обществом — *Pipe roll society*. Весной 1942 г. вышел очередной том этой публикации с документами за первое полугодие 1205 года. (Сессии казначейства происходили дважды в году: на Пасху и в Михайлов день, осенью.) В вступительном очерке редактор тома Сидней Смит дает общую характеристику документов и отмечает особо важные исторические события 1205 г., нашедшие отражение в документах: проект экспедиции короля Иоанна в Нормандию, меры обороны Англии от нашествия французов, военная реформа короля Иоанна и др.

◆ Недавно в Лондоне вышел второй и последний том истории греческой математики в отрывках из древних авторов (в английском переводе). Составитель — А. Томас (*Thomas J. Selections illustrating the history of Greek mathematics. In two volumes. Vol. II. From Aristarchus to Pappus. London. Heinemann. 1942*). В первом томе разбирается история математической науки у греков с древнейших времен до начала III в. до нашей эры. Второй том начинается с изложения научных систем и математических сочинений Аристарха Самосского (около 280—260 гг. до н. э.). В сборнике даны математические сочинения Геммы, Аполлония Пергамского, Диофанта, Архимеда и др. Каждому из них составитель посвящает биографический очерк с указанием места математики в греческой науке.

◆ В издании английского исторического общества вышла новая публикация — «Корреспонденция Чарльза Арбетнота» (*Charles Arbuthnot. London. Royal historical society. 1942. Camden third series. Vol. LXV*). Арбетнот занимал в министерстве Ливерпуля (1812—1827) пост секретаря казначейства и фактически руководил всей партийной машиной тори. В переписке Арбетнота содержатся любопытные материалы о политической жизни того периода, внутренних трудностях кабинета Ливерпуля и его взаимоотношениях с королем.

◆ Известная научная библиотека Мичиганского университета (*Clements library*) в г. Анн-Арбор (штат Мичиган, США) приобрела чрезвычайно важные материалы по истории Гентского мирного договора (заключен между Англией и США по окончании войны 1812—1814 гг.). Наибольший интерес представляют неопубликованные записки одного из участников английской делегации на мирных переговорах в Генте — Генри Гольбура. В записках излагается ход переговоров, описывается позиция английского правительства и американцев. Материалы рисуют малоизвестную закулисную

сторону переговоров и показывают связь между переговорами в Генте и общеевропейской ситуацией после изгнания Наполеона. В числе документов, приобретенных библиотекой, имеется также оригинал Гентского договора; все эти материалы приобретены у наследников Гольбурна.

◆ Недавно вышел отчет американской археологической экспедиции, работавшей в Киликии (Малая Азия). Работы были прерваны войной. Работа экспедиции сосредоточилась в Мерсине. Результаты раскопок дают большой материал по истории материальной культуры Ближнего Востока. Всего при раскопках снято 16 слоев, относящихся к самым разнообразным эпохам; самые древние слои содержат остатки культуры медно-каменного периода, к которому относится появление поселения в Мерсине. V—VII слои относятся к эпохе хеттского владычества, когда Мерсина играла большую роль как военный пункт. Особенно богаты остатками древнейшие слои эпохи халколита. Здесь откопаны остатки массивной башни, сложенной из необожженного кирпича, городская стена и жилые дома. В отчете о раскопках руководитель экспедиции Гарстаг называет эти укрепления «самым древним образцом военной архитектуры», относя их к третьему тысячелетию до нашей эры. В тех же слоях найдена расписная керамика. Рисунки и формы керамических изделий поражают сходством с изделиями одновременно в Ниневии и в Фессалии: мерсинские находки производят впечатление промежуточной культуры. Это с несом-

ненностью указывает на то, что уже в третьем тысячелетии до н. э. имелись культурные и экономические связи между Ближним Востоком и Балканским полуостровом.

◆ В последних числах июля 1942 г. в Англии умер знаменитый историк-египтолог сэр Флиндерс Петри. Петри родился в 1853 году. Он начал работу в области египетской археологии в 1875 г., предприняв на свои средства раскопки в долине Нила, а затем руководя крупными археологическими экспедициями вплоть до 1924 года. Первым крупным открытием Петри была его находка следов греческих поселений в долине Нила (в Навкратии и Дафнах). В 1894 г. Петри основал фонд египетских археологических исследований; впоследствии из него выросла британская археологическая школа в Египте. В период 1927—1937 гг. Петри проводил крупные раскопки в Палестине, давшие колоссальный по богатству материал по истории материальной культуры этого района Ближнего Востока. Петри являлся автором громадного числа научных трудов. Наряду с монографиями и детальными описаниями различных раскопок его перу принадлежат такие классические труды по истории Египта, как «История Египта» (три тома. Лондон. 1894—1923), «Египетские рассказы» (1895), «Социальная жизнь древнего Египта» (1923) и др. Особенно плодотворной была работа Петри в области изучения искусства и материальной культуры древнего Египта. В этой области он был непререкаемым авторитетом.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ за 1942 год

ИСТОРИЯ ВКП(б)

Ярославский, Ем. Славный боевой путь (к 30-летию «Правды»). № 5, стр. 9—18.

Волин, Б. Опасность, от которой большевики избавили народы России летом 1917 года (корниловщина). № 8, стр. 3—19.

Болтянов, С. Коммунистические суб-ботники в годы гражданской войны. № 12, стр. 35—42.

ИСТОРИЯ СССР

Бурджалов, Э. Двадцать четвертая годовщина Красной Армии. № 1—2, стр. 8—19.

Хачапуридзе, Г. Германские оккупанты в Грузии в 1918 году. № 1—2, стр. 54—60.

Драбкина, С. Разложение германских оккупационных войск в России в 1918 году. № 1—2, стр. 61—71.

Марков, С. Звенигородско-таращанское восстание против германских интервентов в 1918 году. № 1—2, стр. 72—82.

Панкратова, А. Двадцатипятилетняя годовщина свержения самодержавия. № 3—4, стр. 3—15.

Кубиков, И. Идея патриотизма в русской литературе. № 3—4, стр. 25—40.

Стрельский, В. Отечественная война 1812 г. и Сибирь. № 3—4, стр. 82—87.

Дулов, В. К участию Сибири в Отечественной войне 1812 года. № 3—4, стр. 87—89.

Жибарев, П. Борьба партизан Белоруссии против немецких захватчиков в 1918 году. № 5, стр. 19—26.

Супруненко, Н. Борьба украинских партизан против денкищины, № 5, стр. 27—37.

Коробков, Н. Кутузов-стратег. № 5, стр. 38—52.

Анисимов, С. А. И. Герцен об идее германской гегемонии в Европе. № 5, стр. 88—92.

Крастьян, Я. Немецкие бароны в Прибалтике. № 6, стр. 77—87.

Снегирев, В. Военное дело и «осадное сидение» в Московской Руси. № 6, стр. 94—101.

Греков, Б. На заре русского государства. № 7, стр. 14—31.

Руткевич, Н. О роли русского фронта в первый период империалистической войны 1914—1918 гг. № 7, стр. 32—45.

Коробков, Н. Румянцев и оформление национального военного искусства. № 7, стр. 75—86.

Тельпуховский, В. Народная борьба против иноземных захватчиков в Северной войне. № 7, стр. 92—101.

Капошина, С. и Козлова, А. Владимирское ополчение 1812 года. № 8, стр. 43—50.

Миллер, А. Международное положение Казахстана во второй половине XVI века. № 8, стр. 51—55.

Гудошняков, М. Русская журналистика 70-х гг. о германском милитаризме. № 9, стр. 50—56.

Ярославский, Ем. атад. Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. № 10, стр. 7—19.

Баевский, Д. Рост военной мощи советского государства. № 10, стр. 20—30.

Генкина, Э., проф. Победа Великой Октябрьской социалистической революции на местах. № 10, стр. 49—64.

Бахрушин, С., чл.-корр. АН. СССР. Великая Октябрьская революция и народы Средней Азии. № 10, стр. 65—73.

Бадьян, А. Борьба с интервентами в 1918 г. и Наркомнат. № 10, стр. 74—82.

Костомаров, Г. Октябрьские дни 1917 года в Москве. № 11, стр. 15—22.

Богданов, М. Минский совет рабочих и солдатских депутатов в октябрьские дни 1917 года. № 11, стр. 23—32.

Галкина, П. Борьба за Октябрьскую революцию в Иваново-Вознесенске. № 11, стр. 33—41.

Тарасов, А. Установление советской власти в Казани. № 11, стр. 42—48.

Гусев, Н., проф. «Русские патриоты в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». № 11, стр. 68—74.

Коробков, Н. О причинах длительности Семилетней войны, № 12, стр. 24—34.

Чебаевский, Ф. Путь Нижегородского ополчения. № 12, стр. 42—47.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Коробков, Н. Крушение империи Наполеона. № 1—2, стр. 83—98.

Семенов, В. Долгий парламент и демократия в 1640—1641 гг. (к 300-летию английской революции). № 1—2, стр. 99—111.

Гельбрас, Г. Крах фашистской авантюры в Иране. № 3—4, стр. 54—67.

Войтинский, Г. Война на Тихом океане. № 3—4, стр. 68—81.

Стальной, В. Утопия Джерарда Уинстэнли. № 3—4, стр. 89—98.

Косорез, Н. Борьба испанского народа против французской оккупации в 1808—1813 годах. № 5, стр. 53—69.

Адамов, Е. «Жизненное пространство» германского империализма. № 5, стр. 70—87.

Голнер, С. Новый этап антигитлеровского движения на Западе. № 6, стр. 36—47.

Неедлы, З. Развитие партизанской борьбы в Югославии. № 6, стр. 48—64.

Ротштейн, Ф. Гитлеризм и прусско-германский империализм. № 6, стр. 65—76.

Ерусалимский, А. Из истории англо-финских отношений в новейшее время. № 6, стр. 88—93.

Потемкин, Ф. Теория войн в трудах Карла Клаузевица. № 6, стр. 102—109.

Губер, А. Германский империализм на Дальнем Востоке. № 7, стр. 63—74.

Голант, В. Германский империализм в Африке. № 7, стр. 101—106.

Осипова, П. Из истории Албании (1918—1923). № 7, стр. 106—111.

Линецкий, В. Уроки восточной экспедиции Наполеона. № 7, стр. 111—119.

Войтинский, Г. Пять лет национально-освободительной войны китайского народа. № 8, стр. 20—32.

Мосина, З. К вопросу о причинах поражения Франции в 1940 году. № 9, стр. 17—29.

Коларов, В. Роль Болгарии в захватнических планах Гитлера. № 9, стр. 30—39.

Миллер, А. Турция под гнетом германского империализма в годы первой мировой войны (1914—1918). № 12, стр. 12—23.

Дмитревский, Н. Создание конституции Соединенных Штатов Америки. № 12, стр. 47—57.

Григорьева, Д. и Швеиц, К. Из истории подготовки германского фашизма. № 12, стр. 57—63.

Рыковская, О. Голландия во второй мировой войне. № 12, стр. 64—70.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Иванов, И. Город Ленина непобедим. № 1—2, стр. 20—36.

Сосновский, И. Героическая оборона Одессы. № 1—2, стр. 37—53.

Колосов, М. Боевой путь дивизии. № 3—4, стр. 16—24.

Альтер, Л. Рабочие батальоны советской столицы. № 6, стр. 25—35.

Яковлев, Н. Партизанское движение в районах Ленинградской области, оккупированных немцами. № 7, стр. 3—13.

Вольфсон, Б. Кровавые преступления немцев в Керчи. № 8, стр. 33—36.

Кучкин, А. Казахстан в дни великой отечественной войны. № 9, стр. 3—16.

Ростовский, С. Красноармейские газеты как исторический источник. № 9, стр. 56—61.

Тельпуховский, Б. Разгром немецких войск под Москвой. № 12, стр. 3—11.

Документы великой отечественной войны

Приказ Народного Комиссара Обороны № 55, 23 февраля 1942 года. № 1—2, стр. 3—7.

Приказ Народного Комиссара Обороны № 130, 1 мая 1942 года. № 5, стр. 3—8.

Политические военные итоги года отечественной войны. № 6, стр. 3—8.

XXV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И. В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1942 года. № 11, стр. 3—12; Приказ Народного Комиссара Обороны № 345 7 ноября 1942 г. № 11, стр. 13—14; № 1—2, стр. 112—144; № 3—4, стр. 99—112; № 5, стр. 93—126; № 6, стр. 9—16, 110—128; № 7, стр. 120—128; № 8, стр. 60—65; № 9, стр. 62—64; № 10, стр. 108—113; № 11, стр. 75—79; № 12, стр. 71—78.

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

Бахрушин, С. Юрий Крижанич. № 1—2, стр. 145—151.

Мишулин, А. Древние славяне. Документы о вторжении древних славян в Восточно-римскую империю в VI—VII вв. нашей эры. № 1—2, стр. 152—154.

Густинич, Д. Словенцы (историческая справка). № 1—2, стр. 155—159.

Неедлы, З. История политического формирования словацкого народа. № 7, стр. 47—62.

Густинич, Д. Национально-освободительная борьба хорватского народа. № 7, стр. 86—92.

Грацанский, Н. Заальбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X—XII веках. № 8, стр. 37—42.

Кудрявцев, В. Письма И. И. Срезневского из славянских земель (1839—1842 гг.). № 8, стр. 56—59.

Державин, Н., акад. Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения. № 11, стр. 49—56.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Яковлев, А. Четыре встречи с В. И. Лениным. № 1—2, стр. 160—162.

Голубцов, Н. Об одной знаменательной юбилейной дате. № 1—2, стр. 162—164.

Сokolova, К. Партизаны Кутузова. № 5, стр. 127—135.

Малкиель, С. Южнославянские воинские части в составе русской армии в XVIII веке. № 5, стр. 135—137.

Слабченко, М. Проложное сообщение о предлетописной Руси. № 7, стр. 129.

Кац, Б. Численность и роль Московского народного ополчения в Бородинском сражении 1812 года. № 8, стр. 66—68.

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Бочкарев, В. Александр Невский. № 3—4, стр. 113—121.

Авдиев, В., Косминский, Е. и Ефимов, А. Преподавание всеобщей истории в средней школе в дни отечественной войны против германского фашизма. № 3—4, стр. 122—129.

Яковлев, Н. Дмитрий Довской. № 5, стр. 138—145.

Панкратова, А. Преподавание истории СССР в средней школе в дни отечественной войны против германского фашизма. № 5, стр. 145—152.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Авдиев, В. Фашистская фальсификация древневосточной истории. № 3—4, стр. 41—53.

Ярославский, Ем. О ближайших задачах исторической науки в СССР. № 6, стр. 17—24.

Косминский, Е. Фашистская фальсификация истории средних веков. № 9, стр. 40—49.

Панкратова, А., чл.-корр. АН СССР. Историческая наука в СССР за 25 лет (1917—1942). № 10, стр. 31—48.

Греков, Б., акад. Изучение истории СССР за 25 лет. № 10, стр. 83—91.

Губер, А., проф. 25 лет изучения истории стран Востока в СССР. № 10, стр. 91—97.

Авдиев, В., проф. Изучение истории древнего Востока за 25 лет (1917—1942). № 10, стр. 98—102.

Мишулин, А., проф. Изучение древней истории в СССР за 25 лет. № 10, стр. 103—107.

Ефимов, А., проф. Советские документальные публикации по новой истории за 25 лет. № 11, стр. 57—63.

Софянов, П. Советские архивы в период великой отечественной войны. № 11, стр. 64—65.

Каменецкий, Б. Материалы о политических и культурных отношениях России и Англии в XVI—XIX вв. в русских изданиях. № 11, стр. 66—68.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

История СССР

Киселев С., проф., Чубяшвили Г., акад., Амиранашвили Т., проф. Куфтия, В. Археологические раскопки в Триалети. № 5, стр. 153—155.

Гуковский, А. Массовые брошюры, изданные в дни отечественной войны Управлением государственных архивов НКВД СССР. № 5, стр. 155—157.

Раимов, Р. Сборник статей «Героический Ленинград». № 5, стр. 157—158.

Кудрявцев, И. Пиксанов, Н. Ленинград — любовь и гордость советского народа. № 5, стр. 158—159.

Галкина, В. Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности. № 6, стр. 128—131.

Вейланд, О. Героическая Москва. Вып. I—VI. № 6, стр. 132—136.

Москалев, М. В. И. Ленин в сибирской ссылке, 1897—1900. № 7, стр. 130—139.

Вейланд, О. Майрановский Л. Батумская демонстрация 1902—1942. № 7, стр. 139—140.

Кац, Б. и Гречулевский Г. Братин, М. Полководец Кутузов. № 7, стр. 141—144.

Волков, Н. Проф. Данилевский, В. И. Ползунов. Труды и жизнь первого русского теплотехника. Его же, История гидросиловых установок России до XIX века. № 7, стр. 144—147.

Якубовский, А. Ян В. Чингис-хан. № 8, стр. 69—72.

Аджемьян, Х. Антоновская, А. Великий Моурави. № 8, стр. 72—75.

Семенов, В. Книга для чтения по истории средних веков под ред. проф. С. Д. Сказкина. № 8, стр. 75—78.

Ивашин, И. «Интернациональная литература», № 9—10. № 8, стр. 78—80.

Ивашин, И. Проф. Данилевский, В. Александр Невский; Дмитрий Довской; Штрайх, С. Бесславный конец завоевателя; Хвостов, В. Как германские империалисты однажды уже напобеждали до собственной гибели. № 9, стр. 65—67.

Г. Б. Бажев, П. «Малахитовая шкатулка». № 9, стр. 68—69.

Фокт, А. Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. № 9, стр. 69—73.

А. Ф. Проф. Разгон, И. Кяров и Орджоникидзе в борьбе за власть советов на Северном Кавказе, 1919—1920. № 10, стр. 114—117.

Соколов, Б. Донское казачество в Отечественной войне 1812 года. Сборник. № 10, стр. 117—119.

Вайнштейн, О. проф. Рубинштейн, Н. Русская историография. № 10, стр. 119—122.

Тарасов, А. «Листовки казанских большевиков 1903—1907 гг.». № 10, стр. 122—124.

Лабунский, В. Героика и патриотизм в русской исторической художественной живописи. № 10, стр. 124—127.

Ольгина, В. Великая отечественная война. Литературно-художественный сборник. № 11, стр. 80—83.

Галкина, В. Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году. № 11, стр. 83—86.

Берков, Е., Сытин В. А. В. Суворов. № 11, стр. 86—88.

Ивашин, И. Тихомиров, М. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV веках. № 11, стр. 88—89.

Греков, Б., акад. Яв, В. Батый. № 12, стр. 79—81.

Соколов, Б. Подорожный. Кутузов. № 12, стр. 81—84.

Ольгина, В. Документы о немецких зверствах в 1914—1918 годах. № 12, стр. 84—87.

История нового времени

Осипова, П. Курт Людеке. Я знал Гитлера; Герман Раушнинг. Голос разрушения. № 1—2, стр. 165—173.

Ерофеев, Н. Ван Клеффенс. Джаггернаут идет по Голландии. Дальнейшие документы о политике расширения войны западными державами. № 1—2, стр. 174—176.

Зандберг, Д. По американским журналам. № 1—2, стр. 176—180.

Два года германского гнета в Чехословакии (реферат книги). № 3—4, стр. 130—143.

Ерофеев, Н. Документы и материалы о японской агрессии в Китае. № 3—4, стр. 143—145.

Осипова, П. Формен и Раушенбуш. Тотальная оборона. № 5, стр. 159—162.

Ерофеев, Н. Ритчи, Э. Незаконченная война. № 5, стр. 162—163.

Ковач, Ф. Неукротенные Балканы. № 6, стр. 136—141.

Ерофеев, Н. Сноу, Э. Битва за Азию. № 6, стр. 141—143.

Ерофеев, Н. Форрест Дэвис. Атлантическая система. История англо-американского господства над морями. № 7, стр. 147—149.

Ерофеев, Н. Олсон, Д. и Квятнер, Р. Американская Белая книга. Американская дипломатия и вторая мировая война; Бьюэлл, Р. Изолированная Америка. № 8, стр. 80—82.

Гальперин, А. Сумимацу Иддиги. Биография маркиза Сигенбу Окума. Создатель новой Японии. № 8, стр. 83—85.

Коростовцев, М. Гендерсон, Н. Провал миссии Берлина, 1937—1939. № 9, стр. 73—76.

Ерофеев, Н. Война и мир в Финляндии. № 9, стр. 76—78.

Е. Н. Шотвелл, Дж. О чем забыла Германия. № 9, стр. 78—79.

Губер, А. Сайкс. Бриг. ген. сэр Перси. История Афганистана. № 9, стр. 80—82.

Ерофеев, Н. Уиллоуби, В. Рассмотрим японскую проблему. № 10, стр. 128—129.

Е. Н. Хамбро, К. Я видел, как это случилось в Норвегии. № 10, стр. 130—132.

А. Г. Келер Гансюрген. За кулисами гестапо. № 11, стр. 89—92.

С. Ф. Шуман, Ф. Европа накануне. Кризис дипломатии. № 11, стр. 92—94.

Сомин, Н. Дэвис. Миссия в Москву. № 11, стр. 95—97.

Войтинский, Г., проф. Пальм Датт. Индия сегодня. № 12, стр. 87—92.

Ерофеев, Н. Медликот, У. Британская внешняя политика после Версаля Гуч, Г. Британская внешняя политика. 1919—1939. № 12, стр. 92—95.

Библиографический справочник. Германия в период 1918—1940 гг. (окончание). № 1—2, стр. 181—185.

Библиографические заметки

№ 3—4, стр. 146—147; № 5, стр. 164—168; № 6, стр. 144—145; № 7, стр. 150—152; № 8, стр. 86—87; № 9, стр. 83—87; № 10, стр. 133—136; № 11, стр. 98—99; № 12, стр. 96—98.

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

№ 1—2, стр. 186—188; № 3—4, стр. 148—156; № 5, стр. 169—172; № 6, стр. 146—156; № 7, стр. 153—156; № 8, стр. 88—94; № 9, стр. 88—94; № 10, стр. 137—141; № 11, стр. 100—108; № 12, стр. 99—104.

Историческая наука за рубежом

№ 1—2, стр. 188—190; № 3—4, стр. 156—158; № 5, стр. 172—174; № 6, стр. 156—158; № 7, стр. 156—158; № 8, стр. 95—96; № 9, стр. 94—95; № 10, стр. 141—142; № 11, стр. 109—110; № 12, стр. 104—106.

Некролог. В. М. Мирошевский, № 9, стр. 96.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Тельпуховский Б. — Разгром немецких войск под Москвой	3
Миллер А. — Турция под гнетом германского империализма в годы первой мировой войны (1914—1918)	12
Коробков Н., проф. — О причинах длительности Семилетней войны	24

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Болтянов С. — Коммунистические субботники в годы гражданской войны	35
Чебаевский Ф. — Путь Нижегородского ополчения	42
Дмитревский Н. — Создание конституции Соединенных Штатов Америки	47
Григорьева Д. и Швец К. — Из истории подготовки германского фашизма	57
Рыковская О. — Голландия во второй мировой войне	64

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	71
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

История СССР

Греков Б., акад. — Ян В. Батый. Историческая повесть. Соколов Б. — Подорожный И. Кутузов. Ольгина В. — Документы о немецких зверствах. История нового времени. Войтинский Г., проф. Пальм Датт. Индия сегодня. Palm Dutt. India to day. Ерофеев Н. — Меддикот У. Британская внешняя политика после Версаля. Medlicott W. British foreign policy since Versailles. Гуч Г. Британская внешняя политика 1919—1939. Gooch G. British foreign policy 1919—1939	79
---	----

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	96
-------------------------------------	----

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Исторические факультеты университетов и педагогических институтов к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции. — Группа историков при АН СССР в Казани. Работа исторических факультетов и педагогических институтов в дни Великой отечественной войны	99
Историческая наука за рубежом	104
Систематический указатель статей за 1942 год	107

ОПЕЧАТКА

В № 10 «Исторического журнала» за 1942 г. в рец. Б. Соколова «Донское казачество в Отечественной войне 1812 года», на стр. 118, столб. левый, 27 стр. сверху, напечатано: «вчерский венгер»; должно быть: «агерский венгер».

CONTENTS:

ARTICLES: Telpukhovskiy B. The rout of the German troops near Moscow. Miller A. Turkey under the heel of the German imperialism during the first World War of 1914-1918. Korobkov N., Prof. The causes of the long duration of the seven years' war. **REPORTS AND PUBLICATIONS:** Boltinov S. Communist subbotniks during the Civil War. Chebayevskiy F. The march of the Nizhny-Novgorod Popular Guard. Dmitrevskiy N. The rise of the constitution of the United States of America. Grigoryeva D. and Shvets K. The rise of German fascism. Rykovskaya O. The Netherlands in the second world war. **DOCUMENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF THE USSR. REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY. CURRENT NEWS. Index of articles for 1942.**

SOMMAIRE:

ARTICLES: Telpoukhovski B. La débacle des troupes allemandes devant Moscou. Miller A. La Turquie sous le joug de l'impérialisme allemand durant la première guerre mondiale (1914—1918). Prof. N. Korobkov. Des causes de la durée de la guerre de Sept ans. **COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS:** Boltinov S. Les samedis communistes durant la guerre civile. Tchébalevski F. La route de la milice de Nijni-Novgorod. Dmitrevski N. La création de la constitution des Etats-Unis d'Amérique. Grigorieva D. et Chvets K. Quelques pages sur l'histoire de la préparation du fascisme allemand. Rykovskaya O. La Hollande dans la deuxième guerre mondiale. **DOCUMENTS DE LA GRANDE GUERRE NATIONALE DE L'URSS. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE. Index des articles parues en 1942.**

INHALT:

ARTIKEL: Telpuchowski B. Die Zertrümmerung der deutschen Truppen vor Moskau. Miller A. Die Türkei unter dem Joch des deutschen Imperialismus in den Jahren des ersten Weltkriegs (1914—1918). Prof. N. Korobkow. Ueber die Ursachen der Langwierigkeit des siebenjährigen Krieges. **MITTEILUNGEN UND PUBLIKATIONEN:** Boltinow S. Kommunistische Samstage in den Jahren des Bürgerkrieges. Tschebajewski F. Der Weg der Volkswehr von Nischnij-Nowgorod. Dmitrejewski N. Die Entstehung der Verfassung der Vereinigten Staaten von Amerika. Grigorjewa D. und Schwetz K. Aus der Geschichte der Entstehung des deutschen Faschismus. Rykovskaya O. Holland im zweiten Weltkrieg. **DOKUMENTE DES GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES DER UdSSR. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. CHRONIK. Verzeichnis der im Jahre 1942 erschienenen Aufsätze.**

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский
Б. М. Волли
И. А. Кудрявцев
И. И. Мвиц.
А. М. Панкратова.
С. И. Гонсер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.

Д 3-31-04. Д 3-36-50.

А 62137. Изд. № 1083.
Подписано к печати 19/XII 1942 г.

Зак. 3118.

Тираж 30.000.
68.000 экз. в п. л.

Типография газет «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.